

АЙЗЕК
АЗИМОВ

*Академия
Первая трилогия*

Annotation

Действие первой части трилогии «Основание» разворачивается в далеком будущем, когда заселены планеты миллионов звездных систем Галактики. Математик и психоисторик Гэри Селдон предсказывает крах и возрождение через много лет несокрушимой Галактической Империи. Чтобы смягчить последствия катастрофы он разрабатывает проект создания Основания, которое должно стать центром зарождения новой Империи...

- [Айзек Азимов](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Часть третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- Часть четвертая

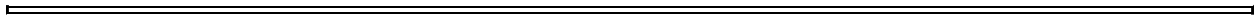
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

- Часть пятая

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

- notes

- 1
- 2

Айзек Азимов
Академия

Часть первая

Психоисторики

Гэри Селдон — ... (11938 — 12069 Галактической Эры).^[1]

Родился в семье среднего достатка на Геликоне, в секторе Арктура, где его отец, как гласит весьма сомнительная легенда, занимался выращиванием табака в гидропонной теплице. Паранормальные математические способности. Селдона проявились в раннем возрасте. Утверждают, что в двухлетнем возрасте...

Несомненно, наибольший вклад Селдон внес в психоисторию. Приступив к ее изучению, он не нашел в этой науке ничего, кроме расплывчатых аксиом. Потомкам же он оставил статистическую науку...

Самым достоверным и подробным описанием его жизни является биография, составленная Гаалем Дорником, который встретился с Селдоном за два года до смерти великого математика. История их знакомства...

Галактическая энциклопедия^[2]

Гааль Дорник, родом из провинции, ни разу в жизни не бывал на Тренторе, видел его только в гипервизионных фильмах и передачах. Пару раз ему посчастливилось посмотреть грандиозные трансляции с коронации нового Императора и с открытий заседаний Галактического Совета. Но и прожив всю жизнь на Синнаксе, маленькой планетке, обращающейся вокруг звезды на окраине Голубого Потока, он не был нецивилизованным изгоем. В те времена оторванных от цивилизации мест уже не существовало.

В Галактике насчитывалось около двадцати пяти миллионов обитаемых миров, и все они входили в состав Империи, столицей которой был Трентор.

Для Гааля теперешнее путешествие менее всего означало конец юности и учебы. Прежде он бывал в космосе только на экскурсиях и раз посетил единственный спутник Синнакса с целью сбора данных о метеорном потоке, необходимых ему в работе над диссертацией. Месяц назад он получил степень доктора математики, а через две недели — приглашение от великого Гэри Селдона прибыть на Трентор для участия в разработке проекта.

Итак, в свое первое настоящее космическое путешествие он улетал на многие миллионы миль и световых лет от дома...

Гааль настраивался на прыжок через гиперпространство совсем недолго, хотя в обычных межпланетных перелетах эти ощущения нельзя испытать. Путешествие в обычном пространстве могло проходить со скоростью, не превышающей скорости света, — что известно науке еще из забытой эпохи истории человечества — поэтому на путешествия даже между ближайшими обитаемыми системами уходили бы годы. А в гиперпространстве, этой не поддающейся воображению области, не являющейся ни пространством, ни временем, ни веществом, ни энергией, ни вакуумом, можно было пересечь всю Галактику за мгновенный промежуток времени.

Гааль в прыжке кроме пустякового толчка ничего не ощутил. И даже подумал, уж не показался ли тот ему. Гааль, почувствовав разочарование, с нетерпением ждал, какое впечатление на него произведет сам Трентор. Он отправился в зал видового обзора. Стальные шторы открывались в определенное время, и он не пропускал ни одного сеанса. Восхищенный Гааль смотрел на великолепное зрелище звездного неба, напоминавшее ему стайки светлячков, внезапно остановленные неведомой силой в полете и застывшие навсегда. В один из сеансов обзора видимой стала холодная, голубовато-белая газовая туманность, находившаяся на расстоянии пяти световых лет от корабля. Расплываясь по небу как пролитое молоко, она через два часа, после следующего прыжка, исчезла из виду.

Трентор обращался вокруг солнца, и оно, возникнув в иллюминаторах обзора, представляло собой всего лишь белую точку, одну из миллионов подобных ей. Если бы не указания маршрутной карты, ее невозможно было бы выделить и отличить. С каждым очередным прыжком солнце Трентора сияло все ярче, а остальные звезды блекли в сравнении с ним.

Мимо прошел офицер, бросив на ходу:

— Зал обзора закрывается. Приготовьтесь к посадке. Гааль догнал его и схватил за рукав белой формы, на котором красовалась эмблема Империи — «Звездолет и Солнце».

— Простите, а никак нельзя побыть здесь? Мне бы так хотелось увидеть Трентор!

Офицер улыбнулся, и Гааль покраснел от стыда за свой провинциальный акцент.

— Утром будем на Тренторе, — улыбнулся офицер.

— Я понимаю... Мне хотелось посмотреть отсюда.

— Простите, юноша. К сожалению, у нас — не космическая яхта. Мы

подлетаем с солнечной стороны. Не хотите же вы ослепнуть, получить ожоги и заодно облучиться?

И Гааль, вздохнув, зашагал к своей каюте.

Офицер крикнул ему вслед:

— Да не огорчайтесь вы так! Трентор выглядит всего-навсего таким серым шаром. Когда прилетите, можете взять билет для осмотра с орбиты. Это и недорого совсем.

Гааль обернулся:

— Большое спасибо!

Конечно, обижен он был, как ребенок. В горле стоял ком горечи и досады. Ожидание становилось невыносимым ...

Корабль опускался на Трентор. Шумы сменяли друг друга. Послышался отдаленный свист — это звездолет рассекал атмосферу. Урчали кондиционеры, борясь с нагревом обшивки, гудели трудившиеся в режиме торможения двигатели. Галдели пассажиры, собираясь в зале высадки, жужжали лифты, поднимавшие почту, багаж и прочие грузы.

Легкий толчок означал, что свободное движение закончилось и теперь на звездолет действовала только сила притяжения планеты. Тысячи пассажиров, устроившись в уютных креслах дебаркационных залов, ожидали посадки.

...Багажа у Гааля было немного, а таможенная процедура оказалась на удивление короткой. Инспектор пробежал глазами визу и поставил печать. А Гааль — смотрел по сторонам.

Трентор!

Воздух показался здесь более плотным. Немного сильнее, чем на Синнаксе, было притяжение, но и к этому можно привыкнуть.

Здание космопорта было громадным. Даже задрав голову, Гааль не разглядел потолка. Не видел и ближайшей стены. Видимую часть помещения занимали столы, за которыми сидели таможенники, а дальше все скрывалось в туманной дымке.

Инспектор обратился к Гаалю — видимо, уже не в первый раз:

— Все в порядке, идите.

— Куда? — растерянно пробормотал Гааль, оглядываясь по сторонам.

— К такси. Направо, потом третий поворот — налево.

Гааль двинулся в указанном направлении и вскоре заметил в воздухе над собой указатель — буквы светились в пустоте: «ТАКСИ ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ».

Только Гааль отошел от стола, как на его место тут же встал другой человек. Таможенник коротко кивнул ему. Человек кивнул в ответ и последовал за Дорником.

Гааль уперся прямо в ограждение.

Маленькая вывеска гласила: «Диспетчер».

Тот, к кому это относилось, буркнул, не взглянув на Гааля:

— Чем могу?

Денег у Гааля было в обрез, но скоротать ночь где-то надо, и он, как можно более небрежно, бросил:

— В приличную гостиницу.

— У нас все гостиницы приличные, — невозмутимо отозвался диспетчер.

— В ближайшую, — обреченно выдохнул Гааль.

Диспетчер нажал клавишу на пульте. На полу возникла тонкая полоска света, пересекавшаяся с другими, различных цветов и оттенков. Диспетчер подал Гаалю пластинку-билет, слегка светящуюся и того же цвета, что и линия на полу.

— Один двенадцать, — сказал диспетчер.

Гааль отсчитал монеты.

— А теперь куда?

— Идите по линии. Пластинка светится, пока вы следуете в верном направлении.

Гааль пошел вперед, туда, куда вела его светящаяся полоска. Рядом с ним двигались сотни людей. Временами кто-то сворачивал направо или налево.

Неожиданно световая ниточка оборвалась, и перед Гаалем вырос носильщик в новенькой желто-голубой униформе из пластотекстиля. Он подхватил чемоданы Гааля.

— Прямая линия на «Люксор», сэр.

Шедший следом человек, услышав эти слова и ответ Гааля: «Хорошо», — проследил, как тот садился в тупоносое такси...

Такси мягко набирало высоту. Гааль смотрел в овальное окно. Было от чего недоумевать — довольно приличный подъем, а они все еще летели внутри здания. Секунда — и люди внизу стали похожи на спешащих куда-то муравьев. Еще секунда — и они пропали из виду.

Впереди возникла бесконечная стена, множество отверстий в ней представляли собой входы в туннели. Такси с Гаалем подлетело к одному из них и втянулось внутрь. Гааль так и не сообразил, как это водителю удалось выбрать именно тот, который был им нужен. В один миг их окружила непроницаемая чернота — только сигнальные огни мигали, разрывая темноту, да шум двигателя нарушал тишину.

Гааля по инерции наклонило вперед — такси выскочило из туннеля и опустилось на тот уровень, с которого они начали полет.

— Отель «Люксор», — безразлично сообщил водитель.

Он помог Гаалю вынести багаж, деловито взял купюру, подобрал ожидавшего такси пассажира и исчез в высоте.

...Все это время, с момента приземления звездолета, Гааль ни разу не

ви́дел неба́.

Трентор — ...В начале тринадцатого тысячелетия этот вариант развития исчерпал себя. Будучи резиденцией правительства Империи на протяжении жизни сотен поколений, расположенная в центре Галактики, среди наиболее густонаселенных и индустриально развитых миров, сама планета Трентор была перенаселена до крайности.

Урбанизация планеты достигла предельной точки. Вся поверхность суши Трентора — 75 млн. кв. миль — представляла собой один город. Число его жителей выросло до 40 миллиардов. И эта огромная масса людей была занята административной деятельностью на благо Империи, при том, что для выполнения всех необходимых работ служащих еще и не хватало. (Здесь нелишне упомянуть, что — под отнюдь не самым бдительным руководством последних Императоров — неспособность наладить четкий административный контроль в Галактической Империи стала одним из факторов ее распада.) Каждый день огромные флотилии звездолетов доставляли на Трентор продукты из двадцати сельскохозяйственных миров...

...Полная зависимость во всех жизненных потребностях от других миров — ахиллсова пята Трентора — сделала его чрезвычайно уязвимым. В течение последнего тысячелетия существования Империи один Император за другим сталкивались с непрекращающимися мятежами. Имперская политика сосредоточилась на защите от экономической блокады...

Галактическая энциклопедия

Гааль не знал — какова была скорость вращения Трентора, светило ли солнце. Он так и не смог понять, день сейчас или ночь. А спросить стеснялся. Его только что кормили завтраком, но на многих планетах живут по стандартной схеме, не обращая внимания на такие неудобные понятия, как утро, день, ночь и вечер.

Он было обрадовался, увидев табличку «Солнечная комната», но оказалось, что за дверью — всего-навсего кабинка, где можно позагорать под кварцевой лампой. Через пару минут он спустился в фойе.

— Где можно купить билет на обзорную экскурсию? — спросил Гааль у администратора.

— У меня, если желаете.

— А скоро начало?

— Только что отправили. Следующая — завтра. Можете купить билет прямо сейчас.

— Вот как...

Завтра... Завтра — поздно. Завтра надо быть в Университете.

— Простите, а нет ли здесь чего-нибудь вроде смотровой площадки? Я имею в виду — на открытом воздухе?

— Разумеется! Можете приобрести билет. Я только взгляну, не идет ли дождь.

Администратор нажал кнопку на рукаве, возле локтя. Загорелся маленький экранчик, побежали буквы. Гааль прочел их одновременно с администратором.

Тот отвел взгляд от экранчика и сказал:

— Погода хорошая. Если не ошибаюсь, сезон дождей кончился. — И доверительно добавил:

— Я-то сам редко попадаю наружу. Последний раз выбирался года три назад, и что-то больше не тянет. Лифт у вас за спиной. Там табличка: «На Башню».

Гааль направился в кабину лифта незнакомой для него конструкции, туда зашло еще несколько человек, и лифтер нажал кнопку. Указатель тяжести показывал «ноль». Гааль ощутил, что тонет в пространстве. Через секунду вес вернулся к нему, но все равно показался меньше обычного. Опять невесомость — и ноги Гааля оторвались от пола. Он судорожно задержался, пытаясь уцепиться за стенку лифта.

— Вы что, неграмотный? — прикрикнул на него лифтер. — Написано же! На полу скобы для ног — закрепитесь!

Гааль огляделся и увидел, что остальные пассажиры преспокойно стоят на полу. Не скрывая улыбок, они смотрели, как Гааль перебирал руками по стене, пытаясь опуститься на пол. Стыд-то какой! А ведь как вошел — видел никелированные скобы на полу, не обратил внимания.

Наконец какой-то мужчина подал ему руку и потянул вниз. Пока Гааль бормотал слова благодарности, лифт остановился на открытой террасе, залитой лучами солнца. Мужчина, который только что помог ему, не отставал.

— Тут можно присесть, — мягко сказал он.

Гааль благодарно кивнул незнакомцу и направился вслед за ним к креслам, но остановился на полпути.

— Мне бы хотелось немного постоять у парапета, если не возражаете.

Незнакомец дружески помахал рукой. Гааль подошел к высокому, по плечо, парапету. Сверху открывалась величественная панорама Трентора.

Землю закрывали хитросплетения построек. Горизонт, насколько доставал глаз, занимали металлические конструкции. Все видимое пространство было одинаково ровного серого цвета. Только несколько прогулочных яхт крутилось в небе. Весь многочисленный транспорт трудился внизу, под металлической корой планеты.

Ни один цвет не оживлял однообразно-серого пейзажа. Ни зелени, ни почвы. Гааль знал, что где-то на Тренторе расположен императорский дворец, занимавший сто квадратных миль, утопавший в цветах и зелени, — маленький островок в стальном океане. Но отсюда его не было видно.

Необходимо как можно скорее отправиться на обзорную экскурсию!

Он впервые по-настоящему ощутил себя на Тренторе, в столице Галактики, в центре человеческой цивилизации. Оттуда, где он стоял, не все было видно... Он не видел звездолетов, приземлявшихся с продовольственными грузами, не знал о существовании тонкой пуповины, связывающей Трентор со всей Галактикой... Он ощущал только могущество человечества, полное и бесповоротное завоевание мира.

Гааль отошел от барьера слегка ослепленным. Попутчик из лифта помахал ему рукой; Гааль подошел и сел рядом с ним.

Незнакомец улыбнулся:

— Меня зовут Джеррил. Вы впервые на Тренторе?

— Да, мистер Джеррил.

— Ну вот, я так и думал. Только Джеррил — это имя, а не фамилия. Да... Трентор захватывающе действует на молодых людей с поэтическим воображением. А сами тренторианцы, между прочим, не очень любят сюда подниматься. Им это на нервы действует, знаете ли.

— На нервы? О, простите, я не представился. Меня зовут Гааль. А... почему им это действует на нервы? Такое величественное зрелище!

— Ваше мнение в данном случае субъективно, Гааль. Если бы вы родились в кубике, выросли в туннеле, потом всю жизнь работали в клетке и проводили отпуск в кабинке «Солнечной комнаты», а потом неожиданно оказались бы на открытом воздухе, думаю, вы бы получили нервный шок. Поэтому детей с пяти лет водят сюда раз в год. Не знаю, на пользу ли им это. Они не хотят отсюда уходить, просто истерики закатывают! Думаю, следовало бы начинать их водить сюда гораздо раньше — как только

отнимают от груди. И не раз в год, а каждую неделю. Но на самом деле, и это неважно. Что стряслось бы, если бы они вообще не поднимались наверх? Они счастливы там, внизу, эти люди. Они трудятся на благо Империи. Да, кстати, как вы думаете, на какой высоте мы находимся?

— Полмили? — предположил Гааль и тут же понял, как беспомощно и наивно это прозвучало.

Джеррил улыбнулся:

— Нет. Всего пятьсот футов.

— Как же так? Но только на лифте мы поднимались...

— Да-да, все правильно. Только дело в том, что большую часть времени мы поднимались на уровень первого этажа. Трентор — айсберг. Его подземная часть прорыта на милю вглубь. То есть, девять десятых города скрыто от глаз. Он под дно бывшего океана уходит на несколько миль в глубину. Мы углубились настолько, что можем использовать разницу температур на глубине и на поверхности для снабжения планеты энергией. А вы не знали?

— Нет. Я думал, вы пользуетесь атомными генераторами.

— Когда-то пользовались. Но так дешево.

— Можно представить!

— Ну и что вы думаете обо всем этом?

Взгляд Джеррила изучающе скользил по лицу Гааля.

— Потрясающе, — ничего не замечая, воскликнул Гааль.

— Если не секрет — что вас сюда привело? Отпуск? Путешествуете, осматриваете достопримечательности?

— Не совсем. То есть, мне всегда хотелось побывать на Тренторе. Но приехал я по работе.

— Вот как?

Гааль понял, что придется объяснить подробнее.

— Я получил приглашение принять участие в проекте Селдона в Тренторском Университете.

— Ага... Прямоком, значит, к Ворону Селдону в гнездо?

— Простите, не понял?

— Я про него говорю, про Гэри Селдона. Просто у нас его так называют. Он предсказывает всякие неприятности, вот его Вороном и прозвали.

— Правда? — неподдельно удивился Гааль.

— Я вам серьезно говорю.

Джеррил, и правда, не улыбался.

— А вы что, работать у него собираетесь?

— Ну да. Я — математик. А... почему он предсказывает неприятности? Какие именно?

— А вы как думаете?

— Понятия не имею. Я знаком с работами доктора Селдона и его группы. Это же теоретическая математика.

— Ну естественно. Опубликованные, — многозначительно подчеркнул незнакомец.

Гааль почувствовал себя неловко.

— Простите, я, пожалуй, спущусь в номер. Очень рад был познакомиться.

Дорник встал и поклонился. Джеррил небрежно помахал рукой.

...В номере Гааля ждал пожилой мужчина. Дорник от неожиданности онемел, потом проговорил сдавленным шепотом:

— Что вы тут делаете?

Мужчина тяжело поднялся из кресла и шагнул навстречу Гаалю, слегка прихрамывая. Глаза у него были живые, веселые, ярко-голубые.

— Я — Гэри Селдон, — сказал он, и Гааль, опомнившись от неожиданности, узнал лицо, которое столько раз видел на журнальных фотографиях.

Психоистория — ...Гааль Дорник, пользуясь нематематическими терминами, определил психоисторию как раздел математики, изучающий реакции человеческих сообществ на определенные социальные и экономические стимулы...

...Основное во всех этих определениях — безоговорочное принятие того, что человеческое сообщество велико для того, чтобы статистическая обработка данных давала достоверные результаты. Необходимая численность сообщества может быть определена с помощью Первой Теоремы Селдона, которая гласит...

...Следующее необходимое допущение заключается в том, что само человеческое сообщество не должно догадываться о том, что подвергается психоисторическому анализу, — только тогда реакция будет носить естественный характер.

...Основой психоисторического анализа служат функции Селдона, представляющие свойства, конгруэнтные по отношению к таким социальным и экономическим силам, как...

Галактическая энциклопедия

— Добрый день, сэр, — запинаясь, проговорил Гааль. — Я...

— Вы думали, что мы встретимся не раньше чем завтра? В общем, да... Но дело в том, что мы очень торопимся. А добровольцев находить все труднее.

— Сэр, я не понимаю...

— Вы разговаривали с человеком на Башне, не так ли?

— Да... Его имя — Джеррил. Больше я о нем ничего не знаю.

— Его имя абсолютно ни при чем. Он — агент Комитета Общественного Спасения. За вами шел от самого космопорта.

— Но почему? Ничего не понимаю!

— Он говорил что-нибудь обо мне?

Гааль смутился:

— Он назвал вас... Вороном.

— А почему — объяснил?

— Он сказал, что вы предсказываете... м-м-м... неприятности.

— Хм... Ну ладно, скажите, какое впечатление на вас произвел Трентор?

Надо же — всем интересно, что он думает про Трентор!

Гааль не нашел другого слова и выпалил:

— Восхитительно!

— Ну, это первое впечатление... Ваше мнение с психоисторической точки зрения?

— Я никогда не думал о ее конкретном приложении!

— Поработаете у меня, молодой человек, и научитесь применять методы психоистории ко всему подряд. Посмотрите-ка.

(Тут он вынул из кармана маленький калькулятор.)

Поговаривали, что Селдон держит его под подушкой и достает как только просыпается. От частого пользования блестящая панель калькулятора потускнела. Пальцы Селдона, усеянные старческими пятнышками, проворно забегали по клавишам. На сером экране загорелись красные цифры. Он пояснил:

— Вот что представляет собой сегодняшнее состояние Трентора.

Селдон ждал. Наконец Гааль произнес:

— Это, конечно, не полная картина?

— Да, не полная, — согласился Селдон. — Я рад, что вы не принимаете моих утверждений на веру. Однако в первом приближении их можно использовать для прогноза. Согласны?

— Если потом я смогу верифицировать деривацию функции — согласен.

— Отлично. Добавим к этому известную возможность распада Империи, мятежа вице-королей, учащения периодов экономической депрессии, снижение объема планетарных исследований и...

Он продолжал перечисление. Как только он называл очередной фактор, на экране загорались новые цифры и значение функции все время менялось.

Гааль остановил Селдона только один раз:

— Я не понимаю значения этого преобразования. Селдон повторил расчеты еще раз, более медленно.

— Но вы производите запрещенную социооперацию!

— Вы очень сообразительны, — улыбнулся Селдон. — Но в этом смысле такая операция не запрещена. А сейчас я ее проведу методом расширения.

На этот раз вычисления потребовали больше времени. В конце концов Гааль проговорил:

— Да. Теперь я понял.

Селдон оторвался от калькулятора и устало сказал:

— Вот что будет представлять собой Трентор через пять тысячелетий. Как бы вы это определили?

Он лукаво склонил голову набок и ждал ответа. Гааль смотрел на цифры, не веря глазам.

— Полный упадок? Но... но это невозможно! Трентор никогда...

Селдон был явно доволен.

— Ну-ну, продолжайте. Вы же видели, как получился этот результат. Забудьте на минуточку о цифрах, скажите просто.

Гааль проговорил медленно, подбирая слова:

— Получается так, что чем больше у Трентора административной власти, тем он уязвимее и тем более желанной добычей становится. Поскольку с годами наследственные права на имперский престол станут все более сомнительными, возникнут распри в борьбе за него среди аристократических семейств. Социальная активность пойдет на убыль...

— Достаточно. Теперь по поводу вероятности распада Империи через пятьсот лет в цифровом выражении.

— Я затрудняюсь...

— Ну продифференцируйте в уме. Сумеете?

Гааль был обескуражен. Калькулятор — вот он, под рукой, зачем же в уме! Лоб его покрылся испариной...

— Что-то около восьмидесяти пяти процентов? — наконец выдавил он.

— Неплохо, — улыбнулся Селдон. — Но и не хорошо. Истинная цифра составляет девяносто два и пять десятых процента.

— Поэтому вас и зовут Вороном? — осторожно поинтересовался Гааль. — Ничего подобного в научных журналах мне не попадалось!

— Ну естественно. Это неопубликованные материалы. Неужели вы думаете, что Империя согласится таким образом расписаться в собственной обреченности? Но некоторые наши выводы все-таки просочились в аристократические круги.

— Это плохо.

— Почему же? У нас все учтено.

— И поэтому за мной следят?

— Да. Следят за всем, что касается моего проекта.

— Вы в опасности, сэр?

— О да. Вероятность моей казни составляет 1,7 %, но разработке проекта это не мешает. Мы учли и это. Не надо волноваться. Надеюсь,

вы навестите меня завтра в Университете?

— Конечно, — твердо ответил Гааль.

Комитет Общественного Спасения — кучка аристократов, пришедшая к власти после свержения Клеона I, последнего из династии Энтунов. В целом, им удалось навести некоторый порядок после нескольких веков нестабильности и смятения. Возглавляемый представителями таких влиятельных семейств, как Чены и Диварты, Комитет постепенно превратился в слепое орудие...

...Их власть в Империи сохранялась до воцарения последнего сильного Императора — Клеона II. Первый Председатель Комитета...

...В какой-то степени началом падения влияния Комитета можно считать процесс Гэри Селдона, состоявшийся за два года до начала А. Э. Этот процесс подробно описан в биографии Гэри Селдона, составленной Гаалем Дорником...

Галактическая энциклопедия

Гааль не успел выполнить своего обещания. Наутро его разбудил настойчивый телефонный звонок. Он снял трубку и услышал вежливый голос дежурного администратора, который сообщил ему, что согласно приказу Комитета Общественного Спасения он арестован.

Гааль вскочил с кровати, бросился к двери — заперта. Оставалось только одеться и ждать.

Дальше все было как в тумане. За ним пришли и куда-то отвели. Вежливо задавали вопросы. Он отвечал, что прибыл из провинции, с Синнакса, окончил такие-то учебные заведения, тогда-то получил степень Доктора Математики, подал прошение о зачислении в штат сотрудников доктора Селдона и получил согласие. А спрашивавшие все уточняли, почему именно он решил принять участие в работе над проектом Селдона. Как он впервые об этом узнал, каковы должны быть его обязанности, какие секретные инструкции он получал, что вообще он знает о проекте?

Он отвечал, что не знает ничего, что никаких секретных инструкций не получал, что он ученый, математик и его не интересует политика.

В конце концов цивилизованный инквизитор задал ему вопрос:

— Когда начнется упадок Трентора?

— Лично я об этом ничего не знаю... — замялся Гааль.

— Может быть, кто-нибудь говорил вам об этом?

— Как я могу говорить за кого-то?

Инквизитор настаивал:

— Кто-нибудь говорил вам об упадке Трентора? Кто-нибудь сообщал вам о том, когда это произойдет?

Замешательство Гааля было настолько очевидным, что инквизитор пришел ему на помощь:

— За вами следили, доктор. Наши люди были в космопорту, когда вы прибыли, с вами говорили на Башне, и, конечно же, ваш разговор с доктором Селдоном прослушивался.

Гааль пожал плечами.

— Значит, вам известна его точка зрения.

— Возможно. Но мне хотелось услышать и от вас.

— Он считает, что упадок Трентора наступит через пятьсот лет.

— Он математически доказывает это?

— Да, доказывает, — с вызовом ответил Гааль.

— И вы считаете, что это можно доказать математическими методами?

— Можно — если это делает доктор Селдон.

— Ну что ж, тогда начнем сначала...

— Пойдите, — взмолился Гааль. — Я имею право пригласить адвоката. Как гражданин Империи...

— У вас будет такая возможность.

...И возможность была предоставлена.

В комнату вошел высокий худой мужчина. Его лицо, казалось, нарисовано вертикальными линиями. Такое узкое, что непонятно, поместится ли на нем улыбка...

Гааль поднял на вошедшего измученные глаза. Встать он был просто не в силах. Столько всего сразу — а ведь он находился на Тренторе не более тридцати часов...

Мужчина представился:

— Меня зовут Лорс Аваким. Доктор Селдон прислал меня для защиты ваших интересов.

— Так помогите же мне! Я должен немедленно отправить жалобу Императору. Я задержан без всяких на то оснований. Я ни в чем не виноват. Ни в чем!

Аваким тем временем пристраивал на столе небольшой магнитофон. Закончив приготовления, он взглянул на Гааля.

— За нашей встречей, безусловно, наблюдают с помощью лучей-шпионов. Это противозаконно, но они ни перед чем не остановятся.

Гааль обреченно вздохнул.

Аваким устроился в кресле поудобнее.

— Ну а мы попробуем их перехитрить. Дело в том, что этот магнитофон — с виду самый обычный — полностью экранирован от лучей-шпионов. По крайней мере, они не сразу это обнаружат.

— Значит, я могу говорить?

— Ну конечно.

— Я хочу, чтобы меня выслушал Император! — с удвоенным пылом воскликнул Гааль.

Аваким холодно улыбнулся. Оказалось, что улыбка все-таки умещается на его вертикальной физиономии.

— Вы — из провинции.

— Ну и что? У меня те же права, что у любого гражданина Империи! Как у вас, как у членов Комитета Общественного Спасения!

— Конечно, конечно. Я не к тому. Но вы — провинциал и недостаточно четко представляете себе нынешнюю обстановку на Тренторе. Император не дает аудиенций.

— А кому же тогда я могу пожаловаться на действия этого Комитета? Какова процедура апелляции?

— Нет никакой процедуры. Практически — никакой. Теоретически, вы можете обратиться к Императору, но аудиенции не получите. Нынешний Император, если вы знаете, не из династии Энтунов. Трентор сейчас находится в руках аристократических семейств, представители которых составляют Комитет Общественного Спасения. Этот этап в развитии Империи давно предсказан методами психоистории.

— Правда? — искренне удивился Гааль. — Ну, если доктор Селдон может предсказать судьбу Трентора на пятьсот лет вперед...

— Он может предсказать и на пятнадцать тысяч лет вперед.

— Хорошо! — Гааль вскочили заходил по комнате, размахивая руками. — Пусть хоть на двадцать тысяч! Почему же тогда он не мог предвидеть вчера, что произойдет наутро, не предупредил меня? Ах нет, простите, что я говорю...

Он сел, обхватив голову руками.

— Я понимаю, что психоистория — статистическая наука, что с ее помощью нельзя предвидеть будущее отдельного человека. Но поймите, я в ужасе...

— Вы не правы, Гааль. Доктор Селдон отлично знал, что утром вас

арестуют.

— То есть — как?

— Не огорчайтесь, но это так. Комитет в последнее время просто наступал нам на пятки. За всеми новыми сотрудниками устанавливалась слежка. И наши графические модели показали, что для успеха дела было бы лучше, если бы кризис наступил именно сейчас. Чтобы ускорить события и спровоцировать Комитет на активные действия, доктор Селдон и посетил вас вчера.

Гааль тяжело дышал.

— Я возмущен! Я протестую!

— Прошу вас, успокойтесь. Это было необходимо. Никаких личных мотивов здесь нет. Вы должны понять, что планы доктора Селдона, опирающиеся на фундаментальные математические исследования, учитывают разнообразные случайности с высокой степенью достоверности. Сейчас — именно такая случайность. Я послан к вам с единственной целью — убедить вас, что бояться вам нечего. Все окончится благополучно, в том числе и с проектом.

— Ну и как это выглядит в вашем любимом процентном отношении? — с горьким сарказмом поинтересовался Гааль.

— Что касается проекта — 99,5 %.

— А что касается меня?

— Мне сказано, что ваши шансы на благоприятный исход дела составляют 77,2 %.

— Так. Значит — один против пяти в том смысле, что меня казнят или посадят в тюрьму?

— Вероятность казни — не более 1 %.

— Что вы говорите?.. Только не надо меня утешать. Я отлично понимаю, что все расчеты вероятности в отношении отдельного человека всегда приблизительны! А... вы не могли бы передать доктору Селдону, чтобы он навестил меня?

— Увы, — грустно развел руками Аваким, — это невозможно. Доктор Селдон сам под арестом.

Гааль не успел закрыть рот, как дверь распахнулась, вошел охранник, подошел к столу, взял магнитофон, повертел его в руках и сунул в карман.

Аваким вяло запротестовал:

— Но... он мне еще потребуется!

— Вам будет передан другой, точно такой же, уважаемый адвокат. Только без защитного поля, — холодно заметил охранник.

— В таком случае — моя беседа с подследственным закончена.

Гааль проводил Авакима полным отчаяния взглядом. Дверь закрылась.
Он остался один.

Процесс (по крайней мере, Гааль думал, что идет процесс, хотя происходившее мало походило на то, как он представлял себе судебное разбирательство) шел всего третий день, но Гааль уже с трудом мог вспомнить в подробностях его начало.

Лично его не слишком беспокоили вопросами. Вся тяжелая артиллерия была направлена на Селдона, который, однако, сохранял олимпийское спокойствие. Прессу и простых смертных в зал не пустили, и, видимо, кроме присутствовавших, мало кто и догадывался, что в эти дни судят Гэри Селдона. Обстановка была крайне недружелюбная.

Пятеро представителей Комитета Общественного Спасения восседали на возвышении за длинным столом. На них были алые с золотом мантии и плотно облегающие головы блестящие шапочки — символы правосудия. В центре сидел Председатель Комитета Линь Чен. Гааль до сегодняшнего дня ни разу не видел столь знатного аристократа и восхищенно разглядывал его. За все дни процесса Чен не вымолвил ни слова. Видимо, его речь была впереди.

Судья просмотрел бумаги и продолжил допрос. Вопросы по-прежнему задавались только Селдону.

Вопрос: Итак, доктор Селдон. Сколько человек занято в вашем проекте?

Ответ: Пятьдесят математиков.

В.: Включая доктора Гааля Дорника?

О.: Доктор Дорник — пятьдесят первый.

В.: Следовательно — пятьдесят один человек? Подумайте хорошенько, доктор Селдон. Может быть, насчитаете пятьдесят два или пятьдесят три, а может — и больше?

О.: Доктор Дорник еще не приступал к работе. Вместе с ним число сотрудников составляет пятьдесят один. А пока, как я уже сказал, — пятьдесят.

В.: И никак не сто тысяч?

О.: Математиков? Нет.

В.: Я не спрашивал, сколько у вас математиков. Всего сотрудников у вас сто тысяч?

О.: Если считать всех, то вы близки к истине.

В.: Близок? Цифра точная! Я утверждаю, что в разработке вашего

проекта занято девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два человека.

О.: По-видимому, вы учли даже жен и детей.

В.(раздраженно): Я утверждаю, что сотрудников девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два. Отрицать бесполезно.

О.: Я согласен с приведенной вами цифрой.

В.(заглянув в бумагу): В таком случае оставим на время этот вопрос и перейдем к другому. Не будете ли вы, доктор Селдон, так добры и не повторите ли еще раз ваши соображения относительно будущего Трентора?

О.: Я уже отвечал, но могу повторить еще раз: через пять веков Трентор будет лежать в руинах.

В.: Вы не находите, что ваше высказывание противозаконно?

О.: Нет, сэр. Научная истина не имеет ничего общего с такими понятиями, как законность и противозаконность.

В.: Вы уверены в том, что ваше утверждение является научной истиной?

О.: Да.

В.: На каком основании?

О.: На основании результатов математических и психоисторических исследований.

В.: Можете ли вы доказать, что ваши математические расчеты верны?

О.: Другому математику? Конечно.

В.(улыбнувшись): Вы хотите сказать, что открытая вами истина настолько эзотерична, что простому человеку ее не понять? А вот мне почему-то всегда казалось, что истина должна быть доступна для всех.

О.: А она доступна. Для многих. К примеру — физика переноса энергии, известная нам под названием термодинамики, была ясна и истинна на протяжении всей истории человечества. Однако до сих пор найдутся люди, которые сочтут, что построить обычный генератор невозможно. Причем среди них могут быть и высокообразованные люди. Сомневаюсь, что уважаемые члены Комитета...

(Тут один из «уважаемых членов Комитета» наклонился к судье и что-то прошептал ему на ухо. Судья покраснел и прервал Селдона.)

В.: Мы здесь не для того, чтобы выслушивать лекции, доктор Селдон! Допустим, вы ответили на мой вопрос. А теперь позволю себе высказать предположение. Не могут ли ваши предсказания упадка Трентора быть направлены на подрыв доверия населения к правительству Империи, причем в ваших интересах?

О.: Это не так.

В.: Не содержится ли в ваших предсказаниях упоминание о том, что

период времени, предшествующий так называемому распаду Трентора, будет характеризоваться различными беспорядками?

О.: Вы правы.

В.(удовлетворенно): Отсюда легко предположить, что вы надеетесь спровоцировать эти беспорядки и на Вашей стороне будет армия в сто тысяч человек.

О.: Во-первых, это неправда. И даже если бы это было так, вам было бы легко убедиться, что среди исследователей с трудом наберется десять тысяч мужчин призывного возраста, причем ни один из них в жизни не держал в руках оружия.

В.: А не действуете ли вы как агент какой-либо другой организации?

О.: Нет, я ни на кого не работаю, господин судья.

В.: Вы — бесребреник, слуга науки?

О.: Да.

В.: Тогда следующий вопрос. Можно ли изменить будущее, доктор Селдон?

О.: Конечно. Например, этот зал может через пару мгновений взлететь на воздух. Если бы это произошло, будущее в какой-то степени изменилось бы.

В.: Не иронизируйте, доктор Селдон. Я вас спрашиваю, может ли измениться будущее всего человечества.

О.: Да.

В.: Это легко сделать?

О.: Нет. Очень трудно.

В.: Почему?

О.: Дело в том, что психоисторическая направленность населения даже одной планеты имеет колоссальный запас инерции. Для того чтобы направленность изменилась, она должна столкнуться с чем-то имеющим сходный запас инерции. С такой же массой людей, например. А если их мало, должен пройти солидный промежуток времени. Понимаете?

В.: Думаю, что да. Трентор не обязательно должен быть разрушен, если большие массы людей будут этому противостоять.

О.: Вы правильно поняли.

В.: Ста тысяч человек хватит?

О.: Нет, сэр. Этого будет мало.

В.: Вы уверены?

О.: Прошу вас учесть, что население Трентора составляет около 40 миллиардов. Что тенденция к распаду охватывает не только Трентор, но и всю Империю, а в Империи проживает почти квинтиллион человек.

В.: Ясно. Тогда, может быть, сто тысяч ваших сотрудников смогут хоть как-то противостоять разрушению, если и они, и их потомки будут работать над этой проблемой в течение пятисот лет?

О.: Боюсь, что нет. Пятьсот лет — это слишком мало.

В.(улыбаясь): Ну-ну... Итак, доктор Селдон, из всех ваших заявлений можно логически вывести следующее: вы собрали сто тысяч человек для работы над вашим проектом. Однако этого недостаточно для того, чтобы изменить ход истории Трентора на протяжении пятисот лет. Другими словами, они не могут предотвратить упадка, как бы упорно ни трудились.

О.: К сожалению, вы правы.

В.(торжественно): В таком случае, доктор Селдон... Обдумайте ответ. Какова цель работы ста тысяч ваших сотрудников?

Голос судьи сделался резко-скрипучим. Казалось — до сих пор он темнил, а теперь вышел из укрытия и был уверен, что загнал своими вопросами Селдона в угол.

По залу пробежал шепоток. Даже члены Комитета начали переговариваться. Только Председатель оставался все таким же невозмутимым и мрачным.

Гэри Селдон молчал. Он ждал, пока установится тишина.

О.: Свести к минимуму последствия упадка.

В.: Точнее. Что вы имеете в виду?

О.: Объяснить просто. Будущее разрушение Трентора — не изолированный процесс, отдельный от всей истории человечества. Оно станет кульминацией сложной драматической коллизии, возникшей несколько столетий назад, развитие которой все ускоряется. Я имею в виду, господи, полный упадок и распад Галактической Империи.

Шепот в зале перерос в возмущенный гул.

— Значит, вы открыто заявляете, что... — воскликнул судья.

Но его слова потонули в общем крике: «Измена!»

Председатель поднял молоток и ударил в гонг. В аудитории постепенно восстановилась тишина. Судья глубоко вздохнул и продолжил допрос.

В.(театрально-торжественно): Осознаете ли вы, доктор Селдон, что говорите об Империи, история которой насчитывает двенадцать тысячелетий, за плечами которой превратности судьбы многих и многих поколений...

О.: Осознаю. Мне известно как теперешнее состояние Империи, так и ее прошлое. Не желая оскорбить кого-либо из присутствующих, скажу, что мне все это известно лучше, чем многим другим.

В.: И вы предсказываете разрушение всей Империи?

О.: Мое предсказание основано на математических расчетах. Здесь нет никаких личных суждений. Я и сам не рад, что все так складывается. Даже если предположить, что Империя плоха на сегодняшний день, состояние анархии, которое неизбежно наступит в ней после распада, будет во много раз хуже. Именно с угрозой анархии и призван бороться мой проект. Падение Империи, господа, — катастрофа, и противостоять ей чрезвычайно трудно. Империей правит бюрократия, власть которой все более усиливается. Всякая инициатива снизу пресекается, воздвигаются кастовые барьеры, задыхается научный поиск, и прочее, и прочее. Все это продолжается уже много веков. Повторяю, это слишком непостижимый и грандиозный процесс для того, чтобы его остановить.

В.: Но разве неизвестно всем и каждому, что именно сейчас Империя сильна, как никогда?!

О.: Впечатление обманчиво. Господин судья, гнилое дерево кажется нам сильным и здоровым, пока молния не расколется его пополам. Порывы грозового ветра в ветвях дерева Империи уже слышны. Прислушайтесь — и вы услышите, как оно потрескивает.

В.(не слишком уверенно): Мы здесь не для того, мистер Селдон, чтобы выслушивать ваши...

О.(решительно): Империя исчезнет, и все блага, что были созданы за время ее существования, исчезнут вместе с ней: знания, установленный порядок вещей... Начнутся бесконечные межзвездные войны, заглохнет межпланетная торговля, уменьшится число людей, отдаленные миры утратят связи с центром Галактики. И ничего с этим нельзя будет поделать.

В.(тихо, почти шепотом): Никогда?

О.: Психоистория, способная предсказать упадок, не умалчивает и о последующих мрачных временах. Империя, господа, как уже говорилось, продлится двенадцать тысяч лет. А период мрака и хаоса продлится не двенадцать, а тридцать тысячелетий. Потом появится Вторая Империя, но в промежутке между нашей цивилизацией и ее возникновением тысячи поколений проживут в хаосе. Вот с чем мы призваны бороться.

В. (оправившись от потрясения): Но вы сами себе противоречите! Ранее Вы сказали, что не можете препятствовать разрушению Трентора, то есть, по-видимому, и распаду — так называемому распаду Империи тоже...

О.: А я и не утверждаю, что мы способны противостоять упадку. Но пока еще не поздно попытаться повлиять на продолжительность мрака и хаоса. Есть возможность, господа, свести ее к одному тысячелетию взамен тридцати, если у моей группы будут условия для работы. Мы живем в очень нестабильное время. Огромную, разрушительную массу событий

нужно скорректировать немного — совсем немного, но и этого окажется достаточно, чтобы вычеркнуть двадцать девять жутких тысячелетий из истории человечества.

В.: И как вы предполагаете это осуществить?

О.: Путем спасения интеллекта. Знания не могут принадлежать отдельному человеку, даже тысячам людей. Когда рухнет социальный институт Империи, знания разлетятся на миллионы осколков. Отдельные специалисты будут знать многое о немногом. Сами по себе они станут беспомощными, и знания исчезнут за одно поколение. Но если сейчас мы создадим банк данных всей суммы знаний человечества, они не будут утрачены никогда. Потомки будут строить свою деятельность на готовом фундаменте, им не придется каждый раз открывать все заново. Одно тысячелетие вместо тридцати.

В.: Все это очень...

О.: Тридцать тысяч моих сотрудников с женами и детьми работают над подготовкой «Галактической Энциклопедии». За свою жизнь им этой работы не закончить. Я сам не доживу до выхода первого тома. Но к тому времени, когда Трентор будет разрушен, работа будет завершена и тома Энциклопедии будут в каждой крупной библиотеке по всей Галактике.

Молоток председателя поднялся и опустил. Гэри Селдон сел на скамью подсудимых рядом с Гаалем, улыбнулся и шепнул:

— Ну, как вам этот спектакль?

— Похоже, вы выиграли. Что же будет теперь?

— Прекратят процесс и постараются заключить со мной частное соглашение.

— Откуда вы знаете?

— Если честно — не знаю. Все зависит от Председателя Комитета. Но его я знаю много лет. Я пытался анализировать его деятельность, хотя психоисторическими методами это делать трудновато. Тем не менее есть надежда...

Аваким подошел, кивнул Гаалю, наклонился к Селдону и что-то шепнул ему на ухо. Раздались возмущенные крики, подбежали охранники и отвели Авакима в сторону. Гаалья увели.

На следующий день обстановка в корне переменилась. Селдон и Дорник оказались наедине с пятеркой Комитетчиков. Им даже предложили сигары. Селдон закурил, Гааль отказался.

— Наш адвокат отсутствует, — заметил Селдон.

— А сегодня — не судебное заседание, доктор Селдон, — ответил один из членов Комитета. — Мы собрались лишь для того, чтобы обсудить проблемы государственной безопасности.

— А теперь буду говорить я, — мрачно проговорил Линь Чен.

Четверо Комитетчиков торжественно выпрямились. Наступила тишина. Гааль затаил дыхание. Линь — худой, поджарый, угрюмый — выглядел старше своих лет. Он был фактическим правителем Галактики, поскольку ребенок, носивший титул Императора, оставался марионеткой, символом. Правил Галактикой Чен.

— Доктор Селдон, — начал он, — вы нарушили спокойное течение имперской истории. Никто из квадриллионов ныне живущих людей не проживет более столетия, Зачем же нам, в таком случае, отягощать себе жизнь, гадая о том, что будет через пятьсот лет?

— Ну а я протяну не более пяти, — с улыбкой возразил Селдон. — Однако для меня этот вопрос — первостепенный. Можете считать меня идеалистом. Но я думаю так, потому что считаю себя человеком.

— Не имею ни малейшего желания философствовать. Объясните, почему бы мне просто не избавиться от вас, а вместе с вами — от мифического будущего, отстоящего от нашего времени на пять столетий?

— Неделю назад, — мягко сказал Селдон, — у вас была возможность поступить так, и, вероятно, у вас появился бы шанс — один из десяти, — что вы доживете до конца года. Сегодня такая вероятность составляет один из тысячи.

Селдон стряхнул пепел. Комитетчики заерзали в креслах, зашептались. Веки Чена дрогнули.

— О чем это вы?

— Падение Трентора, — ответил Селдон, сделав глубокую затяжку, — нельзя предотвратить никакими волевыми усилиями. А вот ускорить —

легко. Молва о судилище надо мной очень быстро разнесется по всей Галактике. Ваш отказ от моих планов предотвратить, смягчить, сократить мучения человечества убедит народы в том, что им не на что надеяться в будущем. Они уже сейчас с тоской вспоминают о том, как жили их предки. Они увидят, что политические революции и промышленные кризисы растут как грибы. В Галактике воцарится ощущение, что только то и ценно, что можно заполучить немедленно. Люди амбициозные ждать не станут, не замедлят и беспринципные. Каждое их деяние будет приближать конец. Казните меня — и крах Трентора наступит не через пятьсот лет и даже не через пятьдесят, а ваш собственный — через год, а то и раньше.

— Этим пугайте младенцев, — буркнул Чен. — Однако ваша казнь — не единственный выход.

Он оторвал свою сухую ладонь от бумаг, на которых она покоилась. Только два пальца остались лежать поверх первого листа.

— Скажите, — спросил он, глядя мимо Селдона, — действительно ли вся деятельность вашей группы заключается, как вы утверждаете, в подготовке Энциклопедии?

— Чистая правда.

— Это обязательно должно происходить на Тренторе?

— Трентор, мой Господин, располагает уникальной Имперской Библиотекой и материалами, собранными нами в Университете.

— Тем не менее. Если бы вы работали в любом другом месте, скажем, на планете, где бы вас не отвлекала суeta метрополии, где бы ваши сотрудники могли целиком и полностью отдаться работе, — разве это не лучше?

— Не исключено.

— Прекрасно. Тогда позвольте сообщить вам, что такое место найдено. Трудитесь там спокойно, доктор, вместе со своими коллегами. Галактике будет известно, что вы упорно работаете и боретесь с упадком.

Чен улыбнулся:

— А поскольку сам я не верю во многое из того, в чем должен убеждать других, мне не составит особого труда внушить всей Галактике мысль о возможности упадка, в который сам не верю ни на йоту. А вы, доктор, перестанете досаждать Трентору и Империи. Альтернатива — ваша казнь. И не только ваша. Угрозы меня не пугают. Итак, у вас есть возможность в течение пяти минут выбрать между ссылкой и казнью.

— А какая планета избрана, мой Господин? — осведомился Селдон.

— Если не ошибаюсь, она называется Терминус.

Чен перелистал страницы, выбрал одну и повернул ее к Селдону.

— Она необитаема, но пригодна для жизни. Правда, она несколько удалена...

— Она на краю Галактики! — прервал его Селдон.

— Я и говорю — несколько удалена. Вам это поможет полностью сконцентрироваться на работе. У вас осталось две минуты.

— Но нам потребуется время для организации переезда. Нам придется вывезти двадцать тысяч семей.

— Время у вас будет.

Селдон думал. Последняя минута шла на убыль. Наконец он решился:

— Я выбираю ссылку.

При этих словах замершее сердце Гааля вновь забилося. Он ощутил естественную радость человека, избежавшего смерти. Однако к этому чувству примешивалась доля огорчения — Селдон проиграл...

Такси несло по темным туннелям к Университету. Всю дорогу они молчали. Наконец Гааль спросил:

— То, что вы сказали Председателю Комитета, — правда? Действительно ли ваша казнь ускорила бы упадок?

— Я никогда не шучу с выводами психоисторических исследований, — улыбнулся Селдон. — В данном случае тоже. И Чен знает, что я прав. Он — тонкий и умный политик, а политики по роду своей деятельности инстинктивно чувствуют верность психоисторических выводов.

— Значит, им было нужно, чтобы вы выбрали ссылку?! — воскликнул Гааль. Селдон промолчал.

Когда такси опустилось на площадь перед Университетом, Гааль вдруг охватила страшная слабость. Селдон помог ему выбраться из такси и повел под руку.

Здание Университета сверкало так, что Гааль на мгновение забыл, что существует солнце. А ведь Университет стоял не под открытым небом. Его строения были покрыты огромным куполом из какого-то прозрачного материала. Материал был, видимо, поляризован, поэтому его блеск не слепил глаза.

Университетский комплекс выгодно отличался от остальных серо-стальных зданий Трентора. Цвет его построек был скорее серебристым. Металл отливал мягким сиянием слоновой кости.

Селдон шепнул:

— Похоже, солдаты.

— Что?

Взгляд Гааля опустился с небес на землю, и он увидел патруль.

Капитан обратился к ним низким, хорошо поставленным голосом военного:

— Доктор Селдон?

— Да.

— Мы ждали вас. Вы и ваши сотрудники с этого момента — на военном положении. Я уполномочен проинформировать вас о том, что на приготовления к отлету на Терминус вам дается полгода.

— Всего полгода! — воскликнул Гааль, но пальцы Селдона мягко сжали его локоть.

— Таковы инструкции, — подвел черту капитан. Он удалился во главе патруля, а Гааль повернулся к Селдону:

— Но как? Что можно успеть за шесть месяцев? Это же медленная казнь!

— Спокойно, спокойно. Пройдемте ко мне в кабинет.

Кабинет был небольшой, но надежно защищенный от шпионажа. Лучи-шпионы, натывавшиеся на его стены, не встречали ни подозрительной тишины, ни тем более подозрительного отсутствия движения. Наоборот, они улавливали беседу, состоящую из совершенно невинных фраз, произносившихся разными голосами.

— Ну, — вздохнул облегченно Селдон, — все хорошо. Шести месяцев нам хватит за глаза.

— Непонятно как!

— Мальчик мой, при таком плане, как у нас, даже Комитет, сам того не зная, нам помогает. Я ведь уже говорил вам, что стереотип поведения Чена мы изучили досконально. Процесс не начался бы до тех пор, пока в нашу пользу не сработали бы обстоятельства и время!

— Но как вы могли хотеть...

— Ссылку на Терминус? А почему бы и нет?

Селдон надавил пальцами на крышку стола, и часть стены у него за спиной отъехала в сторону.

— Там — видеотека. Возьмите ящичек на букву «Т».

Гааль достал ящичек, подал его Селдону, тот вынул кассету и вставил ее в миниатюрный проектор. Перед глазами Гааля замелькали кадры фильма.

— Как же это... — пробормотал он.

— Что вас так удивляет?

— Вы... два года готовились к перелету?

— Точнее — два с половиной. Мы, конечно, не были уверены, что Чен выберет именно Терминус, но надеялись, что будет именно так.

— Но почему, доктор Селдон? Зачем вам ссылка? Разве не легче было бы остаться здесь, на Тренторе?

— Ну, есть целый ряд причин. Работая на Терминусе, мы заручаемся поддержкой Империи, которая больше не считает, что мы угрожаем ее безопасности.

— Но ведь вы сами вызвали эти опасения, для того чтобы отправиться в ссылку. Нет, не понимаю.

— Но согласитесь, двадцать тысяч семей по своей воле на край Галактики не полетят?

— Разве у вас есть право их вынуждать? Или я не должен этого знать?

— Пока — нет, — спокойно отозвался Селдон. — Пока достаточно того, что вы знаете: на Терминусе будет основано научное убежище. А на другом краю Галактики — еще одно, такое же.

Он улыбнулся:

— Что же до остального, то могу сообщить вам, что сам я скоро отправлюсь в мир иной, и вы увидите и узнаете больше, чем я. Ну-ну, не надо так переживать. Доктора говорят, что я протяну еще год, максимум — два. Так или иначе — я успел завершить то, к чему стремился.

— А... после вашей смерти, сэр?

— Ну, у меня будут последователи — возможно, даже вы. Именно им будет суждено поставить последнюю точку в разработанной схеме и спровоцировать Анакреонский бунт в нужное время и именно так, как надо. После этого все пойдет своим чередом.

— Не понимаю...

— Поймете.

Селдон устало сгорбился.

— Большинство улетит на Терминус, — промолвил он вполголоса. — Но кое-кто останется. Это будет легко устроить. Но что касается меня, — закончил он шепотом, так что Гааль едва расслышал последние слова, — то мне... конец.

Часть вторая

Энциклопидисты

Терминус — ...отдаленное расположение планеты может вызвать законное удивление, если учесть роль, отведенную ей в истории Галактики. Однако в этом, как отмечают многочисленные авторы, была историческая неизбежность. Находящаяся на самом краю галактической спирали, планета Терминус — единственный спутник небольшой звезды, бедная полезными ископаемыми, не представлявшая никакой ценности с экономической точки зрения, была необитаема с момента ее открытия до высадки Энциклопедистов...

...Когда выросло новое поколение — потомки первых переселенцев с Трентора, Терминус приобрел значение гораздо большее, чем убежище психоисториков. С начала Анакреонского бунта и прихода к власти Сальвора Гардина...

Галактическая энциклопедия

Время было позднее, но Льюис Пирен продолжал работать, склонившись над кипой бумаг при свете настольной лампы.

...Прошло пятьдесят лет после высадки на Терминус и создания поселения энциклопедистов — первой Академии. За это время был собран колоссальный подготовительный материал, и через пять лет должен был увидеть свет первый том Энциклопедии — самого внушительного издания в Галактике. А потом — каждые десять лет — том за томом, как часы...

Пирен раздраженно покосился на дверь — звонили. Он забыл о назначенной встрече, с головой уйдя в работу. Пирен нажал кнопку на краю стола, дверь открылась, и в кабинет вошел высокий грузный мужчина — Сальвор Гардин.

Пирен, не отрываясь, продолжал просматривать бумаги. Гардин мысленно улыбнулся. Он спешил, но прекрасно знал, как «гостеприимен» Пирен, когда ему мешают работать. Поэтому он молча уселся в мягкое кресло по другую сторону письменного стола и стал ждать.

Тишину нарушало только поскрипывание авторучки Пирена. Гардин от нечего делать вынул из кармана серебристую монетку, подбросил ее, поймал и снова подбросил. На Терминусе, куда все металлы поступали только по импорту, нержавеющая сталь была единственным средством

бартера...

Пирен поднял глаза и часто заморгал.

— Прекратите! — раздраженно выговорил он.

— А?

— Прекратите кидать вашу чертову монету!

— А-а-а...

Гардин убрал монетку в карман.

— Сообщите, когда освободитесь, ладно? Я обещал вернуться на заседание городского Совета к началу голосования по проекту нового водопровода.

Пирен вздохнул и встал из-за стола.

— Валяйте. Очень надеюсь, что вы не станете надоедать мне с городскими делами. Займитесь ими сами, пожалуйста. Все мое время занято Энциклопедией.

— Вы новости слышали?

— Какие именно?

— Самые свежие. Поймали на ультраволнах два часа назад. Правитель Анакреона принял титул короля.

— Ну и что?

— Это означает, что мы отрезаны от центра Империи. Мы ожидали, что это может случиться, но от этого, как говорится, не легче. Анакреон встал на пути нашего последнего оставшегося торгового пути к Сантании, Трентору, Веге. Откуда мы теперь будем получать металлы? Уже полгода нет поступлений стали и алюминия, а теперь и ждать неоткуда, если только не воззвать к милости Его Величества — короля Анакреона.

Пирен нетерпеливо оборвал Гардина:

— В таком случае заключите с ним договор на поставку.

— Каким образом? Послушайте, Пирен: в соответствии с Хартией, подписанной при основании Академии, вся административная власть принадлежит Попечительскому Совету Комиссии по изданию Энциклопедии. У меня как у мэра города Терминуса власти хватит только на то, чтобы самостоятельно высморкаться, не спрашивая ни у кого разрешения, да на то, чтобы чихнуть, если вы соизволите подписать соответствующий приказ. Заключение торговых сделок — прерогатива ваша и вашего Совета. Я обращаюсь к вам от имени города, благосостояние которого зависит от устойчивой торговли с Галактикой. Сзовите срочное заседание!

— Хватит! Не надо меня агитировать! Вы забываете, Гардин, что Попечительский Совет не был против установления муниципального

правления на Терминусе. Мы считаем это необходимым, поскольку за пятьдесят лет со дня основания Академии население планеты выросло и большинство не занято непосредственной работой над Энциклопедией. Но это вовсе не означает, что первоочередной задачей Академии перестает быть ее создание. Мы — государственное научное учреждение, Гардин! Мы не можем, не должны и не будем вмешиваться в местную политику.

— В местную политику? Да это вопрос жизни и смерти! Наша планета просто погибнет без металлов! И потом — что станет с вашей Энциклопедией, если анакреонский царек вздумает напасть на нас?

— Вы забываете, что мы находимся под защитой самого Императора! Мы не являемся частью префектуры Анакреон, так же, как и частью любой другой префектуры. Никто не посмеет нас пальцем тронуть. Империя нас не оставит!

— А почему же тогда Империя не помешала захвату власти королем Анакреона? Да разве только Анакреона! Как минимум двадцать отдаленных от центра префектур, то есть практически вся Периферия Галактики теперь независима от Империи. И я абсолютно не уверен, что Империя бросится на нашу защиту!

— Ерунда! Экзархи, тетрархи, короли — какая разница! Как будто раньше не было переворотов! К Империи это не имеет отношения. Хватит об этом, Гардин. Это не наша забота. Мы прежде всего ученые. Наше дело — Энциклопедия. Да, кстати, пока не забыл...

— Да?

— Вы собираетесь разбираться со своей газетенкой?

— Вы имеете в виду еженедельник «Городские Новости»? Он не мой, как вы изволили выразиться. Это частное издание. А что вас не устраивает?

— Уже несколько недель там публикуются призывы к шумному празднованию пятидесятилетия основания Академии.

— А почему бы и нет? Через три месяца сработает механизм радиевых часов и откроется Склеп Селдона. По-моему, это грандиозное событие. А вы так не считаете?

— В любом случае, это не повод для идиотских спектаклей. Открытие Склепа — дело исключительно Совета Попечителей. То, что нужно будет сообщить народу, будет сообщено. Это не подлежит обсуждению. Будьте так добры, изложите это в «Новостях».

— Сожалею, Пирен, но Городская Хартия гарантирует-таки нам такую малость, как свобода печати.

— Хартия — да, но не Совет Попечителей! Я — представитель Императора на Терминусе, Гардин, и обладаю всеми полномочиями...

Было похоже, что Гардин про себя считает до десяти. Наконец он печально проговорил:

— Вот как раз потому, что вы являетесь представителем Императора на Терминусе, у меня есть для вас еще одна новость.

— Опять про Анакреон?

— Да. Через две недели нас посетит чрезвычайный посол Анакреона.

— ???

Пирен сглотнул слюну.

— Это... зачем еще?

Гардин встал и придвинул кресло к столу.

— А вот догадайтесь!

И ушел не простившись.

Ансельм, лорд Родрик, в жилах которого, судя по титулу, текла голубая кровь, — вице-префект Плуэмы и чрезвычайный посол Его Величества Короля Анакреона, носитель еще двенадцати различных титулов, был встречен Сальвором Гардином в космопорту с подобающим случаю ритуалом.

С легким поклоном и натянутой улыбкой вице-префект вынул из кобуры свой бластер и вручил его Гардину. Гардин церемонно передал ему свой, специально для этого захваченный. Тем самым были продемонстрированы добрые намерения. И хотя правое плечо лорда Родрика как-то странно и подозрительно приподнималось, Гардин сделал вид, что ничего не заметил.

Машина, в сопровождении эскорта других автомобилей, медленно и торжественно тронулась к площади Энциклопедии. По пути посла Анакреона радостно приветствовали жители Терминуса.

Вице-префект отвечал на приветствия сдержанным помахиванием руки — как истинный воин и аристократ.

— Этот город — и есть весь ваш мир? — спросил он Гардина.

— Наш мир молод, Ваше Превосходительство. За нашу короткую историю нас впервые посещает столь высокий гость. Отсюда и энтузиазм жителей, — прямо в ухо прокричал Гардин.

«Высокий гость», не уловив иронии, задумчиво проговорил:

— Поселение основано пятьдесят лет назад... Гм-м-м... В таком случае, у вас должно быть полно неразрабатываемой земли. Вы не собираетесь ее раздать под поместья?

— Пока в этом нет необходимости. Мы проживаем очень компактно. Нам нужно близкое взаимодействие. Это связано с работой над Энциклопедией. Возможно, когда-нибудь население станет больше...

— Станный мир! У вас что, нет крестьян?

— Нет, — ответил Гардин непринужденно. — И аристократов тоже нет.

Брови лорда Родрика поползли вверх.

— А... ваш правитель? Тот, с кем я должен встретиться?

— Доктор Пирен? Он Председатель Совета Попечителей и личный представитель Императора.

— Доктор? И больше — никаких титулов? Ученый? И его пост выше,

чем ваш?

— Ну конечно, — дружелюбно ответил Гардин. — Да мы здесь все, более или менее, ученые. Ведь мы не просто — страна, мы — научное учреждение в личном ведении Императора.

Последние слова он произнес несколько подчеркнуто. Видно было, что вице-префекту они явно не по душе. Всю остальную дорогу он молчал.

Гардин жутко устал за вторую половину дня, особенно — за вечер, но его, по крайней мере, утешало то, что Пирен и лорд Родрик совсем неплохо ладили между собой.

Лорд Родрик тупо посматривал по сторонам, когда Пирен таскал его на «обзорную экскурсию» по Дворцу Энциклопедии. С любезной, но дежурной улыбкой он слушал торопливые объяснения Пирена, пока тот водил его по громадным хранилищам микрофильмов и бесконечным кинозалам.

В конце концов он начал зевать и глубокомысленно изрек:

— Все это очень интересно. Но... очень странное занятие для взрослых людей. Какая в этом польза?

Пирен от удивления только рот раскрыл...

За обедом же лорд Родрик монополизировал беседу, с мельчайшими подробностями и оживленнейшей жестикуляцией описывая свои боевые подвиги во время недавней войны между Анакреоном и соседним новоиспеченным королевством — Смирной.

Рассказ затягивался... Прием подходил к концу, а лорд Родрик, подогретый вином, все говорил и говорил... Мало-помалу присутствовавшие на обеде официальные лица разошлись. Последний, самый сногшибательный рассказ — о разбитых всмятку смирнианских звездолетах лорд Родрик закончил, выходя в сопровождении Гардина и Пирена на балкон под солнечные вечерние лучи.

— Ну а теперь, — сказал он с напускной непринужденностью, — давайте перейдем к более серьезным делам.

— Пора бы, — буркнул себе под нос Гардин, закуривая длинную веганскую сигару и с грустью отмечая, как мало их осталось.

— Ну конечно, — сказал вице-префект, устраиваясь в кресле, — все формальные переговоры, подписание документов и прочую нудятину мы оставим на завтра, когда ваш... Как вы называете ваше правительство?

— Совет Попечителей, — холодно отозвался Пирен.

— Странное название... Ну ладно, все равно — на завтра. А пока переговорим лично.

— Это означает... — проговорил Гардин, выпуская колечко дыма.

— Это означает вот что. Ситуация здесь, на Периферии, мягко говоря, несколько изменилась, и статус вашей планеты вызывает некоторые сомнения. Было бы неплохо, если бы мы достигли взаимопонимания в этом вопросе. Кстати, мэр, не найдется ли у вас еще сигары?

Гардин протянул ему коробку.

Лорд Родрик повертел сигару и восхищенно пощелкал языком.

— Веганский табак! Откуда?

— Из последней партии. Уже почти не осталось. Кто знает — когда еще придут. И придут ли вообще.

Пирен нахмурился. Он не курил и не любил, когда курили при нем.

— Позвольте поинтересоваться, Ваше Превосходительство. Ваша миссия заключается только в ознакомлении с Терминусом?

Сделав несколько глубоких затяжек, лорд Родрик кивнул.

— В таком случае ваш визит не займет много времени. Статус Терминуса и первой Академии такой же, как он был всегда.

— Да? А каким он был всегда?

— А вот каким: мы являемся государственным научным учреждением в личном ведении Его Августейшего Величества Императора.

Похоже было, что это заявление Пирена на вице-префекта особого впечатления не произвело. Он продолжал пускать дымные кольца.

— Очень мило, доктор Пирен. Догадываюсь, что у вас имеются на то соответствующие бумаги с императорской печатью. Но какова реальная ситуация? Как, например, насчет Смирны? Ее столица всего в пятидесяти парсеках от вас, а то и меньше. Как насчет Конома и Дарибо?

Пирен сердито ответил:

— Нам нет никакого дела до других префектур. Как учреждение, находящееся в личном ведении...

— Это не префектуры, — заметил лорд Родрик. — Это теперь королевства.

— Ну хорошо, пускай королевства. Все равно нам до них дела нет. Как научное учреждение...

— К дьяволу вашу науку! — по-солдафонски рявкнул лорд Родрик. — К чему она вам, когда Смирна в любой момент может захватить Терминус?

— А вы думаете, что в такой ситуации Император будет сидеть сложа руки?

Лорд Родрик немного поостыл.

— Ладно, ладно, доктор Пирен... Вы почитаете Императора, его собственность, его владения. Анакреон тоже. А вот Смирна запросто может

пренебречь! Кстати, мы только что подписали соглашение с Императором, и завтра я буду иметь честь представить вашему Совету его копию. В нем, кстати, содержится пункт о том, что на нас возлагается ответственность за сохранение целостности границ древней префектуры Анакреон с санкции Императора. По-моему, все ясно.

— Ясно. Но Терминус не является частью префектуры Анакреон!

— А Смирна...

— И частью префектуры Смирна тоже не является! Терминус — сам по себе.

— А в Смирне знают об этом?

— Мне безразлично, знают ли там!

— А нам нет! Мы решили прекратить войну, но они, черт бы их побрал, до сих пор удерживают две звездные системы, исконно принадлежащие Анакреону. Ваш Терминус представляет собой важную стратегическую точку между двумя королевствами.

Гардину надоела перепалка, и он вмешался в разговор:

— Какие у вас предложения, Ваше Превосходительство?

Видимо, к этому моменту вице-префект исчерпал запас красноречия и был рад перейти к более конструктивной беседе. Он с готовностью откликнулся:

— Мы считаем совершенно очевидным, что Терминус сам себя защитить не в состоянии, поэтому — что вполне естественно — его и себя должен защитить Анакреон. А в ваши внутренние дела Мы вмешиваться не намерены.

Гардин понимающе кивнул.

— Мы считаем, что вы не меньше нас заинтересованы в размещении на Терминусе военной базы Анакреона.

— И это все, чего вы хотите, — разместить военную базу на незанятом участке земли?

— Ну... в общем... возникает вопрос, как обеспечить контингент базы всем необходимым для жизни.

Гардин, до этого беспечно раскачивающийся в кресле-качалке, остановился и, наклонившись вперед, сжал под подбородком кулаки.

— Вот мы и добрались до самого главного... Давайте назовем вещи своими именами. Терминус должен стать протекторатом и платить дань.

— Почему «дань»? Нормальная оплата. Мы вас защищаем — вы за это платите!

Пирен с размаху стукнул кулаком по ручке кресла.

— Дайте-ка мне сказать, Гардин. Ваше Превосходительство, что

касается меня, то все ваши Анакреоны, Смирны, ваши дурацкие войны гроша ломаного не стоят! Я еще раз повторяю, что вы находитесь в государственном, не облагаемом налогами научном учреждении и имеете честь беседовать с личным представителем...

— Его Августейшего Величества, Императора, — насмешливо закончил лорд Родрик. — А я, если позволите, личный представитель короля Анакреона. А Анакреон находится чуть-чуть поближе, не правда ли, доктор Пирен?

— Давайте вернемся к делу, — поспешил вмешаться Гардин. — В каком виде вы думаете получать оплату, Ваше Превосходительство? Какими товарами — пшеницей, картофелем, овощами, скотом?

Вице-префект злобно уставился на него.

— Какого дьявола? У нас этого полно! Золото нам нужно. А лучше — хром или ванадий, если они у вас есть.

Гардин расхохотался:

— Ванадий! Да у нас даже железа нет ни крошки! Золото! Да вы взгляните на нашу разменную монету!

Он подал послу монетку.

Лорд Родрик поднес ее поближе к глазам и изумился:

— Сталь?

— Вот именно.

— Но я не понимаю...

— На Терминусе практически нет металлов. Мы их импортируем. Разумеется, у нас нет и золота, и все, что мы можем вам предложить, — несколько тысяч бушелей картофеля!

— А... промышленная продукция?

— А станки, простите, из чего делают?

Наступила пауза. Пирен попытался вмешаться:

— Весь разговор представляется мне совершенно бессмысленным. Терминус — не просто планета, а научное учреждение, занятое подготовкой к изданию колоссального труда — Энциклопедии. Послушайте, неужели у вас нет никакого уважения к науке?

— С Энциклопедией под мышкой войн не выиграешь! — парировал лорд Родрик. И, нахмурившись, добавил:

— Значит, вы ничего не производите? А свободной земли — хоть отбавляй! Тогда... расплачивайтесь землей!

— Что вы имеете в виду? — удивился Пирен.

— У вас полно незанятой и, наверное, плодородной земли. На Анакреоне найдется немало аристократов, которые будут не против

прибавить ваши угодья к своим поместьям.

— Кто дал вам право делать нам такие предложения!

— Не переживайте так, доктор Пирен. Хватит на всех. Если все наладится и вы станете с нами сотрудничать, все устроится. Никто не пострадает. И ваши люди получают поместья. И титулы, кстати. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Искренне признателен, — процедил сквозь зубы Пирен.

Глядя в одну точку, Гардин изрек:

— А не мог бы Анакреон, в свою очередь, обеспечить нас необходимым количеством плутония для нашей атомной электростанции? У нас запасов осталось только на ближайшие несколько лет.

Пирен кашлянул и заерзал в кресле. Возникла неловкая пауза. Наконец лорд Родрик изменил тон:

— А у вас, простите, атомная энергия имеется?

— Ну конечно, — небрежно отозвался Гардин. — Уже пятьдесят тысячелетий все человечество пользуется атомной энергией. Удобная штука, знаете ли. Вот только плутоний добывать стало трудновато...

— Ну да, ну да... — закивал головой лорд Родрик и неожиданно выпалил:

— Джентльмены, давайте вернемся к этому вопросу завтра. Прошу меня простить...

Он встал и торжественно удалился. Пирен, проводив его взглядом, пробормотал вслед:

— Непробиваемый, тупоголовый осел!

— Да нет... — перебил его Гардин. — Просто — продукт своего общества, в котором отношения с людьми строятся по принципу: «Я — начальник, ты — дурак. Ты — начальник, я — дурак». Вот и все.

Пирен возмущенно взглянул на него.

— А вы-то, вы-то хороши! Какого черта вы болтали обо всей этой чепухе — военных базах, оплате? Вы в своем уме?

— Вполне. Я просто дал ему возможность выложить все, о чем он думал. Вот он и проговорился насчет истинной цели своего визита — основать на Терминусе поместья для анакреонской знати. И, естественно, я не позволю ему этого.

— Вы не позволите! Вы! Да кто вы такой? И как у вас хватило наглости проболтаться про нашу атомную электростанцию! И этого достаточно, чтобы нас держали под прицелом!

— Но только не под прицелом, а совсем наоборот. Вы не догадались, зачем я завел этот разговор? Я просто проверил свое давнее

предположение.

— Какое?

— Я предполагал, что на Анакреоне больше не существует атомной энергетики. Если бы я ошибался, наш высокий гость непременно заметил бы, что плутоний давным-давно не используется в качестве сырья. А это означает, что атомной энергетики нет на всей Периферии. Нет ее и на Смирне, иначе Анакреон проиграл бы войну. Интересно, не правда ли?

— Потрясающе! — восхищенно воскликнул Пирен, а Гардин только улыбнулся в ответ. Он выбросил окурок сигары и поднял взгляд к ночному небу.

— Они пользуются бензином и углем, не иначе!

...И больше он не сказал ничего, хотя ясно было, что ему еще есть что сказать...

Сказав Пирену, что он не является хозяином «Городских Новостей», Гардин был прав лишь отчасти. Как инициатора и лидера движения за превращение Терминуса в автономный муниципалитет Гардина избрали первым мэром Терминуса. И не имея ни одной акции еженедельника, он фактически контролировал это издание процентов на шестьдесят...

Поэтому неудивительно, что, когда Гардин обратился к Пирену с просьбой разрешить ему посещать заседания Совета Попечителей, еженедельник развернул целую кампанию. Так состоялось беспрецедентное заседание в истории Академии, во время которого было высказано требование включить представителей городского населения в «национальное» правительство. И, естественно, Пирен любезно согласился...

Сидя в конце стола президиума, Гардин размышлял о том, почему из ученых получают такие плохие администраторы. Видимо, думал он, потому что они привыкли иметь дело с фактами, а не с живыми людьми.

Слева от него сидели Томасс Сатт и Джорд Фара, а справа — Лундин Краст и Йет Фулхэм. Он был давно с ними знаком, но сегодня все выглядели несколько помпезно.

Пока звучали первые формальные фразы, Гардин дремал и востропнулся только тогда, когда Пирен глянул в его сторону и обратился, по-видимому, в основном к нему:

— Я с удовлетворением сообщаю вам, что за время, прошедшее с нашего последнего заседания, я получил послание от лорда Дорвина, имперского канцлера, о том, что он собирается посетить Терминус через две недели. Из этого следует, что наши отношения с Анакреоном смягчатся и станут выгодными для нас, как только Император будет проинформирован о сложившейся ситуации.

Он послал Гардину ослепительную улыбку с другого конца стола.

— Информация об этом передана в «Новости».

Гардин усмехнулся про себя. Складывалось впечатление, что Пирен только для того и согласился допустить его в «святая святых», чтобы выложить это. Он спокойно сказал:

— Я не собираюсь выражать восторгов по этому поводу. Скажите мне только, чего вы ждете от визита лорда Дорвина?

Ответил ему Томасс Сатт. У него была дурная манера говорить о

присутствующих в третьем лице:

— Я давно убедился в том, что мэр Гардин — профессиональный циник. Но ему придется согласиться с тем, что Император не позволит задеть свои интересы!

— Да? И что же он предпримет, если они будут задеты?

Советники зашумели.

— Я вам слова не давал! — вмешался Пирен. — И к тому же вы позволяете себе высказывания откровенно изменнического характера!

— Я должен считать, что получил ответ на свой вопрос?

— Да! И если вам больше нечего сказать...

— Вы торопитесь с выводами. Мне бы хотелось задать еще один вопрос. Помимо этого тонкого дипломатического хода, что еще было предпринято в ответ на угрозу Анакреона?

Йет Фулхэм поскреб рыжие пиратские усы.

— А вы полагаете, что угроза существует?

— А вы — нет?

— Вряд ли... — подняв глаза к потолку, протянул Фулхэм. — Император...

— О Боже! — всплеснул руками Гардин. — Да что же это такое? Все говорят: «Император, Империя», — как будто заклинание!

Император от нас в пятидесяти тысячах парсеков, и я очень сомневаюсь, что ему до нас есть дело. Да если и так, чем он может нам помочь? Все корабли имперского флота теперь в руках Четырех Королевств и Анакреона в том числе. Послушайте, нам придется сражаться оружием, а не разговорами!

И вот еще что. У нас было два месяца. Мы дали Анакреону понять, что у нас в руках атомное оружие. Но мы-то с вами отлично знаем, что это не так. У нас есть атомная энергия, да и та — на исходе. И об этом узнают. Если думаете, что они позволят долго водить себя за нос, то глубоко заблуждаетесь.

— Многоуважаемый...

— Подождите, я еще не закончил! — Гардин сам чувствовал, что разошелся не на шутку, но продолжал в том же духе:

— Как мило, что в это дело вмешивается канцлер. Но было бы гораздо лучше, если бы нам удалось обеспечить себя атомным оружием. Мы уже два месяца потеряли. Боюсь, что времени у нас просто не осталось. Что вы намерены предпринять?

Ему ответил Лундин Краст, сердито морща длинный нос:

— Если речь о милитаризации Академии, я не желаю даже слышать об

этом! Это — открытая политическая акция. А мы, господин мэ́р, научное учреждение и ничто иное.

Сатт добавил:

— Да он, помимо всего прочего, не понимает, что создание оружия отвлечет людей, ценных сотрудников, от подготовки Энциклопедии. Этого нельзя допустить, что бы ни происходило!

— Совершенно верно, — подтвердил Пирен. — Прежде всего и всегда — Энциклопедия.

Гардин мысленно простонал.

«Они все больны, — думал он, — болезнь называется — энциклопедист». Вслух же он холодно произнес:

— Видимо, уважаемому Совету просто никогда в голову не приходило, что у Терминуса могут быть другие интересы, помимо Энциклопедии.

Пирен буркнул:

— У Академии нет и не может быть других интересов.

— Я не об Академии. Я — о Терминусе. Боюсь, вы сильно недооцениваете ситуацию. Нас на Терминусе — почти миллион.

Непосредственно над Энциклопедией работает не более ста пятидесяти тысяч человек. Для остальных Терминус — дом. Мы родились здесь. Наши фермы, дома, фабрики значат для нас больше, чем Энциклопедия. Разве не естественно, что мы хотим все это защитить?

Его последние слова потонули в общем крике.

— Энциклопедия превыше всего! — рявкнул Краст. — Мы исполняем великую миссию!

— Миссию, будь она неладна! — воскликнул Гардин. — Да, это было так пятьдесят лет назад! Теперь здесь живет новое поколение!

— Нас это не должно волновать, — упорствовал Пирен. — Мы — ученые.

Туг уж Гардин взорвался окончательно...

— Да ну? А у вас, случаем, не галлюцинация? Ваша возня здесь — потрясающий пример того, что происходит в Галактике в последние тысячелетия! Какой же «наукой» вы занимаетесь и собираетесь заниматься еще века? Классификация работ ученых прошедших веков? А вам никогда не хотелось сделать шаг вперед и развить научную мысль? Нет! Вам нравится загнивать. Вместе со всей Галактикой. Вот почему Периферия бунтует. Вот почему рвутся нити коммуникаций, вот почему тянутся бесконечные войны, вот почему целые звездные системы от атомной энергии возвращаются к варварским методам энергетического обеспечения. Так вот, если вас интересует мое мнение, я скажу: Галактика на грани

распада!

Он замолчал и откинулся в кресле, чтобы перевести дыхание.

Ему пытались ответить сразу двое или трое. В конце концов слово взял Краст:

— Не понимаю, чего вы добиваетесь своими истерическими выпадами, господин мэр. Совершенно очевидно, что ваше участие в дискуссии неконструктивно. Я предлагаю, господин Председатель, чтобы сказанное господином мэром в протокол не вносилось и чтобы мы вернулись к обсуждению с того момента, когда оно было прервано.

Тогда заговорил Джорд Фара, который до сих пор хранил молчание. Его немалому весу вполне соответствовал солидный бас.

— А не забыли ли мы кое о чем, господа?

— О чем? — удивился Пирен.

— О том, что через месяц мы празднуем нашу пятидесятую годовщину.

— И что же?

— А то, что в день юбилея будет раскрыт Склеп Гэри Селдона. Вам никогда не приходило в голову, что окажется в этом Склепе?

— Не знаю... — пожал плечами Пирен. — Скорее всего, ничего из ряда вон выходящего. Поздравление с юбилеем, наверное. Не думаю, что этому стоит придавать большое значение, хотя «Городские Новости», — тут он выразительно глянул на Гардина, — посвятили этому целый номер. Но я запретил выпуск.

— А-га... — протянул Фара, глядя в потолок. — А зря, пожалуй. Вряд ли раскрытие Склепа приходится на очень подходящий момент.

— Вы хотите сказать «на очень неподходящий момент», — пробормотал Фулхэм. — У нас и без того достаточно причин для беспокойства.

— Что может быть важнее послания от Гэри Селдона?

Фара становился все более важным и загадочным. Гардин с интересом изучал его мясистую физиономию и думал, куда тот клонит?

— Видите ли, — оживился Фара, — такое впечатление складывается, будто все забыли, что Селдон был величайшим психологом нашего времени и основателем Академии. Мне представляется весьма вероятным, что он пользовался наукой для прогнозирования возможного течения истории на ближайшее будущее. Если так, а скорее всего — это именно так, он, конечно же, предусмотрел, как предупредить нас об опасности, и, скорее всего, предусмотрел и то, как этой опасности избежать. Энциклопедия была дорога его сердцу, вам это не хуже меня известно.

Наступила напряженная пауза. Наконец Пирен хмыкнул:

— Ну... я не знаю... Психология, конечно, великая наука — кто с этим спорит? Думаю, вы уведите нас в сторону.

Фара, не обращая внимания на слова Пирена, обратился к Гардину:

— Если не ошибаюсь, вы изучали психологию у Алурина?

— Да, — улыбнулся Гардин. — Но, честно признаться, я не был примерным учеником. Теория казалась мне скучноватой. Меня интересовала инженерная психология, но без практики я почел за лучшее заняться политикой. Что, в конечном счете, одно и то же.

— Ну и как вы думаете, что в Склепе?

— Не знаю, — честно ответил Гардин.

До конца заседания он не произнес ни слова, хотя разговор опять вернулся к визиту канцлера. Он не говорил и больше не слушал. Мысли его потекли в другом направлении. Все, что прежде поддавалось логике, теперь распадалось на куски. Он пытался собрать эти куски, как части головоломки, в единое целое.

Ключом была психология — теперь он в этом уверен.

Он отчаянно вспоминал то, что изучал когда-то, и выудил, наконец, на свет Божий ниточку, за которую можно было ухватиться.

Такой великий психолог, как Селдон, достаточно хорошо разбирался в людских эмоциях и поведении, чтобы прогнозировать будущее.

А это значило... О-го-го!

Гардину лорд Дорвин сразу не понравился. Он нюхал табак и свои длинные, изящно завитые локоны то и дело накручивал на пальцы. Речь его отличалась исключительной изысканностью и грассированием.

Но неприязнь Гардина он вызвал не всем вышеперечисленным. Виной тому были подчеркнута элегантные манеры и снисходительность, с которой он выслушивал любую фразу Гардина.

Как бы то ни было, Гардину срочно нужно было отыскать канцлера, который исчез вместе с Пиреном полчаса назад, точно испарился, будь он неладен.

Гардин торопился. Он прекрасно понимал, что Пирена как нельзя лучше устраивает его отсутствие во время предварительных переговоров.

Пирена видели на этом этаже, в этом крыле. Что ж, придется просто открывать все двери подряд — чем он и занялся. Как ни странно, ему быстро повезло.

В затемненной комнате на фоне освещенного экрана Гардин увидел профиль лорда Дорвина — из-за замысловатой прически его невозможно было спутать.

Канцлер обернулся к двери.

— А, Гавдин! Вы нас вазыскивали, да?

Он протянул Гардину кустарную табакерку с препакостным табаком. Гардин вежливо отказался, а лорд Дорвин сделал понюшку и заулыбался.

Пирен нахмурился, но Гардин сделал вид, что ничего не замечает.

В тишине раздался стук крышечки табакерки. Канцлер отставил ее в сторону и изрек:

— Пвосто потвясающее достижение, Гавдин, — эта ваша Энциклопедия. Я бы сказал — одно из самых потвясающих достижений всех ввемев и наводов.

— Мы тоже так считаем, милорд. Но работа еще не закончена.

— Я не так много успел посмответь, но совевшенно не сомневаюсь, что вабота идет успешно. Очень успешно, не боюсь утверждать.

Он улыбнулся Пирену, и тот ответил ему почтительным кивком.

«Ну просто праздник любви», — подумал Гардин, а вслух сказал:

— А я, милорд, вовсе не хотел сказать, что работа плохо продвигается. Я просто подчеркнул, что так же неплохо продвигается деятельность Анакреона, которая может перечеркнуть всю нашу работу.

— О да, Анаквеон... Я только что оттуда. Совевшенно ваввавская планета. Вообще твудно пведставить, как тут на Певифевии живут люди. Они лишены элементарных удобств, пвиспособлений, необходимых для жизни любому культувному человеку! Никакого комфовта!

Гардин сухо перебил его:

— К сожалению, анакреонцы обладают всем необходимым для ведения войны и кучей приспособлений для нападения и разрушения.

— Ну да, ну да...

Лорду Дорвину явно не понравилось, что его прервали на полуслове.

— Только мы сейчас пво дела гововить не будем. Хотя это очень, очень меня твогает. Доктов Пивен, вы, кажется, хотели пводемонстривовать мне втовой том? Будьте добвы...

Свет погас. Следующие полчаса о Гардине не вспоминали, как будто он находился не здесь, рядом, а на Анакреоне или где подальше. У него не было никакого желания углубляться в перелистываемую на экране книгу, а вот лорд Дорвин то и дело высказывал искреннее восхищение.

Когда вновь вспыхнул свет, лорд Дорвин поинтересовался:

— А интevesно узнать, вы, случайно, не интevesуетесь авхеологией, Гавдин?

— Как вы сказали? А... Нет, милорд. Не могу сказать, чтобы очень интересовался. Я учился на психолога, а стал политиком.

— Ну это вы звя, звя... Потввсающе интevesные исследования. Сам я, пвизнаться, пвосто без ума от авхеологии!

— Да что вы?

— Его Превосходительство, — вмешался Пирен, — большой специалист в этой области.

— Навевное, навевное, так, — смущенно, но не без гордости проговорил лорд Дорвин. — Я очень, очень много ваботал над этой наукой. Пвочитал все, что только можно. Все ваботы Джовдана, Квомвилля, ну, в общем, много кого.

— Фамилии мне знакомы, — сказал Гардин. — Но читать — не читал.

— Непвевенно, непвевенно почитайте, мой довогой! Вам понвавится, очень понвавится! Я почему так обвадовался, что меня послали сюда, на Певифевию, — здесь я мог ознакомиться с копией ваботы Ламета. Вы не повевите, но у меня в библиотеке нет этой ваботы. Кстати, доктов Пивен, вы не забыли, что обещали мне скопировать ее?

— Это моя святая обязанность.

— Ламет, должен вам сказать, — произнес лорд Дорвин торжественно, — во многом пволивает свет на «Основной вопвос».

— Какой вопрос? — поинтересовался Гардин.

— «Основной вопвос». Вопвос о пвоисхождении человечества. Вы навевняка знаете, что было ввремя, когда думали, что человечество сначала пвоживало в единственной планетавной системе?

— Да, мне это известно.

— Конечно, никто не знает навевное, что это была за система. Знания утвачены в туманной двевпости. Есть, однако, кое-какие пведположения. Некотовые гововят, что это мог быть Сивиус. Двугие утвевждают, что это была Альфа Центавва, тветьи — что Солнце, четвевтые — 61 Лебедя. Но, обватите внимание — все системы в сектове Сивиуса!

— Ну а Ламет что говорит?

— У него совевшенно двугой подход! Он утвевждает, что авхеологические находки на тветьей планете системы Авктува неопвовевжимо доказывают, что человечество пвоживало там в докосмическую эву.

— Это что же, означает, что человечество зародилось именно на этой планете?

— Навевное! Но я еще должен внимательно ознакомиться с ваботой для того, чтобы высказать более опвевделенные сооббвжения. Пока я могу только сказать, что его наблюдения очень, очень ценны.

Некоторое время Гардин молчал. Потом спросил:

— А когда Ламет написал свою работу?

— О, пвимевно восемьсот лет назад. Конечно, он в большой степени основывался на пведыдущих ваботах Глена...

— Почему же вы так безоговорочно верите ему? Не лучше было бы лично отправиться на Арктур и самостоятельно изучить материал раскопок?

Лорд Дорвин удивленно вскинул брови и поспешно взял щепотку табака.

— Но... для чего, мой довогой?

— Для того, чтобы иметь информацию из первых рук.

— Но я не вижу необходимости. Такой способ пведставляется мне совевшенно несовременным и непвактичным. Ну посмотвите. Я васполагаю ваботами всех ставых мастевоов — всех великих авхеологов пвошлого. Я их читаю, свавниваю их выводы, анализирую, вешаю, кто из них пвав, а кто — не пвав, и делаю свое заключение. Вот это настоящий научный подход. По квайней меве — (тут он смущенно улыбнулся) — я так считаю. А на Авктув лететь нет совевшенно никакого смысла, когда ставые мастева там все певекопали вдоль и попевок.

— Я понял вас, — усмехнулся Гардин.

Научный метод, черт бы тебя побрал! Чего уж тут удивляться, что Галактика того и гляди развалится!

— Милорд, — обратился к лорду Дорвину Пирен, — полагаю, нам лучше вернуться ко мне в кабинет.

— Да, навевное, навевное...

Когда они были уже у двери, Гардин неожиданно спросил:

— Милорд, вы позволите задать вам один вопрос?

Лорд Дорвин натянуто улыбнулся, но сопроводил ответ изящным движением руки.

— Безусловно, мой довогой. Очень вад, если мои сквомные познания вам помогут.

— Но это не из области археологии, милорд.

— Нет? Как жаль...

— Нет. Дело вот в чем. В прошлом году на Терминус поступило сообщение о том, что на атомной электростанции пятой планеты Гаммы Андромеды произошел взрыв. Детали происшествия нам не известны. Не могли бы вы рассказать, что именно там произошло?

Физиономия Пирена выражала все, что он думал о Гардине в эту минуту.

— Перестаньте надоедать Его Превосходительству посторонними вопросами!

— Ничего, ничего ствашного, доктов Пивен! — успокоил его канцлер. — Все в повядке. Я, пвизнаться, не слишком ховошо осведомлен об этом случае. Мне известно, что электростанция взоввалась, и это была катастрофа, пвосто катастрофа... Погибло несколько миллионов людей, и половина планеты пвосто пвевватилась в вуины. В настоящее время пвавительство вассматвивает поввос о введении опведеленных огваничений на пвименение атомной эневгии, но это, как гововится, совевшенно секветно.

— Понятно, — усмехнулся Гардин. — А что все-таки произошло на электростанции?

— Ну знаете, — протянул лорд Дорвин. — Кто скажет? Кто может знать? Она взоввалась паву лет назад, и тогда гововили, что плохо был пвоведен вемонт. Тепевь так твудно найти певсонал, котовый действительно ховошо вазбивался бы в атомной эневгетике...

Он скорбно понюхал табак.

— Вам известно, милорд, что независимые королевства Периферии также утратили принцип использования атомной энергии?

— Пзавда? Совевшенно неувидительно. Вавзавские планеты. Только, довой мой... не надо называть их независимыми. Это не так. Мы заключили с ними соглашения, в козовых нет ни слова об их независимости. Они пвизнают сувевенитет Импевии. Им пвидется его пвизнавать, иначе мы с ними... поссовимся.

— Хочу надеяться, что вы правы. Однако свобода действий у них не ограничена.

— Да, навевное. Не огваничена. Но не стоит пвидавать этому значения. Для Импевии даже выгодно, что Певифевия пведоставлена самой себе. Бвошена, так сказать, на пвоизвол судьбы. Нам от них никакой пользы нет. Вавзавские, дикавские планеты...

— Когда-то они были вполне цивилизованными. Анакреон считался богатейшей из отдаленных провинций. На уровне Веги.

— О, Гавдин, но это было много веков назад! Не надо делать сковопалительных выводов. В пвежные ввемена все было по-двугому. И мы тепевь уже не те, что были когда-то. И потом, Гавдин, вы слишком настойчивы. Я же сказал, что у меня нет наствояния сегодня гововить пво дела. Доктов Пивен пведупвеждал меня. Он гововил, что вы будете ко мне пвиставать с вопвосами. Но поймите, довой мой, я очень ставый человек. Я устал. До завтва, Гавдин.

Дверь закрылась. Гардин остался один.

Это было второе по счету заседание Совета, на котором присутствовал Гардин. Однако мэр был абсолютно уверен, что было проведено еще, как минимум, одно, а не исключено, что два или три, на которые ему не были присланы приглашения.

Пожалуй, он не получил бы приглашения и сейчас, если бы не ультиматум.

Это был именно ультиматум, хотя при поверхностном чтении послания возникало впечатление, что речь идет об официальном обмене любезностями.

Послание начиналось цветистым приветствием: «От Его Величества, Короля Анакреона — другу и брату, Председателю Совета Попечителей Академии Энциклопедистов», а заканчивалось великолепной печатью, отличавшейся изысканной символикой.

Но как бы то ни было — это был ультиматум, и поэтому первым слово взял Гардин.

— У нас было очень мало времени — всего три месяца. Но мы ухитрились не использовать и этот срок. После получения этой бумажки у нас остается неделя. Что же теперь будем делать?

Пирен озабоченно нахмурился:

— Должен быть какой-то выход. Не верится, чтобы они пошли на крайности после того, как у нас побывал лорд Дорвин и заверил нас во всем, что касается Империи и лично Императора.

Гардин оживился.

— Ну-ну. Вы проинформировали короля Анакреона об отношении к нам Императора?

— Да. Но только после того, как вопрос был поставлен на голосование и я получил единогласную поддержку Совета Попечителей.

— И когда же это голосование имело место?

— Полагаю, что не обязан отвечать, мэр Гардин!

— Можете не отвечать. Не больно-то интересно. Просто этот факт лишний раз укрепил меня во мнении, что вы должным образом развили дипломатическую линию, блестяще намеченную лордом Дорвином, — усмехнулся Гардин и продолжил: — А ведь именно его дипломатия и стала причиной дружеского послания. Если бы не так, они, наверное, еще потянули бы время. Но Терминусу и это бы не помогло — если учесть

отношение Совета к сложившейся ситуации.

— И как же вы пришли к такому замечательному выводу, господин мэр? — ехидно вмешался Йет Фулхэм.

— Да очень просто! Для этого мне потребовалось вернуться к здравому смыслу. Видите ли, существует такая отрасль знаний — математическая логика. Ею пользуются для выявления истины, не приукрашенной мишурой болтовни и реверансов.

— А конкретно?

— Я воспользовался методом математической логики. И при чтении этого послания, в частности. Не из личного тщеславия — я и так прекрасно понимал, о чем здесь может идти речь. Но думаю, что пять физиков все проще объяснят цифрами.

Гардин взял из стопки несколько листов бумаги и раздал присутствующим.

— Кстати, это не я придумал и не я сделал. Все анализы провел Мюллер Холк из Отдела Логики.

Пирен склонился над листком, чтобы лучше разглядеть, а Гардин продолжал:

— Послание с Анакреона не представляло особой трудности, поскольку написано людьми дела, а не слова. Содержание его можно свести в одно заявление. Вот как это выглядит в цифрах, а в словах получается: «Вы даете необходимое нам не позднее чем через неделю, иначе мы вытрясем это из вас силой».

Наступила тишина. Пять членов Совета молча разглядывали уравнение. Пирен выпрямился и нервно кашлянул.

Гардин спокойно спросил:

— Похоже, выхода нет, доктор Пирен?

— Похоже, нет.

— Ну а теперь, — Гардин перевернул листки, — перед вами копия соглашения между Империей и Анакреоном — того самого, которое со стороны Императора подписал лорд Дорвин. Вот его смысл после анализа методами математической логики.

Соглашение занимало пять страниц убогистого текста, а выводы анализа — всего полстранички.

— Как видите, господа, практически девяносто процентов текста соглашения не поддавалось анализу по причине полной бессмысленности. А то, что осталось, может быть интерпретировано следующим образом:

«Обязательства Анакреона перед Империей — НИКАКИХ»!

«Власть Империи над Анакреоном — НИКАКОЙ»!

Члены Совета углубились в изучение документа, то и дело сверяясь с текстом соглашения. Наконец Пирен озабоченно пробормотал:

— Похоже, все правильно...

— Следовательно, вы признаете, что соглашение — не что иное, как декларация полной независимости Анакреона и признание ее Империей?

— Видимо, да...

— Сомневаетесь ли вы теперь, что Анакреон этого не знает и не стремится воспользоваться независимостью? Тем более что препятствий со стороны Империи ожидать не приходится!

— Но как же, — вмешался Сатт, — тогда понимать заверения лорда Дорвина в поддержке Империи? Нам они показались, — он пожал плечами, — удовлетворительными...

Гардин откинулся в кресле.

— А вот это как раз — самое интересное! Признаюсь, когда я впервые встретился с лордом Дорвином, я решил, что более тупоголового осла в жизни не встречал. Однако позднее я понял, что передо мною опытный дипломат и умный человек. Так вот. Я взял на себя смелость записать все его высказывания на магнитофон.

Члены Совета зашептались, а Пирен от возмущения открыл рот.

— А что тут такого? Я, конечно, понимаю, что этим я нарушил кодекс гостеприимства и поступил не по-джентльменски. То есть, все было бы так, если бы Его Превосходительство что-нибудь заметил. Но он ничего не заметил, а записи я передал для анализа Холку.

— Где же сами выводы анализа? — не вытерпел Лундин Краст.

— Не удивляйтесь их отсутствию, господа, — улыбнулся Гардин. — Этот анализ оказался самым трудным. Холк бился над ним целых два дня. Он отбросил все незначущие фразы, болтовню, «цепные» высказывания... и в конце концов для анализа не осталось ничего! То есть — абсолютно ничего!

Лорд Дорвин, господа, за пять дней, в течение которых шли переговоры, не сказал ничего! Но ухитрился сделать это так, что никто из вас этого не заметил. Вот какова цена заверениям в поддержке Империи!

Если бы Гардин вынул из кармана адскую машину и поставил ее на стол за секунду до взрыва, эффект не был бы сильнее, чем после этих слов. Он спокойно ждал, пока утихнут страсти.

— Таким образом, — резюмировал он, — если вы намерены угрожать (что, собственно, уже сделали) Анакреону от имени Империи, вы ничего не добьетесь, только раздражите монарха, которому лучше вашего известна истина. Естественно, его задетое самолюбие подвигнет его к немедленным

действиям. Что уже имело место. Ультиматум перед вами. А теперь я позволю себе вернуться к тому, о чем уже говорил. На размышления осталась неделя. Что мы предпримем?

— Такое впечатление... — выдавил Сатт, — что нет другого выбора, кроме как согласиться на то, чтобы Анакреон разместил военные базы на Терминусе...

— Тут я с вами согласен, — кивнул Гардин. — Но как нам привести положение вещей в соответствие с первоначальным вариантом?

Йет Фулхэм пошевелил усами.

— Похоже, вы твердо решили применить силу?

— Сила, — последовал ответ, — последний козырь дилетантов. Но я вовсе не исключаю возможности ее применения.

— Мне все-таки не нравится то, как вы все это преподносите, — настаивал Фулхэм. — Это — опасная тактика. Тем более опасная, что в последнее время вас поддерживает большая часть населения. И должен вам заметить, мэр Гардин, что в Совете — не слепые, мы отлично знаем, чем вы занимаетесь.

Он сделал паузу. Остальные поддержали его молчаливым согласием. Гардин равнодушно пожал плечами. Фулхэм продолжал:

— Если вы доведете дело до того, что в городе раздадутся призывы к применению силы, это окажется равносильно самоубийству! Мы не намерены подобное допустить. Основа нашей политики и ее кардинальный принцип — Энциклопедия. Решим мы предпринять или... не предпринять, Энциклопедия должна быть сохранена!

— Следовательно, — буркнул Гардин, — вы прямо заявляете, что мы должны продолжать интенсивную кампанию по ничегонеделанию.

Пирен печально проговорил:

— Вы же сами только что продемонстрировали, что Империя не может нам помочь. Хотя я так и не понял, почему так вышло. Если необходим компромисс...

Гардин ощутил себя как в страшном сне — когда мчишься изо всех сил, а добежать до цели никак не можешь.

— Да нет компромисса! Как вы не понимаете, что вся эта суeta вокруг военных баз — обман высшей марки! Лорд Родрик явно дал нам понять, какова истинная цель Анакреона — неприкрытая аннексия, экспансия феодальной системы — насаждение аристократии и крестьянства здесь, у нас. Их может в какой-то степени приостановить знание о том, что у нас есть какая-никакая атомная энергетика, но и то ненадолго, уверяю вас, — и с последними словами он встал. Поднялись и все остальные, кроме Джорда

Фара.

— Пожалуйста, сядьте все, — попросил он. — Мы зашли слишком далеко. Не надо так распаляться, мэр Гардин. Мы все здесь — не предатели.

— Вы уж меня в этом убедите, будьте так добры!

Фара мягко улыбнулся:

— Не верю, что вы действительно так думаете. Позвольте мне высказаться.

Его маленькие, утонувшие в морщинках глаза были полуприкрыты. На подбородке блестели капельки пота.

— Полагаю, что нет необходимости и дальше скрывать тот факт, что Совет Попечителей постановил принять решение по Анакреону в зависимости от того, что произойдет при раскрытии Склепа. То есть, через шесть дней.

— Это и есть ваш вклад в решение проблемы?

— Да.

— Выходит, если я правильно понял, что делать нечего, кроме как сидеть и ждать сложа руки, пока чертик не выскочит из табакерки — то есть, прошу прощения, из Склепа?

— Если оставить в стороне красивые слова, идея именно такова.

— Потрясающий эскапизм! Поистине — от великого до смешного один шаг. Простенько и со вкусом.

Фара снисходительно улыбнулся:

— Ваша любовь к афоризмам известна, но сейчас это неуместно. Надеюсь, вы не забыли сказанное мною о Склепе три недели назад?

— Помню. И сегодня скажу то же самое — ничего нет в идее, кроме непроходимой глупости с точки зрения дедуктивной логики. Остановите меня, если я буду не прав, но вы сказали, что Гэри Селдон был величайшим психологом и мог, следовательно, предвидеть обстоятельства, в которых мы сейчас оказались. Из этого следует, что Склеп существует, чтобы подсказать нам выход.

— Вы правильно понимаете суть дела.

— Тогда вас не удивит сообщение о том, что я тщательно обдумывал этот момент в течение последних недель.

— Как это мило с вашей стороны. До чего же вы додумались?

— Я додумался до того, что здесь необходима чистая дедукция. Как и во всем остальном — нужна искра здравого смысла.

— Например?

— Например: если Селдон предвидел переворот на Анакреоне, почему

он не нашел для нас другой планеты, поближе к центру Галактики? Известно, что Селдон путем психологических уловок убедил Комитет Общественного Спасения Трентора отправить нас именно на Терминус. Но почему он этого хотел? Почему он решил разместить нас здесь, если предвидел заранее разрыв коммуникационных связей, нашу изоляцию от Галактики, угрозы со стороны опасных соседей и — нашу беспомощность, вызванную полным отсутствием металлов на Терминусе? Последнее — самое важное. Ну а если он предвидел, почему не предупредил первых поселенцев заранее, чтобы у них было время подготовиться, а не ждать, пока мы ступим одной ногой в пропасть?

— Вы забываете вот о чем. Если он мог предвидеть тогда, мы тем более способны увидеть сейчас. В конце концов, Селдон не был волшебником. Существенна дилемма. Он ее видел.

— А мы не можем?

— Но, Гардин, — мягко вмешался Фара, — мы же действительно не можем!

— Да вы и не пытались! Ни разу! Сначала вы отказывались признать, что угроза вообще существует. Потом вы слепо твердили о вашей непоколебимой вере в Императора. Теперь вы ухватились за Гэри Селдона, как за соломинку. Вы все время полагаетесь на авторитеты, только не на самих себя.

У него дрожали руки.

— Это просто какая-то болезненная мания — условный рефлекс, защищающий ваш разум от принятия самостоятельных решений, как только нужно пойти против мнения какого-то авторитета. Вы, несомненно, продолжаете считать, что Император сильнее вас, а Гэри Селдон — умнее. Но это не так, неужели вы не видите?!

Ему никто не ответил.

Гардин продолжал:

— Да дело не только в вас. Такое положение — во всей Галактике. Пирен был свидетелем того, как лорд Дорвин высказался о том, что, по его мнению, представляет собой научный метод. Он считает, что для того, чтобы стать хорошим специалистом в археологии, достаточно прочитать все книги на эту тему, написанные людьми, почившими много веков назад. Он полагает, что спорные вопросы решаются путем сравнения различных точек зрения. А Пирен слушал и не возражал. Не кажется ли вам все это странным?

Гардин уже чувствовал себя проповедником, взывающим к душам заблудших. Ответом было молчание.

Он продолжал:

— И вы, и половина народа на Терминусе таковы. Мы сидим тут и молимся на Энциклопедию. Мы считаем, что главной задачей науки является классификация существующих знаний. Это, конечно, важно, но разве больше делать нечего? Здесь, на Периферии, больше не пользуются атомной энергией. На Гамме Андромеды взорвалась атомная станция из-за некачественного ремонта. Канцлер Империи жалуется, что стало трудно с персоналом. А выход-то какой? Новых готовить? Да что вы! Ни за что! Легче запретить пользоваться атомной энергией!

И как вы не понимаете! Это происходит по всей Галактике. Это знаки смерти! Это развал, загнивание!

Он переводил взгляд с одного лица на другое. Все молчали, уставившись на него.

Первым пришел в себя Фара.

— Мистика нам сейчас не поможет. Давайте говорить более конкретно. Вы берете на себя смелость отрицать, что великий Гэри Селдон был способен предсказать исторические тенденции с помощью психологических исследований?

— Да нет же, нет, конечно! — вскричал Гардин. — Но нельзя же целиком и полностью на него полагаться! Как максимум он мог обозначить проблему, а уж ее решение на нашей совести.

Вдруг ожил Фулхэм.

— Что вы имеете в виду — «обозначить проблему»? Проблема известна.

Гардин пристально посмотрел на него.

— Известна, вы думаете? Полагаете, что у Гэри Селдона, кроме Анакреона, больше голова ни о чем не болела? А я думаю по-другому! Я заявляю, господа, что до сих пор никто из вас и не понял, что именно происходит!

— А вы понимаете? — сердито хмыкнул Пирен.

— Думаю, что да.

Гардин вскочил и отбросил в сторону стул.

— Если и можно сказать что-то определенное, так это то, что ситуация плохо пахнет. Есть здесь что-то более важное, чем все, о чем мы с вами толкуем. Задайте себе вопрос: почему в числе первых поселенцев не было ни одного психолога высшей категории, кроме Бора Алурина? А он, между прочим, почему-то упорно не готовил учеников, преподавал студентам элементарные азы.

После короткой паузы Джорд Фара выдавил:

— Как понять почему?

— Может быть, потому, что психолог давным-давно раскусил бы, что к чему. Слишком быстро раскусил бы, а это Гэри Селдона не устраивало. В итоге, мы — как слепые котята, и видим все, как в тумане. А Селдону только того и надо было!

Он нервно рассмеялся:

— Прощайте, господа! — И вышел из зала.

Гардин безуспешно пытался затянуться. Сигара его давно погасла, но заметил он это только сейчас. Прошлой ночью он не сомкнул глаз и уже не сомневался, что в следующую тоже не заснет. Он устало вымолвил:

— Это все?

— Пожалуй, да.

Йон Ли потер ладонью подбородок.

— Ну и как звучит?

— Неплохо. Но действовать нужно немедленно. При этом — никакой шумихи. Нельзя оставлять времени на размышления, не то нам не дадут овладеть ситуацией. Если придется отдавать приказы, делайте это так, как будто только этим всю жизнь и занимались. И они будут вынуждены подчиниться.

— А если Совет не среагирует?

— Совет? Можете о нем забыть. Послезавтра их роль в делах Терминуса уподобится ломаному грошу.

Ли понимающе кивнул:

— Но все-таки странно, что до сих пор ничего не предпринято, чтобы нас остановить. Вы говорили, что им кое-что известно.

— Фара кое о чем догадывается. Порой он действует мне на нервы. А Пирен относится к моей деятельности подозрительно с первого дня. Но все-таки до конца они не понимают, что действительно происходит. Ли, они выросли в авторитарной системе. Они уверены в том, что Император всемогущ только потому, что он Император. Кроме того, они уверены, что Совет Попечителей, действуя от имени Императора, никогда не окажется в ситуации, когда он не сможет отдавать приказы. То, что они не верят в возможность переворота, гарантирует наш успех.

Он поднялся и подошел к вентилятору.

— Они не такие уж плохие люди, Ли, пока занимаются своей Энциклопедией. Но — абсолютные невежды, когда речь заходит об управлении Терминусом. А теперь — идите и начинайте действовать. Я хочу побыть один. Устал зверски.

Он присел на угол письменного стола и уставился на стакан с водой.

Господи! Как хотелось быть таким уверенным во всем, что он говорил Ли! Через два дня должны высадиться анакреонцы, а ему не оставалось ничего другого, как только перебирать в уме варианты будущего,

задуманного Гэри Селдоном! А ведь Гардин не был настоящим психологом — недоучка, пытавшийся разгадать замысел величайшего ума Галактики!

Если Фара прав и Анакреон был единственным предвидением Селдона, если Энциклопедия была тем, что он хотел сохранить, — каков тогда смысл государственного переворота, который он затеял?

Гардин пожал плечами и жадно выпил воду...

В Склепе стояло гораздо больше шести кресел — будто ждали большую компанию. Гардин устроился в углу, подальше от членов Совета.

Они, видимо, тоже были рады, что он не сел рядом, и разговаривали друг с другом шепотом. До Гардина доносились только отдельные слова. Только Джорд Фара казался спокойным, Он вытащил карманные часы и время от времени поглядывал на циферблат.

Гардин тоже достал часы, взглянул на них, потом — на стеклянный куб, абсолютно пустой, который занимал добрую половину Склепа. Этот куб и создавал впечатление необычности. Трудно было поверить, что где-то рядом вот-вот закончится период полураспада радия, упадет рычажок, произойдет соединение и...

Свет погас!

Он погас не сразу, а постепенно, но это было настолько неожиданно, что Гардин едва не вскочил со стула. Он поднял глаза на потолочные лампы, а когда опустил взгляд, куб уже не был пуст.

Внутри пего возникла фигура — фигура человека в инвалидном кресле!

Какое-то время человек молчал, потом закрыл книгу, лежавшую на коленях, и заложил страницу пальцем. Улыбнулся. Было полное впечатление, что он живой.

— Я — Гэри Селдон, — сказал человек усталым мягким голосом.

Гардин опять чуть было не вскочил, чтобы поприветствовать старика, но вовремя одумался.

— Видите ли, я прикован к креслу и не могу встать, чтобы поздороваться с вами, — говорил старик. — Ваши бабушки и дедушки отправились на Терминус несколько месяцев назад, хотя между нами разница во времени, но с тех пор меня мучает паралич. Я вас не вижу и даже не знаю, сколько вас, поэтому давайте обойдемся без формальностей. Если кто-то стоит — пусть сядет. Если кому-то хочется закурить — я не возражаю. Да и как я могу возражать?

Гардин автоматически потянулся за сигарой, но тут же раздумал закуривать.

Гэри Селдон отложил книгу в сторону, на невидимый стол, оторвал от нее пальцы — она исчезла.

Он продолжал:

— Сегодня — пятьдесят лет со дня рождения Академии. Пятьдесят лет сотрудники Академии не догадывались, чем занимаются. И не должны были знать. Так было нужно. Но сегодня такая необходимость отпала.

Прежде всего должен вам сообщить, что Академия Энциклопедистов — не что иное, как обычное надувательство.

Члены Совета зашевелились, зашептались, раздались удивленные и возмущенные голоса, но Гардин даже не посмотрел в их сторону.

Гэри Селдон, естественно, тоже. Он продолжал:

— Да, это надувательство в том смысле, что ни я, ни мои коллеги не придаем никакого значения тому, выйдет ли когда-нибудь хоть один том. Академия сделала свое дело, ибо именно благодаря ей мы стали обладателями имперской Хартии, благодаря ей мы вытянули с Трентора сто тысяч человек, необходимых для осуществления наших задач. Благодаря ей все эти люди делали свое дело, пока ход событий не обрисовался до определенных очертаний, пока не стало пути к возврату назад.

Пятьдесят лет вы трудились над фальшивым проектом, над этим мыльным пузырем — теперь нет нужды смягчать выражения, — и пути к отступлению отрезаны. Теперь вам ничего больше не остается, как перейти к осуществлению более важного проекта, который предназначен для реализации настоящего плана.

Для этого мы поместили вас на такую планету и в такое время, чтобы через пятьдесят лет вы подошли к точке, где полностью утратили бы свободу действий. С сегодняшнего дня на многие века вперед путь, по которому вы пойдете, неизбежен. Вас ожидает несколько кризисов. Сейчас наступает первый. Во время каждого из них, как сейчас, ваша свобода действий будет ограничена до такой степени, что вы сможете выбрать один, единственный путь. Тот один-единственный, который предусмотрен нашими психологами.

В течение многих веков галактическая цивилизация разлагается и загнивает, но осознают это очень немногие. Теперь наконец откалывается Периферия и тем самым нарушается политическая целостность Империи. Когда-нибудь около одного из пятидесяти прошедших лет историки будущего поставят галочку и скажут: «Вот Начало распада Галактической Империи».

И будут правы, хотя еще несколько столетий спустя никто не догадается о том, что Империя распадается.

После распада наступит период варварства, который, как говорит психоистория, продлится в нормальных обстоятельствах тридцать тысячелетий. Мы не в силах остановить упадок. Мы и не хотим этого,

поскольку имперская культура утратила всякую ценность и жизнеспособность. Но мы можем свести период хаоса до одного тысячелетия.

Мы не можем сейчас раскрыть вам все тонкости того, как это будет достигнуто, — как пятьдесят лет назад не могли сказать всю правду об Академии. Если бы вы узнали детали, наш план провалился бы, потому что за счет знания расширилась бы свобода ваших действий. В схему попало бы непредсказуемое число переменных, и наши психоисторические методы оказались бы неприменимыми.

Но вам это не дано, потому что на Терминусе нет и не было психологов, кроме Алурина, а он был одним из моих сотрудников.

Но вот что может вас утешить: Терминус и его Академия, так же как и вторая Академия на другом краю Галактики — зерна возрождения, зародыши второй Галактической Империи. Теперешний кризис — начало пути Терминуса к этой цели.

Кстати сказать, нынешний кризис — самый несложный из тех, что вам придется пережить. Для того чтобы преодолеть его последствия, следует помнить следующее: вы — планета, внезапно оказавшаяся отрезанной от пока еще цивилизованного центра Галактики. Вам угрожают более сильные соседи. Вы — крошечный мир ученых, окруженный быстро разрастающейся границей варварства. Вы — островок атомной энергии в океане примитивной энергетики. Однако вы беспомощны, потому что у вас нет металлов.

Вы видите, следовательно, что стоите лицом к лицу с тяжелейшими обстоятельствами. На вас направлены враждебные силы. Ваши ответные действия, полагаю, очевидны.

Рука Гэри Селдона потянулась за невидимым предметом, и в ней оказалась книга. Он открыл ее и произнес:

— Но какое бы замысловатое течение ни приобрела ваша будущая история, вы должны убедить своих потомков, что путь ваш имеет предназначение и в конце его — новая великая Империя!

Взгляд его упал на страницы книги, и он исчез вместе с ней. Вспыхнул свет.

Гардин обернулся и увидел, что на него растерянно смотрит Пирен.

— Похоже, вы оказались правы. Если вы посетите нас в шесть часов вечера, думаю, Совет обратится к вам за консультацией по поводу дальнейших действий.

Все советники по очереди пожали руку Гардина и удалились. Гардин улыбнулся. Они были-таки здравомыслящими людьми. И, в конце концов,

неплохими учеными, честно признавшими свое поражение. Только сделали это слишком поздно.

Он посмотрел на часы. Да, все было кончено. Люди Ли взяли ситуацию под контроль, и Совет не мог больше отдавать приказы...

Завтра должны приземлиться первые корабли анакреонцев. Но с этим тоже было все в порядке. Через шесть месяцев и они не смогут отдавать приказы.

Как сказал Гэри Селдон, и о чем догадался Сальвор Гардин, в тот самый день, когда Ансельм, лорд Родрик, впервые проговорился об отсутствии на Анакреоне атомной энергии, решение проблемы было очевидным.

Чертовски очевидным!

Часть третья

Мэры

Четыре королевства — название, данное областям провинции Анакреон, отделившимся от Первой Империи в начале Академической Эры и образовавшим независимые, но недолго просуществовавшие государства. Самым обширным и могущественным из них был Анакреон, площадь которого...

...Безусловно, поворотным моментом в истории Четырех Королевств стало появление необычной социальной прослойки во времена правления Сальвора Гардина...

Галактическая энциклопедия

Депутация!

Гардин был о ней предупрежден, но это нисколько не улучшало настроения. Наоборот, ожидание было мучительным.

Йон Ли выглядел всерьез озабоченным.

— Я считаю, Гардин, — говорил он, шагая из конца в конец комнаты, — что нам не следует терять время. До следующих выборов им ничего не сделать. Я имею в виду — легально. Таким образом, у нас есть год. А за год их можно в порошок стереть.

Гардин разжал губы:

— Ли, голубчик, вы так ничему и не научились. Я вас сорок лет знаю, а вы так и не овладели тактикой внезапного нападения сзади.

— Я не сторонник таких методов.

— Знаю. Наверное, именно поэтому вы — единственный, кому я доверяю. — Он замолчал и потянулся за сигарой.

— С того дня, Ли, когда нам повезло и мы удачно одолели Энциклопедистов, немало воды утекло. Я старею. Мне уже шестьдесят два. Вы не почувствовали, как быстро пролетели тридцать лет?

Ли фыркнул:

— Мне, между прочим, шестьдесят шесть, а я вовсе не считаю себя стариком.

— Мне бы ваш желудок... — вздохнул Гардин.

Гардин лениво посасывал сигару. Он уже давно перестал мечтать о веганском табаке времен своей молодости. Дни, когда Терминус торговал со всей Галактикой, канули в Лету. Та же участь ожидала и всю Империю.

Он думал о том, кто теперь правит Империей, есть ли вообще Император? Вот уже тридцать лет никакой связи, и вся Вселенная для Терминуса замкнулась на нем самом и Четырех Королевствах...

Господи Боже — королевства! Когда-то они были префектурами, областями одной-единственной провинции, которая являлась частью сектора из части квадранта, а квадрант — частью громадной Галактической Империи. А теперь, когда Империя утратила власть над отдаленными областями Галактики, эти крошечные скопления планеток стали королевствами — с опереточными королями и вельможами, карточными, бессмысленными войнами, с жизнью на развалинах.

Ли, стоя у окна, заговорил и тем прервал размышления Гардина:

— Вот и они. Надо же — в автомобиле последней марки! Пижоны...

Он пошел к двери, но на полпути обернулся и посмотрел на Гардина, Тот улыбнулся и махнул рукой:

— Не беспокойтесь, Ли. Я распорядился проводить их сюда.

— Сюда? Зачем? Не много ли чести?

— Да неохота устраивать официальную аудиенцию. Я уже стар для всех этих реверансов. Кроме того, небольшая порция лести не повредит, когда имеешь дело с юнцами. Тем более, это ни к чему не обязывает.

Он подмигнул Ли и добавил:

— Садитесь, Ли, и поддержите меня морально в разговоре с Сермаком.

— Кстати, о Сермаке, — мрачно вставил Ли. — Он опасен. У него есть сторонники, Гардин, и немало. Не стоит его недооценивать.

— Ну, мне это не свойственно.

— Тогда арестуйте его. Потом можно придумать за что.

Гардин на это не ответил.

— Они здесь, Ли, — сказал он, глянув на сигнальную лампочку. Нажал кнопку под столом, И двери открылись.

Вошли четверо. Гардин гостеприимно указал на кресла, окружавшие его стол. Вошедшие поклонились и сели, выдерживая паузу. Видимо, ждали, что первым заговорит мэр.

Гардин открыл затейливо украшенную крышку сигарной шкатулки, принадлежавшей когда-то Джорду Фара, члену Совета Попечителей Энциклопедических времен. Шкатулка была сделана на Сантании, но сигары в ней теперь лежали местные. Поочередно, молчаливо и торжественно, члены делегации взяли по сигаре и церемонно закурили. Зеф Сермак сидел вторым справа. Он был самым молодым из четверых и самым интересным на вид: у него были жесткие белесые, аккуратно подстриженные усы и глубоко посаженные выцветшие глаза. Остальные

трое Гардина не заинтересовали. Он сосредоточился на Сермаке, который за время со дня своего избрания в Городской Совет успел не один раз перевернуть там все вверх дном. Гардин сказал, обращаясь именно к нему:

— Искренне рад видеть вас, Советник, в особенности — после вашего блестящего выступления в прошлом месяце. Ваша критика внешней политики нашего правительства была просто превосходна.

В глазах Сермака вспыхнули злые искорки.

— Для меня — большая честь, что вы это заметили. Критика могла быть какой угодно. Главное — по делу.

— О да! Ваше мнение — это ваше мнение, несомненно. Ну и потом, вы еще так молоды!

Сермак сухо ответил:

— Молодость — это грех, которому каждый подвержен в определенное время. Вы, между прочим, стали мэром города, когда были на два года моложе меня.

«Однако, сосунок не так-то прост», — подумал Гардин.

— Если я правильно понимаю, — сказал он мягко, — ваше посещение имеет ту же цель — поговорить о внешней политике. Вы выражаете мнение всех спутников или я должен буду выслушать каждого в отдельности?

Молодые люди понимающе переглянулись.

А Сермак торжественно изрек:

— Я говорю от имени народа Терминуса — народа, который наконец имеет своих представителей в насквозь бюрократившейся структуре, именуемой Советом.

— Понятно. Давайте дальше.

— Дело в том, господин мэр, что мы недовольны...

— «Мы» — это, надо понимать, народ?

Сермак зло покосился на Гардина, чувствуя подвох, и холодно ответил:

— Я уверен, что мои взгляды разделяет большинство избирателей Терминуса. Устраивает это вас?

— Ну, это еще надо проверить... Но продолжайте. Итак, вы недовольны...

— Да! Недовольны! Возмущены политикой, которая за тридцать лет сделала Терминус беззащитным перед любым вторжением извне!

— Ясно, продолжайте.

— Благодарю вас, — процедил Сермак. — Поэтому мы формируем новую партию, ее задачей станет защита жизненных интересов населения Терминуса. Мы собираемся выкинуть вас и ваших трепачей из зала заседаний Совета, и очень скоро!

— Если только... Обязательно должно быть что-то вроде «если только...».

— Вовсе не обязательно. Но тем не менее; если только вы немедленно не уйдете в отставку. Я не прошу вас изменить вашу политику, потому что не верю ни единому вашему слову. Ваши обещания ничего не стоят. Единственное, что нас устроит, — немедленная отставка.

— Понял.

Гардин, положив ногу на ногу, откинулся назад и покачивался на стуле.

— Таков ваш ультиматум. Спасибо, что предупредили. Но, видите ли, я откажусь.

— Вы напрасно думаете, что это — предупреждение, господин мэр. Новая партия уже сформирована и начинает официально действовать с завтрашнего дня. Для компромиссов нет ни времени, ни места. Честно говоря, только ваши личные заслуги перед городом заставили нас предложить такой вариант. Я предполагал, что вы его не примете, но, по крайней мере, наша совесть будет чиста. Следующие выборы покажут, что ваша отставка неизбежна.

Он встал. За ним, как по команде, поднялись остальные.

Гардин поднял руку:

— Пойдите! Прошу вас задержаться.

Зеф Сермак недовольно опустил в кресло. Лицо Гардина осталось непроницаемым, хотя он с трудом удержал улыбку.

О чем бы они там ни трепались, а должно было последовать какое-то предложение. Этого предложения он и ждал.

Раскурив погасшую сигару, он спросил:

— А каким именно образом вы хотели бы изменить нашу внешнюю политику? Хотите, чтобы мы немедленно напали на все Четыре Королевства?

— Я этого не предлагаю, господин мэр. Мы требуем вашего отказа от пацифизма. За время своего правления вы только и делали, что оказывали научную и практическую помощь Четырем Королевствам. Вы дали им атомную энергию, вы помогли восстановить атомные электростанции, вы открыли там клиники, химические лаборатории, заводы.

— Какие у вас возражения?

— Это делалось якобы для того, чтобы они не напали на нас. Заигрывая с ними, вы затянули Терминус в омут. В итоге мы теперь отданы на откуп этим варварам.

— Каким же это образом?

— А таким, что вы дали им энергию, оружие, оснастили корабли

военного флота! Теперь они несравненно сильнее, чем тридцать лет назад. Их запросы растут, и оружия у них скапливается все больше! А когда они получают новое оружие, то удовлетворяют все свои запросы разом — захватят Терминус. Не тем ли обычно кончаются такие игры?

— А что предлагаете вы?

— Немедленно прекратить заигрывания, пока у вас еще есть такая возможность. Направьте все усилия на укрепление мощи Терминуса — и ударьте первым!

Гардин с внутренней неприязнью разглядывал аккуратные белесые усики Сермака. Как уверен в себе... И никаких сомнений, что он действительно выражает мнение значительной части населения...

Взяв себя в руки, Гардин холодно поинтересовался:

— Вы закончили?

— Пока — да.

— В таком случае, если не трудно, прочитайте, что у меня за спиной в рамочке написано. Будьте так добры!

Губы Сермака дрогнули:

— «Насилие — последний козырь дилетантов». Это — девиз для стариков, господин мэр.

— Ну почему же? Я им с успехом пользовался, когда был молод. Вы тогда только родились, но, может быть, в школе вам что-нибудь рассказывали про те времена?

Гардин в упор посмотрел на Сермака и сдержанно продолжил:

— Когда Гэри Селдон основал Академию, единственной целью нашего существования здесь было издание Энциклопедии. Пятьдесят лет мы шли за этим миражом, пока не поняли, куда идем на самом деле. И чуть было не опоздали. Когда связь с центральными областями Империи прервалась, мы оказались научным мирком, замкнутым в единственном городе, не имеющим промышленности, окруженным враждебными новоиспеченными королевствами. Мы были крохотным островком прогресса в пучине варварства и весьма лакомым кусочком.

Анакреон был и остается самым могущественным из Четырех Королевств, поэтому потребовал и получил свое — военные базы на Терминусе. А тогдашние правители города — Энциклопедисты — знали, что это только первый шаг к захвату всей планеты. Вот как обстояли дела, когда я... гм-м-м... возглавил теперешнее правительство. А вы бы как поступили?

Сермак пожал плечами:

— Риторический вопрос. Мне известно, что вы сделали.

— А я все-таки повторяю. Мне кажется, что вы не до конца понимаете суть дела. Уже тогда появилось искушение собрать все силы и начать битву. Это было самое простое и, с точки зрения самолюбия, — самое верное. Но, как ни странно, — самое глупое. Вы бы, конечно, только так и поступили, — вы, со своей доктриной относительно «первого удара». А я вместо этого посетил остальные три королевства и указал им на то, что передача секрета использования атомной энергии в руки Анакреона — самый быстрый путь к хакари. И еще я подсказал им (мягко и ненавязчиво) совершенно очевидный выход. Вот и все. Через месяц после того как анакреонцы высадились на Терминусе, их король получил ультиматум от остальных трех королевств. А еще через семь дней последний анакреонец убрался с Терминуса. А теперь скажите мне, была ли необходимость в применении силы?

Молодой Советник аккуратно погасил сигару.

— Не вижу аналогии. Инсулин приводит диабетика в норму без хирургического вмешательства, а при аппендиците операция необходима. И тут никуда не деться. Когда все другие способы исчерпали себя, что остается кроме последнего козыря? Вы, только вы, виноваты, что дело дошло до этого!

— Я? Ну да, во всем опять виновата моя политика пацифизма. Похоже, вы так и не вникли. Наши беды не закончились на том, что анакреонцы убралась восвояси. Они только тогда по-настоящему и начались. Четыре Королевства стали нашими врагами — им всем была необходима атомная энергия, и нас не прикончили потому, что каждое из них боялось трех остальных. Мы балансировали на лезвии бритвы, и малейшее движение в ту или другую сторону... Ну, к примеру, вдруг одно из королевств становится сильнее других, вдруг два объединятся — понимаете?

— Естественно. Тогда нужно было начинать всенародную подготовку к войне.

— Совсем наоборот! Тогда настало время начать всенародное предотвращение войны! Я настраивал их друг против друга? Я помогал им всем по очереди. Предлагал им науку, торговлю, образование, медицину. Сделал так, что Терминус стал более привлекательным в качестве источника процветания, чем в качестве военной мишени. И мы продержались тридцать лет.

— Да, но вы окружили эти гуманитарные дары неслыханной таинственностью. Просто-таки новую религию создали! Вы возвысили целую иерархию священников и придумали идиотский ритуал!

Гардин нахмурился:

— Ну и что? Не понимаю, разве это относится к нашему спору? То, о чем вы говорите, было предпринято только после того, как я убедился, что эти дикари хотя бы воспринимают нашу науку. Они считают ее разновидностью волшебства. Проще всего было все так и оставить. Вот так сформировалось священство, и если мы оказываем ему поддержку, то лишь потому, что двигаемся по пути наименьшего сопротивления. Зря вы так за это зацепились.

— Ничего себе — зря! Да ведь священники заведуют атомными станциями!

— Да, но обучили-то их мы! Их знания примитивны, носят исключительно эмпирический характер. Кроме того, они сами свято верят в ту мистику, которая их якобы окружает.

— Ну а если представить, что хотя бы один из них вырвется из тумана мистики? Что помешает ему изучить атомную энергетику такой, какая она есть, а потом выгодно продать этот секрет? Чего это будет стоить Королевствам?

— Вероятность слишком мала, Сермак. Вы воспринимаете проблему поверхностно. Самые способные люди с планет Четырех Королевств посылаются в Академию каждый год для религиозного обучения. Лучшие из них остаются здесь для исследовательской работы. Но даже у тех, кто остается, практически отсутствует знание азов ядерной физики. Более того, знания подаются им в извращенном виде. Так вот, если вы думаете, что они способны проникнуть в суть ядерной теории, электроники, проблемы гиперпереноса, мне остается сделать вывод, что у вас несколько чисто поэтическое отношение к науке. На то, чтобы изучить все вышеперечисленное, потребуется не только вся жизнь, но и незаурядный интеллект.

Гардин продолжал говорить, когда Йон Ли резко встал и вышел из комнаты. Вернулся он как раз тогда, когда Гардин завершал тираду. Ли наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Тот также ответил ему шепотом и принял из рук Ли металлический цилиндр. Ли сердито глянул на депутацию и отошел к окну.

Гардин вертел в руках цилиндр, с усмешкой глядя на Сермака. Резким движением он открыл его. На стол упала свернутая в Трубочку бумага...

— Короче говоря, господа, — заявил Гардин, — правительству кажется, что оно отвечает за свои действия.

Произнося эту фразу, Гардин пробежал глазами бумагу. Лист был испещрен значками сложного кода. В углу карандашом были написаны три слова, раскрывавших содержание письма. Прочитав их, Гардин скомкал

бумагу и бросил ее в корзину.

— Сожалею, но наша беседа окончена. Был искренне рад всех вас повидать. Спасибо, что навестили.

Он церемонно попрощался со всеми за руку. Визитеры молча удалились.

Когда за депутацией закрылась дверь, Гардин, не в силах более сдерживаться, расхохотался. Успокоившись, он смущенно взглянул на Ли:

— Ну, как вам этот блеф?

Ли мрачно хмыкнул:

— Думаю, что он-то как раз не блефовал. Вы с ним, как с маленьким, а он возьмет да и победит на следующих выборах, что тогда?

— Что же, это вполне возможно, если только раньше ничего не произойдет.

— Будьте уверены, Гардин, на этот раз они не промахнутся. Уверяю вас, у Сермака не мало сторонников. А что если он не станет ждать следующих выборов? Были же времена, когда и вы, и я действовали достаточно жестко, невзирая на ваш любимый девиз?

Гардин прищурил глаз.

— Вы что-то пессимистично настроены сегодня, Ли. И совершенно не правы, говоря о жестокости. Наш маленький переворотик обошелся без единой капли крови. Тогда это было необходимо. У Сермака же цели совсем другие. Вы и я, Ли, — не энциклопедисты. Мы понимаем, что к чему. Вот что: натравите-ка ваших людей на этих юнцов, но только очень тонко, как вы умеете.

Ли насмешливо смотрел на Гардина.

— Хорош бы я был, если бы ждал ваших распоряжений! Уже месяц, как за Сермаком и его командой ведется слежка!

Мэр довольно крикнул.

— Первый придумал, да? Ну и славно. Кстати... — он поднял указательный палец и тихо сказал:

— Посол Верисов возвращается на Терминус. Надеюсь, не насовсем.

— Что в письме? — поинтересовался Ли после небольшой паузы. — Плохо дело?

— Не знаю. Ничего не могу сказать, пока не встречу с Верисовым. Все может быть. Я же сказал, что до выборов всякое может случиться. Что вы вдруг побледнели?

— Пытаюсь представить, как обернется... Вы хитры. Гардин, и никому не раскрываете карты...

— И ты, Брут... — прошептал Гардин и ехидно осведомился:

— А вы сами не собираетесь в партию Сермака?

Ли не смог сдержать улыбки:

— Угадали. Пойдемте завтракать.

Гардину приписывают множество эпиграмм и афоризмов, но далеко не все они действительно принадлежат ему. Как бы то ни было, говорят, что однажды он изрек: «Не мешает изредка быть объективным, особенно если вас считают пророком».

Поль Верисов не раз имел возможность последовать этому совету, поскольку вот уже четырнадцать лет он выполнял на Анакреоне обязанности двусмысленного характера. Работа его часто казалась ему чем-то вроде танца босиком на раскаленных углях.

Для народа Анакреона он был верховным священником, представителем Академии, которая была для этих дикарей средоточием тайны и центром религии, созданной (не без помощи Гардина) в последние три десятилетия. Почитание, с которым к нему относились, его угнетало, ибо в душе он глубоко презирал тот ритуал, верховным носителем которого являлся.

А для королей Анакреона — прежнего и его внука, который ныне стоял у власти, он был воплощением силы, которую они боялись и ненавидели.

В общем, работенка не из легких, поэтому он думал о первой за последние три года поездке на Терминус как об отпуске, несмотря на то что вызвана она была случаем весьма неприятным.

Поскольку в обстановке полной секретности путешествовать приходилось не впервые, он вновь воспользовался изречением Гардина об объективности...

Верисов переоделся в цивильное, что само по себе было праздником, и отправился пассажирским звездолетом в салоне второго класса на Терминус. Прибыв туда, первым делом по видеофону связался с Городским Советом.

— Меня зовут Ян Смит, — представился он красивой девушке, появившейся на экране. — Мне назначена аудиенция у мэра.

Девушка хорошо поставленным голосом вызвала кого-то по внутреннему видеофону, обменялась с кем-то несколькими фразами и сухо сообщила Верисову:

— Мэр Гардин ждет вас через полчаса, сэр.

Экран померк.

Затем посол Терминуса на Анакреоне купил в киоске последний номер

«Городских Новостей», прогулялся по парку перед зданием Совета, уселся на скамеечку, прочел передовицу, спортивные новости, пробежал глазами комиксы. Полчаса истекли.

Он встал, сунул газету под мышку, вошел в здание Совета и неузнанным проследовал в кабинет Гардина.

Гардин встретил его с улыбкой:

— Садитесь, закуривайте! Как добрались?

Верисов взял сигару.

— Довольно забавно. В соседнем кресле сидел священник. Он летел сюда на курсы по применению радиоактивного синтеза в онкологии.

— Надеюсь, он не называл это «радиоактивным синтезом».

— Нет, конечно. Он называл это «Святой Пищей».

Мэр кивнул и улыбнулся:

— Продолжайте.

— Он вовлек меня в теологическую дискуссию и изо всех сил старался лишить меня материалистической платформы.

— Что, так и не узнал своего верховного владыку?

— Без алой сутаны? Да он к тому же смирнианец. Однако поговорить было очень интересно. Просто потрясающе, Гардин, до чего глубоко пустила корни паша религия! Я даже написал эссе по этому поводу — для личного пользования, разумеется.

— Да, очень занятно, — согласился Гардин. Закинув руки за голову, он сказал серьезно:

— А теперь, будьте любезны, о ситуации на Анакреоне.

Посол нахмурился и, вытащив сигарету изо рта, брезгливо положил ее в пепельницу.

— Плохо. Очень плохо.

— Понятно. Иначе вы не были бы здесь.

— Естественно. Дела вот какие: главный человек на Анакреоне сейчас — регент Винис, дядя короля Леопольда.

— Знаю. Но в будущем году Леопольд достигнет совершеннолетия. По-моему, шестнадцать ему в феврале?

— Да.

Помолчав немного, Верисов добавил:

— Если доживет. Его отец погиб при странных обстоятельствах. Игольная пуля попала ему в грудь на охоте. Сказали, что это несчастный случай.

— Хм-м-м... Кажется, я припоминаю Виниса. Я его видел на Анакреоне в те славные денечки, когда мы спровадили их с Терминуса.

Еще до того как вы начали там работу. Ну-ка, ну-ка... Если не ошибаюсь, тогда это был темноволосый молодой человек, смуглый, косил на правый глаз. И еще нос у него крючковатый.

— Он самый. Нос крючком, косоглазый — все правильно. Только волосы у него уже седые. Он играет в грязные игры, оставаясь, к счастью, самым набитым дураком на планете. Однако дьявольски проницателен и изобретателен, отчего глупость его распространяется довольно успешно.

— Так обычно и бывает.

— Образно говоря, он из тех, кто считает, что для того чтобы разбить яйцо, в него нужно выстрелить из бластера. Вспомните, что сразу же после смерти старого короля именно он пытался ввести налог на имущество Храмов. Помните?

Гардин задумчиво кивнул и улыбнулся:

— Священники тогда взбунтовались.

— Еще как! На Лукреции было слышно. С тех пор со священниками он стал более осторожен, но кое-какие дела проделывает исключительно жестко. Помимо всего прочего, он потрясающе честолюбив.

— Это, скорее всего, комплекс неполноценности. Как у младших королевских сыновей.

— Да, наверное. Но у него все сводится к одному. Он просто спит и видит, как бы напасть на Академию. И скрывать этого не пытается. Учитывая запасы оружия, он вполне на это способен. Старый король построил могущественный военный флот, и последние два года Винис настороже. Ведь налог на имущество Храмов первоначально планировалось пустить на дальнейшее вооружение. Когда затея провалилась, он добился того, что налоги с прибыли повысили в два раза.

— Это вызвало недовольство?

— Не настолько серьезное. В течение нескольких недель после этого темой речей на всех королевских церемониях были дисциплина и повиновение властям.

— Ясно. А что стряслось сейчас?

— Две недели назад торговый корабль анакреонцев подобрал брошенный военный крейсер старого имперского флота. Он, похоже, болтался в пространстве лет тридцать, не меньше.

Глаза Гардина загорелись. Он выпрямился в кресле.

— Да-да. Я слышал об этом. Комиссия по Навигации послала мне петицию с требованием, чтобы я забрал корабль для проведения научных исследований. Похоже, он в хорошем состоянии?

— В отличном, — кивнул Верисов. — Когда на прошлой неделе Винис

получил предложение передать корабль Академии, его чуть кондрашка нехватила.

— Кстати, он пока не отвечает.

— И не ответит. Разве что орудийным залпом. Видите ли, он навестил меня в тот день, когда я улетаю с Анакреона, и спросил, может ли Академия отремонтировать и вернуть крейсер анакреонскому флоту. По его намеку, ваше послание означает, что Академия вынашивает планы напасть на Анакреон. Он сказал также, что отказ отремонтировать крейсер укрепит его в подозрениях и что он берет на себя ответственность за оборону Анакреона. Вот его слова: «Беру на себя». Вот почему я здесь.

Гардин расхохотался.

Верисов улыбнулся в ответ и продолжил:

— Понятно, что он ждет повода для немедленного нападения, то есть отказа.

— Ну, чему быть, того не миновать, у нас для размышлений — шесть месяцев. За это время надо привести корабль в полный порядок и передать его Винису с наилучшими пожеланиями. И... знаете что? Его надо переименовать. Назовем его не как-нибудь, а именно «Винис» — в знак уважения и лучших чувств, черт бы меня побрал!

Он снова расхохотался.

— Допускаю, что это логично, Гардин, — сказал Верисов, — но я обеспокоен.

— Чем?

— Знаете, что это за корабль? О, тогда умели строить корабли. Это такая громадина! По военной мощности — половина анакреонского флота. Ядерных зарядов, которые он несет, хватит, чтобы взорвать целую планету! Кроме того, он оборудован защитным полем, способным отразить пучок Q-лучей без дополнительных затрат энергии! Он слишком хорош, Гардин.

— Ерунда, Верисов, ерунда... Мы с вами прекрасно знаем, что у Виниса и без того достаточно оружия, чтобы завладеть Терминусом. Что же изменит передача крейсера? Вы-то должны понимать, что настоящей войны не будет никогда!

— Надеюсь, да. Но... — посол поднял глаза к потолку. — Но, Гардин...

— Ну? Что же вы остановились? Продолжайте!

— Это, конечно, не мое дело. Но я читал газету, — сказал он и положил на стол «Городские Новости», указав на первую полосу. — Как это понимать?

Гардин небрежно пробежал взглядом страницу и ответил:

— Группа Советников формирует новую политическую партию.

— Да, там так и написано... — кивнул Верисов. — Конечно, вы лучше разбираетесь во внутренних делах, но... они вас атакуют только разве что не физически! Насколько они сильны?

— Чертовски сильны. Не исключено, что именно они возглавят Совет после следующих выборов.

— А не до? — Верисов украдкой взглянул на мэра. — Существует столько способов захвата власти, не считая выборов.

— Вы меня за Виниса принимаете?

— Нет, конечно. Но ремонт корабля займет несколько месяцев, и после этого нападение на Терминус станет неизбежным. Наша щедрость будет воспринята как капитуляция, признание собственной слабости, а имперский крейсер удвоит мощь анакреонского флота — флота Виниса. Я не я буду, если он не нападет. Зачем испытывать судьбу? Сделайте одно из двух: либо раскройте Совету план кампании, либо начните войну с Анакреоном сейчас.

Гардин нахмурился:

— Сейчас? До начала кризиса? Нет. Это единственное, чего делать категорически нельзя. Существует Гэри Селдон. И План.

Верисов немного растерялся и пробормотал:

— А вы... абсолютно уверены в том, что План существует?

— В этом не может быть никаких сомнений, — твердо ответил Гардин. — Я присутствовал в Склепе и видел Селдона своими глазами, то есть не его, конечно, а объемную видеозапись.

— Я не о том, Гардин. Я просто не понимаю, как можно рассчитать историю на тысячу лет вперед. Может быть, Селдон переоценивал себя?

Он немного смутился, поскольку на лице Гардина появилась ироническая усмешка, но добавил:

— Я, конечно, не психолог...

— Вот именно. И среди нас нет психологов. Но я в юности все же получил кое-какие элементарные познания, — достаточные для того, чтобы понять, на что способна психология, кто бы ни воспользовался ее возможностями. Сомнений нет — Селдон сделал именно то, о чем говорил. А говорил он, что Академия была создана как научное убежище — средство, с помощью которого наука и культура умирающей Империи могут быть спасены и сохранены на протяжении веков хаоса и мрака, которые уже начались, для того, чтобы их можно было передать во вторую Империю.

Верисов кивнул, но было видно, что Гардин не убедил его.

— Все знают, что так должно быть. Но можем ли мы позволить себе испытывать судьбу? Можем ли мы рисковать настоящим ради туманного будущего?

— Должны. Потому что будущее не туманно. Оно спрогнозировано Селдоном. Каждый кризис в нашей истории нанесен на график, и каждый последующий зависит от того, как закончился предыдущий. Сейчас приближается второй кризис, и одному Богу известно, каковы будут последствия, если ситуация хоть на йоту отклонится...

— Это не более чем предположения!

— Нет! Гэри Селдон сказал тогда, в Склепе, что при каждом кризисе паша свобода действий будет ограничена настолько, что окажется возможным только один выход.

— Чтобы мы шли только прямо и вперед?

— Чтобы мы не уклонялись от намеченного пути. И наоборот: пока наш выбор выхода не ограничен — значит, кризис еще не наступил. Мы просто обязаны пустить все на самотек, и чем дольше так будет продолжаться, тем лучше. Именно этим я и собираюсь заняться.

Верисов молчал. Он покусывал губы и думал... Всего лишь год назад Гардин впервые серьезно разговаривал с ним, обсуждая важную проблему — проблему военных приготовлений на Анакреоне. И то — только потому, что он, Верисов, высказывался против дальнейшего пацифизма.

Гардин, видимо, догадался, о чем думает его посол.

— Лучше бы я вам тогда ничего не говорил.

— Почему? — удивленно воскликнул Верисов.

— Потому что теперь уже шестеро — вы, я, еще три посла и Ион Ли точно знают, что ждет нас впереди. А я чертовски опасаюсь, что Селдон рассчитывал, что никто не будет знать.

— Почему?

— Потому что даже фундаментальная психология Селдона имела свои ограничения. Она не могла учесть слишком большое число независимых переменных. Он не мог предусмотреть действия отдельных людей на коротких отрезках времени. Ну представьте себе — как будто вы решили применить теорию газовой кинетики к отдельным молекулам! Он брал в расчет массы, население целых планет. Причем только слепые массы, которые не ведают, что творят, и, тем более, не видят, к чему приведут их действия.

— Да. Непросто.

— Ничего не поделаешь. Я вынужден объяснять так, как сам понимаю. Но вот что вам нужно иметь в виду. Обученных, профессиональных

психологов на Терминусе нет, нет и математических пособий по прикладной психологии. Совершенно очевидно, что Селдон не хотел, чтобы кто-нибудь на Терминусе мог предсказать будущее. Он хотел, чтобы мы шли вперед слепо, что по законам массовой психологии означает — правильно. Как я вам уже когда-то говорил, я и понятия не имел о том, что будет потом, после того, как мы в первый раз отправили анакреонцев восвояси. У меня была цель — сохранить равновесие сил, и не более. Только потом я понял, что в течении событий прослеживается определенная схема. Но я изо всех сил старался действовать так, как будто ничего не понял. Любое вмешательство изменило бы План.

Верисов задумчиво кивнул:

— Сложно. Однако в анакреонских храмах я слышал споры и посложнее. А как же вы собираетесь определить верный момент для начала действий?

— Это как раз ясно! Вы же сказали: как только мыотремонтируем крейсер, ничто не остановит Виниса, Никаких альтернатив не будет.

— Да.

— Ну вот. Так обстоят наши внешние дела. Признаем затем, что новые выборы дадут жизнь другому, агрессивно настроенному Совету. Тоже — без альтернативы.

— Так.

— А как только исчезнут все альтернативы, значит, — настал кризис. Все просто. Но я все равно волнуюсь.

Он замолк. Верисов, не отрываясь, смотрел на него. Медленно, даже лениво, Гардин продолжил:

— У меня появились вот какие соображения... Видимо, внешние и внутренние силы должны войти в резонанс. Если так, то получается разрыв в несколько месяцев, Винис, вероятно, нападет на нас не позднее весны, а до выборов еще целый год.

— Мне кажется, что это не так важно.

— Не знаю, не знаю... Может быть, это просто результат ошибки при вычислении, а может быть, я слишком много знаю... Я-то старался избегать прогнозирования собственных действий, но что я могу гарантировать? Какими могут быть последствия этого временного разрыва? Но, как бы то ни было, — он поднял глаза к потолку, — кое-что я решил твердо.

— Что же?

— Когда кризис начнется, я отправлюсь на Анакреон. Хочу влезть в самое пекло... Ну все, все, хватит, Верисов! Уже поздно. Устал как собака. Давайте пойдем куда-нибудь и отпразднуем нашу встречу. Мне нужно

немного расслабиться.

— А давайте никуда не пойдем, — предложил Верисов. — Мне нужно остаться инкогнито, а то — вы представляете себе, что будет, если нас увидят вместе ваши драгоценные Советники. Попросите, чтобы нам принесли бренди.

И Гардин попросил принести бутылку бренди.

В славные времена расцвета Империи, когда Анакреон был могущественнейшей и богатейшей из префектур Периферии, не один Император посетил дворец вице-короля. И ни один из них не покинул Анакреон без того, чтобы хоть раз не испытать свою ловкость в обращении с игольным ружьем в охоте на летающую пернатую крепость под названием птица Ньяк.

Слава Анакреона ушла в небытие. Дворец вице-короля превратился в руины — за исключением одного крыла, отреставрированного специалистами из Академии. Ни одного Императора не видели на Анакреоне уже лет двести, не меньше.

Тем не менее охота на Ньяка оставалась королевским видом спорта, а острый глаз и ловкость в обращении с игольным ружьем по-прежнему были обязательными для королей Анакреона.

Леопольд I, король Анакреона, и, как обычно, но совершенно необоснованно добавлялось — Повелитель Заграничных территорий, которому еще не исполнилось шестнадцати, уже доказал свое незаурядное мастерство в этом хитром деле. Первого Ньяка он прикончил, когда ему не было и тринадцати, десятого — когда пришел к власти. Только что он вернулся с удачной охоты. Это была его сорок шестая победа.

— К совершеннолетию я доведу свой счет до пятидесяти! — объявил он свите. — Хотите пари?

Конечно, никто из свиты не рискнул усомниться в способностях юного короля, так что тот отправился в свои покои переодеваться в наилучшем расположении духа.

— Леопольд!

Короля заставил остановиться голос единственного человека, который мог себе это позволить. Леопольд недовольно обернулся. На пороге своей опочивальни стоял Винис.

— Отошли свиту, — нетерпеливо потребовал он. — Пускай убираются, да поскорей.

Леопольд царственно кивнул, и двое придворных, низко поклонившись ему, стали спускаться по лестнице. Король вошел в покои Виниса.

Тот с явным неудовольствием оглядел охотничий костюм короля.

— Скоро у тебя появятся дела поважнее, чем охота на Ньяка!

Он повернулся и пошел к столу. Винис был уже стар и с нескрываемым презрением относился к охоте вообще и к охотникам, в частности.

Леопольд обиженно изрек:

— Дядя, ну что вы так сердитесь? Жаль, что вас не было с нами! Мы спугнули здорового Ньяка в Самийской чащобе! И началось... Мы гонялись за ним добрых два часа по всему лесу! А потом я один пошел на восток (он жестикулировал так, как будто у него по-прежнему в руках было ружье) и пополз (это он тоже изобразил). Он взлетел, а я ранил его в левое крыло. Он чуть с ума не сошел от злости! А я следил за ним. Он полетел над рекой, и я подождал, пока он не свалился в воду. Он, конечно, стал снижаться. И когда он был уже в одном взмахе крыльев от воды, я выстрелил...

— Леопольд!

— Да! Дядя, я подстрелил его!

— Нисколько не сомневаюсь. А теперь — ты можешь меня выслушать?

Обреченно вздохнув, Леопольд уселся за небольшой резной столик и совсем не по-королевски жадно набросился на леранский орех. Дяде в глаза он старался не смотреть.

Винис начал издали:

— Я был сегодня на корабле.

— На каком корабле?

— Корабль — один. На Корабле! На том, что Академия ремонтирует для нашего флота. На старом имперском крейсере. Понятно?

— А-а-а... На этом... Вот видите, я же говорил вам, что Академия обязательно его починит, если мы попросим. Значит, зря вы выдумывали, будто они собираются на нас напасть. Ну, правда, дядя, если бы они хотели этого, зачем бы они тогда ремонтировали корабль для нас? Это же бессмысленно...

— Леопольд, ты идиот!!

Король, только что выбросивший скорлупу от первого ореха, собираясь приняться за следующий, побагровел...

— Знаете что, дядюшка, — проговорил он срывающимся голосом, — вы не должны так меня называть. Вы... забываетесь. Через два месяца — мое совершеннолетие!

— Вот именно! А твой образ жизни как нельзя хуже соответствует государственной деятельности! Если бы ты отдавал делам королевства хотя бы половину времени, которое тратишь на охоту за Ньяками, я бы с легким

сердцем давно передал бы тебе бразды правления!

— Не надо! Это к делу не относится. Хоть вы и правитель, и дядя мой, я все-таки король! А вы — мой подданный. И вы не имеете никакого права обзывать меня идиотом и сидеть в моем присутствии не имеете права! Вот! Я вам не позволял! Будьте повежливее со мной, а то я возьму и как-нибудь накажу вас!

Винис смерил короля ледяным взглядом.

— Я должен обращаться к тебе — «Ваше Величество»?

— Да!

— Отлично! Ты — идиот, Ваше Величество!!

Темные маленькие глазки Виниса злобно косили из-под лохматых бровей. Юный король съежился в кресле. Мгновение на лице регента сохранялась сардоническая усмешка, но она быстро уступила место широкой улыбке. Рука его мягко легла на плечо короля.

— Не обижайся, Леопольд! Пожалуй, я, и правда, был слишком груб. Знаешь, иногда бывает трудно сдержаться, когда так тяжел груз обстоятельств. Понимаешь?

Леопольд неуверенно проговорил:

— Д-да... Государственные дела, конечно, это трудно...

Он безучастно ожидал, не заведет ли дядя с ним пространную беседу с перечислением нудных подробностей — о годовом объеме торговли со Смирной или о проблемах заброшенных миров Красного Коридора.

— Мальчик мой, — начал Винис, откашлявшись, — я давно собирался поговорить с тобой и, наверное, должен был сделать это раньше. Но я хорошо понимаю, что твоя юная душа противится суете и скуке государственных дел.

Леопольд зевнул.

— Да, то есть нет... Валяйте...

— Как бы то ни было, — продолжал Винис, расхаживая по покоям, — через два месяца — твое совершеннолетие. Настают тяжелые времена, Леопольд, и тебе придется включиться в государственные дела. Скоро ты будешь настоящим королем, Леопольд.

Леопольд кивнул, слабо понимая, к чему клонит дядя.

— Будет война, Леопольд!

— Война? Но со Смирной, вроде бы, покончено?

— Не со Смирной, Леопольд. С Академией.

— Но, дядя! Они же согласились отремонтировать корабль! Вы же говорили...

Увидев выражение лица Виниса, он запнулся.

— Леопольд, — сказал тот жестко, — я говорю с тобой как мужчина с женщиной. Война с Академией должна начаться независимо от того, починят корабль или нет. Тем скорее, чем скорее его починят. Академия — источник силы и могущества. Все величие Анакреона, все наши корабли и города, весь народ, вся торговля — это объедки, милостиво брошенные нам с барского стола Академией. Я еще помню времена, когда наши города согревались теплом горящего угля и нефти. Но тебе об этом говорить бесполезно. Ты этого никогда не видел и понять не сумеешь.

— Мне кажется, — осторожно вставил Леопольд, — что мы должны быть благодарны...

— Благодарны? — рявкнул Винис — За что? За то, что они кормят нас отбросами, оставляя себе лакомые кусочки, о вкусе которых мы и не догадываемся? А зачем приберегают, а? Только для одного — они мечтают в один прекрасный день завладеть всей Галактикой!

Ладонь Виниса опустилась на колено племянника. Косые глаза превратились в две черные щелочки...

— Леопольд, ты — король Анакреона! Твои наследники и дети твоих детей смогут стать королями Вселенной, если ты обретишь власть, которую Академия прячет от нас!

— А вы правы, дядя, — проговорил Леопольд. Глаза его загорелись, он выпрямился. — В конце концов, какое они имеют право от нас что-то скрывать! Это бесчестно! Анакреону тоже кое-что причитается!

— Вот видишь, ты начинаешь понимать, — улыбнулся Винис, потирая руки. — А теперь, мой мальчик, скажи мне, что будет, если Смирна решит напасть на Академию и прибрать к рукам все ее богатства? Как долго тогда нам удастся продержаться? Как долго ты удержишься на троне?

Леопольд заволновался:

— Черт подери, вы правы, дядя! Мы должны нанести первый удар. Да это просто самозащита!

Винис широко улыбнулся:

— Умница, Леопольд! Позволь, я напомним тебе еще кое-что. В первые годы правления твоего деда Анакреон основал военную базу на планете Терминус, где расположена Академия. Базу, которая нам была действительно необходима для самообороны. Но мы были вынуждены покинуть эту базу из-за происков главного человека в Академии — этого гада, этого ученого сухаря, плебея, в жилах которого нет ни капли аристократической крови! Ты понимаешь, Леопольд? Твой дед был унижен этим плебеем! Я его хорошо помню! Он был не намного старше меня, когда впервые появился на Анакреоне со своей дьявольской улыбочкой. И с

дьявольским умом! И с властью над тремя королевствами, которые вступили в предательский союз, объединившись против несчастного Анакреона!

Лицо Леопольда залилось краской. Огонь в глазах вспыхнул с новой силой.

— Ей-богу, дядя, на месте деда я бы тогда начал войну!

— Нет, Леопольд. Тогда мы решили выждать, дожидаться более удобного момента. Твой отец всю жизнь, до безвременной кончины, мечтал, что это удастся сделать ему... Он был моим братом... — с напускной трагичностью Винис отвел взгляд в сторону. — Но ты, его сын...

— Да, дядя! Я не посрамлю его! Все. Я решил! Ради справедливости Анакреон уничтожит это логово злодеев, и немедленно!

— Нет-нет. Не сейчас. Подождем, пока они закончат ремонтировать корабль. Согласие на ремонт, Леопольд, выдает их страх. Глупцы! Хотят обмануть нас, но это им не удастся!

— Пока я — король Анакреона, не удастся! — воскликнул Леопольд, вскочив на ноги.

Губы Виниса дрогнули в едва заметной ухмылке:

— Хорошо! Присядь, Леопольд. Есть важное дело. Мы должны дожидаться прибытия Сальвора Гардина.

— С-с-сальвора Г-гардина?

Глаза короля округлились.

— Да, Леопольд. Он — глава Академии, и он лично прибудет на Анакреон в твой день рождения — вероятно, для того, чтобы убаюкать нас ласковыми словечками. Но у него ничего не выйдет!

— Сальвор Гардин... — повторил Леопольд, тупо уставившись на вазу с орехами.

Винис нахмурился:

— Почему тебя пугает это имя? Это тот самый Сальвор Гардин, который когда-то сунул нас лицом в грязь! Это он унизил твоего деда. Он! Плебей, подонок, нячий помет!

— Н-нет. Я не боюсь... То есть не буду бояться! Не буду! Мы ему отплатим, но... но... все-таки как-то страшновато, дядя. Ну, капельку совсем.

Регент гипнотизировал Леопольда немигающим взглядом.

— Страшновато? Почему? Чего ты боишься, ты, молодой ид... — и запнулся.

— Понимаете, дяденька, мне кажется, что в нападении на Академию

есть что-то вроде... богохульства, Я хочу сказать...

— Ну! Продолжай!

Леопольд жутко смутился, но продолжал:

— Я хочу сказать, что, если Галактический Дух действительно существует, ему это может... не очень понравиться. А вам так не кажется?

— Нет, не кажется! — отрезал Винис. Он сел в кресло и хитро улыбнулся. — Значит, и тебе заморочили голову этим Галактическим Духом? Вот они плоды свободного воспитания... Все ясно — Верисова наслушался.

— Но... он многое объясняет...

— О Галактическом Духе?

— Да.

— Знаешь, что я тебе скажу, глупое ты дитя... Он верит в эту ерунду не больше, чем я. А я в нее не верю ни капельки. Сколько раз повторять, что все это — дурацкая болтовня!

— Да-да, я знаю... Но Верисов говорит...

— К черту Верисова! Это все бредни, чушь собачья! Наступила короткая, напряженная пауза, потом Леопольд осторожно сказал:

— Но ведь... все верят, дядя! Все верят в то, что рассказывают о великом пророке Гэри Селдоне и как он основал Академию, чтобы в один прекрасный день снова настал Рай Земной, и что все, кто не повинуются его заповедям, исчезнут навеки. Все верят в это! Я бывал на празднествах, и я... уверен, что это так!

— Они! Они верят, но мы-то — нет! Мы — ты и я! И ты должен радоваться, что мы не верим. Ведь благодаря этому всеобщему помешательству ты — не просто король, а король милостью Божьей! Поэтому нам не грозят никакие бунты и обеспечено беспрекословное подчинение. И поэтому, Леопольд, именно тебе нужно будет объявить войну Академии. Я — всего лишь регент и простой смертный. Ты — король, а для народа — полубог!

— Но... у меня есть подозрение, что на самом деле... это не совсем так, — с опаской глядя на дядю, заметил Леопольд.

— На самом деле — нет, — согласился Винис, улыбаясь. — А для народа — да! Для всех, кроме этих скотов из Академии. Когда они будут стерты с лица Галактики, ты действительно станешь полубогом для всех. И никто не осмелится этого отрицать. Подумай об этом. Подумай хорошенько!

— Тогда мы сможем сами, — восхищенно воскликнул Леопольд, — управлять великими святыми ящиками в Храме и кораблями, которые

летают сами по себе, и овладеем Святой Пищей, которая излечивает рак и все другие болезни?! А Верисов говорил, что только просвещенные Галактическим Духом могут...

— Опять Верисов!! Помни. Леопольд, что Верисов вместе с Сальвором Гардином — твои заклятые враги! Держись за меня, мой мальчик, а их не бойся! Вместе с тобой мы воскресим Империю! Не только королевство Анакреон, а всю Империю, в которой миллиарды солнц! Не лучше ли это будет, чем пресловутый Рай Земной?

— Д-да...

— Может Верисов обещать больше?

— Н-нет...

— Ну и славно.

В голосе Виниса снова появились командные нотки.

— Значит, решено. Иди к себе, Леопольд, Я спущусь попозже. Да... вот еще что, Леопольд...

Юный король обернулся с порога. Винис улыбнулся. Но глаза его — нет.

— Будь осторожен на охоте, мой мальчик. Со дня гибели твоего отца меня не покидают дурные предчувствия. Знаешь, когда воздух кишит стрелами, ни за что нельзя ручаться. Я очень надеюсь, что ты будешь осторожен. Насчет Академии мы договорились?

Леопольд отвел взгляд в сторону.

— Да, конечно...

— Хорошо!

Винис посмотрел племяннику вслед и вернулся к столу.

А Леопольд ушел к себе в совершенно расстроенных чувствах.

«Может быть, — думал он, — и будет лучше, если мы победим Академию и заполучим власть, о которой говорил дядя. Но потом, когда война закончится, и я воссяду на трон...»

Тут его, как ножом, резанула мысль — ближайшими наследниками престола являются не кто иные, как Винис и двое его взрослых сыновей...

Но пока королем был он, Леопольд. А короли могут отдать приказ казнить кого угодно. Даже дядюшек и кузенов.

Вслед за Сермаком наиболее активным участником Диссидентского движения на Терминусе был Льюис Борт. Движение сформировало новую партию, она была названа партией Действия. Однако в составе депутации полгода назад у Сальвора Гардина Борта не было. Это произошло не потому, что его деятельность недооценивалась сподвижниками. Совсем наоборот. Он отсутствовал по вполне понятной причине — был тогда на главной планете Анакреона.

Он прибыл туда как частное лицо. Не посещал никого из представителей власти, чего-либо привлекающего внимание не делал. Просто заглядывал в потайные уголки столицы и совал свой длинный любопытный нос во все щели.

Он вернулся на Терминус на закате короткого зимнего дня, занявшегося в тучах и шедшего в пелене снега к концу. Уже через час после прибытия Борт сидел за восьмиугольным столом дома у Сермака.

Увы, то, что он сообщил собравшимся, не смогло развеять гнетущую атмосферу собрания, усугубленную тяжелым снегопадом за окном.

— Боюсь, — начал он угрюмо, — что наше положение в данный момент можно определить таким мелодраматическим словосочетанием, как «пропащее дело».

— Ты действительно так думаешь? — не менее угрюмо спросил Сермак.

— Это даже не мнение, Сермак. Просто по-другому не скажешь.

— Всеобщее вооружение, — начал было Докор Вальто официальным тоном, но Борт туг же прервал его:

— Да забудь об этом! Старая песня!

Взгляд его скользнул по лицам присутствующих.

— Я говорю не о ком-нибудь, а о народе Анакреона. Признаюсь, у меня была идея дворцового переворота. В том или ином виде, для того, чтобы королем Анакреона стал кто-нибудь более устраивающий Академию. Неплохая была идея. Она и сейчас недурна. У нее единственное слабое место. Она неосуществима. Великий Сальвор Гардин все предусмотрел.

Сермак с кислой миной выговорил:

— И все-таки, если бы ты сообщил нам детали, Борт, было бы лучше...

— Детали! Нету их! Все не так-то просто! Вся ситуация на Анакреоне,

будь она проклята! А все — та религия, которую там насадила Академия. Она делает свое дело!

— Ну?

— Нужно видеть своими глазами, как это выглядит, чтобы оценить обстановку. Здесь, у нас, мы видим что? Только крупную школу, которая готовит священников, да иногда — особые празднества, устраиваемые для приезжих. А там...

Он откашлялся. Лем Тарки провел пальцем по узким усикам и спросил, глядя в потолок:

— Что же это за религия? Гардин всегда говорил, что это просто обман, рассчитанный на то, чтобы они принимали нашу науку и не задавались лишними вопросами. Помнишь, Сермак, он как-то сказал...

— Объяснения Гардина, — ответил Сермак, — не выдерживают даже поверхностной критики. Так что это за религия, Борт?

— С этической стороны ни к чему не подкопаешься. Немногим отличается от философских течений старой Империи. Высокие моральные принципы и всякое такое. Она оказала мощнейшее влияние на ход истории, и...

— Это мы знаем, — нетерпеливо прервал его Сермак. — Ближе к делу.

— Ну так вот... — Борт смутился, но виду не подал. — Религия, которую Академия выдумала и насадила, построена на жестких авторитарных началах. Священники — единственные, кто обладает правом доступа к научным приборам, которые мы передали Анакреону. Но обращаются с ними чисто эмпирически. Они сами верят во все безоговорочно, к примеру — в духовную природу сил, которыми управляют. Кстати, пару месяцев назад какой-то идиот вздумал пошалить на атомной станции в Тессаликийском Храме. Взорвалось пять городских кварталов. И что же вы думаете? Это было воспринято как Божья кара всеми, не исключая и священников.

— Я припоминаю. Что-то такое промелькнуло в газетах. Но я пока не понимаю, куда ты клонишь.

— Ну так послушайте, — твердо продолжил Борт. — Священники формируют иерархию, во главе которой стоит король — полубог. Он — абсолютный монарх милостью Божьей, и народ безоговорочно верит в это. И священники тоже. Свергнуть такого короля невозможно. Понятно теперь?

— Подожди, — вмешался Вальто. — Что ты имел в виду, говоря, что все устроил Гардин? Он-то здесь при чем?

Борт печально посмотрел на собеседника.

— Академия целиком и полностью приветствовала эту кампанию. Мы весь свой научный потенциал вложили в постановку сей клоунады. На каждом празднестве король восседает на троне, окруженный радиоактивной аурой. Над его тупой головой она сияет как корона. Любой, кто попытается прикоснуться к нему, рискует получить тяжелые ожоги. В самые торжественные моменты трон летает по воздуху, что, конечно же, связано с проявлением силы Галактического Духа. По царственному взмаху руки в Храме зажигается свет. И такие фокусы-покусы можно перечислять без конца. И все это мы делаем для него. Но верят и священники, которые своими руками творят эти чудеса.

— Плохо, — буркнул Сермак, кусая губы.

— Плохо? Да мне хотелось выть от злости! — воскликнул Борт. — Я все время думал о том, как глупо мы упустили свой шанс! Вспомните только, как тридцать лет назад Гардин спас Академию от Анакреона. В то время анакреонские обыватели не подозревали, что Империя разваливается. Они худо-бедно сводили концы с концами после Зеонского бунта. И даже тогда, когда все каналы связи оборвались, они еще не догадывались о том, что Империи — конец!

Если бы Императору хватило сил, он снова мог бы победить их с помощью крейсеров, опираясь на восстание внутри страны, которое неизбежно вспыхнуло бы. И мы могли бы сделать то же самое! Так нет же! Гардин установил там абсолютную монархию. Почему? Почему? Почему?!!

— А что там делает Верисов? — неожиданно поинтересовался молчавший до сих пор Джейм Орси. — Было время, когда он был членом нашей партии. Чем он теперь занимается? Он что, слепой?

— Не знаю, — пожал плечами Борт. — Для них он — верховный священник. Насколько мне известно, он только консультирует остальных священников по техническим вопросам. Но — главная фигура, черт бы его побрал, главная фигура!

Наступило напряженное молчание. Взгляды всех присутствовавших обратились к Сермаку. Молодой лидер партии нервно грыз ногти и вдруг четко выговорил:

— Дело плохо. Что-то тут не так!

Он огляделся по сторонам и добавил:

— Что же, Гардин такой балбес?

— Получается, что так, — отозвался Борт.

— Не может быть! Что-то не так. Что же, мы все это время зря глотки драли? Значит, мы еще глупее Гардина? В то, что глуп он, я никогда не

поверю. Что-то тут есть... С одной стороны — создать религию, которая сводит к нулю всякую возможность переворота. С другой — вооружить Анакреон до зубов. Непонятно.

— Да, дело странное, — согласился Борт. — Но таковы факты.

— Государственная измена! Они ему платят! — выпалил Вальто.

Сермак замотал головой:

— Нет. Не принимаю. Скажи-ка мне, Борт, слышал ли ты там что-нибудь о военном крейсере, который Академия якобы ремонтирует для Анакреонского флота?

— О военном крейсере?

— Да, о старом имперском корабле.

— Нет, не слышал. Но это не так важно. Порты военного флота — религиозные святыни, абсолютно недоступные для простых смертных. И вообще, о делах флота там не принято распространяться.

— А тут как раз слухи ползут. Кое-кто из наших пытались поднять этот вопрос в Совете. Гардин не отрицал, заметь. Его представитель просто пожурил тех, кто распускает слухи, и все. По-моему, в этом что-то есть.

— Может быть. Но это — всего лишь часть целого, — покачал головой Борт. — Если это правда, это — полное безумие. Но... не более, чем все остальное.

— Я полагаю, — сказал Орси, — что у Гардина нет в запасе никакого засекреченного оружия. Это означает...

— Да, — резко оборвал его Сермак. — Это означает вот что: если бы это было так, старый Винис уже корчился бы в предсмертных судорогах. Конечно, никакого оружия нет.

— Следовательно, — поспешно продолжил свою мысль Орси, — это вопрос времени. Сколько его у нас, Борт?

— И в этом-то все дело. Но у меня спрашивать нечего. Я не знаю. В анакреонских газетах — ни слова об Академии. В последнее время там пишут только о предстоящих торжествах: на следующей неделе — совершеннолетие Леопольда.

— Ну, значит, несколько месяцев у нас есть, — впервые за все время улыбнулся Вальто. — Можно успеть.

— Успеть! О Боже, — простонал Борт. — Король — Бог, говорю я вам! Вы думаете, ему в голову придет начинать кампанию по пропаганде агрессии? Вы думаете, ему нужно будет убеждать народ в наших злодейских намерениях? Нет! Когда настанет время, Леопольд отдаст приказ, и война начнется!

— Вот так. В этом весь ужас. Он может отдать приказ и завтра, а нам

останется только умыть руки.

Тут все заговорили разом. Сермак призывал собравшихся к порядку, но открылась дверь и вбежал Леви Норст. Пальто его было в снегу.

— Посмотрите! Нет, вы только посмотрите! — и он бросил на стол мокрую от снега газету. — И по всем каналам телевидения то же самое!

Пять голов склонились над газетой.

Первым заговорил Сермак. Он охрип от волнения.

— Господи! Он летит на Анакреон! На Анакреон!

— Измена... — прошептал Тарки. — Разрази меня гром, если Вальто не прав. Он продал нас и теперь едет собирать урожай.

Сермак встал.

— У нас нет другого выбора. Завтра я потребую в Совете, чтобы Гардин был смещен. Если и это не удастся...

Снег уже перестал идти, но земля была покрыта толстым его слоем, и автомобиль с трудом продвигался по пустынным улицам. Призрачный, сумеречный свет начинающегося дня был холоден не только в поэтическом смысле, и, несмотря на бурные события, никто — ни люди из «Действия», ни сторонники Гардина, не вышел на улицы Терминуса с лозунгами и транспарантами.

Ион Ли по обыкновению был недоволен и выражал свои мысли вслух.

— Дела плохи, Гардин. Они собираются вас скинуть.

— Пусть попробуют. Я лечу на Анакреон и хочу, чтобы все закончилось хорошо. Вот и все, Ли.

Гардин поудобнее устроился на мягком сиденье. Его слегка знобило. В машине было тепло, но весь город был так выстужен, что казалось, холод проник и в машину...

Он задумчиво проговорил:

— Когда-нибудь, когда у нас дойдут до этого руки, нужно будет оборудовать Терминус климатическим кондиционированием. Это вполне возможно.

— Я бы предпочел, — угрюмо отозвался Ли, — чтобы для начала было сделано кое-что другое. Я бы в первую очередь обеспечил климатическим кондиционированием Сермака. Посадил бы его в такую уютную сухую клеточку, в которой постоянно поддерживалась бы температура градусов 25 по Цельсию. Мне кажется, ему бы это очень подошло.

— Вот тогда-то мне действительно понадобились бы телохранители, — усмехнулся Гардин. — И не только эти двое. — Он указал на сидевших впереди, рядом с водителем, здоровяков, без всякого выражения на лицах смотревших вперед, положив лапищи на приклады бластеров. — Похоже, вы хотите гражданской войны.

— Я? В огонь брошено уже столько поленьев, что мне подбрасывать не придется, уверяю вас. Во-первых (он загнул большой палец на правой руке), Сермак вчера затеял свару в Совете и потребовал вашего досрочного переизбрания.

— У него было на то полное право. Если я не ошибаюсь, против было 206, а за — 184.

— Да, преимущество в 22 голоса, в то время как мы рассчитывали на шестьдесят минимум. Не отрицайте, ведь рассчитывали?

— Вроде бы, — согласился Гардин.

— Так. Во-вторых (он загнул указательный палец), после голосования пятьдесят членов партии Действия демонстративно покинули зал заседаний.

Гардин молчал. Ли загнул еще один палец.

— И в-третьих, прежде чем покинуть зал, Сермак крикнул, что вы — изменник, что вы отправляетесь на Анакреон за тридцатью сребрениками, что преимущество в голосовании обеспечили пособники измены и что название их партии еще скажет само за себя. О чем это говорит?

— Ну... о возможных неприятностях, видно?

— И в такой момент вы удираете на рассвете, как преступник! А надо бы встретиться с ними открыто, лицом к лицу, Гардин, и если это произойдет, объявите военное положение, заклинаю вас!

— Насилие — последний козырь...

— ...дилетантов. Ерунда!

— Ладно, Ли. Не горячитесь. Посмотрим. А теперь слушайте меня внимательно. Тридцать лет назад открылся Склеп, и в пятидесятую годовщину со дня основания Академии появился образ Гэри Селдона, чтобы открыть нам глаза на происходящее.

— Помню, — кивнул Ли, улыбаясь, — в тот день мы совершили государственный переворот.

— Верно. Тогда произошел первый кризис. Сейчас назревает второй. Через три недели — восьмидесятилетие основания Академии. Вы не улавливаете никакой связи?

— Хотите сказать, что он снова появится?

— Подождите, я еще не закончил. Селдон ни слова не сказал о том, появится ли он еще раз, но это как раз вполне согласуется с его Планом. Он все время старался удержать нас от попыток любых предвидений. Нельзя также с уверенностью сказать, предусмотрены ли в механизме часов Склепа последующие открытия. Думаю, если бы мы вздумали там покопаться, то просто сломали бы часы. Каждую годовщину с того самого дня я бывал там, просто так — на всякий случай. Он ни разу не появился. Но именно сейчас, впервые, наступил настоящий кризис.

— Значит, он появится.

— Может быть. Не знаю. Однако дело именно в этом. На сегодняшнем заседании Совета, сразу же после того как будет объявлено, что я отбыл на Анакреон, сообщите о том, что четырнадцатого марта произойдет второе пришествие Гэри Селдона и он сообщит нам известие величайшей важности относительно успешного преодоления второго кризиса. Это

очень важно, Ли. Больше ничего не добавляйте, какие бы вопросы вам ни задавали.

Ли удивленно уставился на Гардина.

— А мне поверят?

— Неважно. Если удастся привести их в замешательство, это то, что нам нужно. Пусть гадают, правда это или нет. На время они затихнут. До четырнадцатого марта. А я вернусь гораздо раньше.

Слова Гардина, кажется, не очень убедили Ли.

— Но... что касается «успешного преодоления» — это же чушь какая-то!

— Это беспроегрешная чушь. А вот и космопорт.

Ожидавший Гардина звездолет тускло поблескивал в сумерках. Гардин пробрался сквозь сугробы к кораблю. У открытого люка он обернулся к Ли и поднял руку, прощаясь.

— Счастливо, Ли. Безумно жаль оставлять вас на горячей сковородке, но больше дела доверить некому. Держитесь подальше от огня.

— Не волнуйтесь, Гардин. Сковородка горяча и так. Я сделаю все, как вы сказали.

Гардин отступил. Люк за ним закрылся.

На главную планету королевства Анакреон Гардин прибыл за день до коронации Леопольда. А до этого успел посетить восемь крупнейших звездных систем Анакреона, чтобы переговорить с местными представителями Академии.

Обширность королевства произвела на него угнетающее впечатление. Конечно, по сравнению с масштабами Галактической Империи, частью которой был когда-то Анакреон, королевство было крошечной точкой на карте. Но для того, кто всю свою жизнь прожил на одной-единственной планете, территория Анакреона и его население казались громадными.

Границы древней префектуры Анакреон включали в себя двадцать пять звездных систем, в шести из которых насчитывалось несколько обитаемых миров. Население составляло девятнадцать миллиардов. Во времена расцвета Империи оно было значительно больше, зато теперь, в условиях массового внедрения научных достижений Академии, рост численности ускорился.

Только теперь Гардин по-настоящему осознал грандиозность стоящей перед ним задачи. Ведь за тридцать лет был завоеван только главный из населенных миров Анакреона. Отдаленные провинции до сих пор имели колоссальные территории, где еще не была реставрирована атомная энергетика.

...Когда Гардин прибыл на столичную планету Анакреона, здесь все было спокойно. В дальних провинциях подготовка к коронации проходила шумно, с помпой, а тут, казалось, никто не проявлял особого усердия в приготовлениях к близящемуся празднеству.

Только Верисов разрывался на части. Гардину удалось лишь полчаса побеседовать с ним. Но разговор оказался исключительно плодотворным, и Гардин ожидал ночного торжества в наилучшем расположении духа.

Он старался вести себя как посторонний наблюдатель. Если бы его инкогнито было раскрыто, его тут же втянули бы в религиозные приготовления, а его это совсем не устраивало. Поэтому, когда бальный зал дворца наполнился блестящей толпой высочайших особ королевства, он тихо и незаметно разместился у стены, где на него никто или почти никто не обращал внимания.

Он был представлен Леопольду в бесконечном ряду гостей с безопасного расстояния — будущий король стоял в полном одиночестве и

величии, окруженный смертельным сиянием радиоактивной ауры. Менее чем через час Леопольд должен был воссесть на колоссальных размеров трон из радий-иридиевого сплава, украшенный золотом и бриллиантами. Затем трон оторвется от пола и зависнет в воздухе перед громадным окном, в котором собравшиеся внизу толпы простонародья увидят своего божественного монарха, визжа от восторга и падая от счастья без чувств. Трон, конечно, мог бы и не быть таким громадным, если бы в него не был вмонтирован атомный двигатель...

Половина одиннадцатого... Гардин приподнялся на цыпочки, чтобы лучше видеть. Хотел даже встать на стул. И заметил, что к нему сквозь толпу вельмож пробирается Винис. Гардин облегченно вздохнул.

Винис шел медленно. Он то и дело останавливался, чтобы сказать пару вежливых слов тому или другому вельможе, чей дед в свое время помогал деду Леопольда в захвате власти, за что все они получили титулы герцогов и князей.

Наконец он раскланялся с последним сановником и подошел к Гардину. Губы его изобразили подобие улыбки, но глаза светились недобрый светом из-под косматых бровей...

— Милый Гардин, — вкрадчиво проговорил он, — вы, вероятно, опасались, что вам будут надоедать, если ваше инкогнито будет раскрыто?

— Мне трудно надоесть, Ваше Высочество, — с легким поклоном ответил Гардин. — Но здесь очень интересно. У нас на Терминусе таких зрелищ не бывает, вы же знаете.

— О да! Не желаете ли пройти в мои покои, где мы могли бы побеседовать в более интимной обстановке?

— С удовольствием!

Рука об руку они сошли вниз по дворцовой лестнице. Не одна герцогиня поднесла к глазам лорнет, чтобы удивленно и с любопытством рассмотреть буднично одетого незнакомца, которому оказывает такую честь великий князь.

— Локрийское вино, Гардин, — сказал Винис. — Из королевских погребов. Настоящее, двухсотлетней выдержки. Было заложено за двадцать лет до Зеонского бунта.

— Истинно королевский напиток, — согласился Гардин и поднял бокал. — За Леопольда I, короля Анакреона!

Они выпили, и Винис как бы невзначай заметил:

— А может, и за Императора Периферии, а может, и поболее того, кто знает? Ведь настанет же когда-нибудь светлый праздник объединения Галактики!

— Несомненно. И, естественно, под эгидой Анакреона?

— А почему бы и нет? С помощью Академии ваше превосходство в Периферии станет очевидным!

Гардин поставил на столик пустой бокал и сказал:

— О да, конечно, если исключить одну малость: Академия призвана оказывать помощь любой нации, которая в ней нуждается. Высокие идеалы, которыми руководствуется наше правительство, и грандиозная моральная цель, которую перед нами поставил наш основатель Гэри Селдон, не позволяют нам иметь фаворитов. Тут ничего не поделаешь, Ваше Высочество.

Рот Виниса расплылся в улыбке.

— Как говорят в народе — «на Галактический Дух надейся, а сам не плошай». Я хорошо понимаю, Гардин, что по своей воле Академия вообще бы никому не помогала.

— Я бы не стал так говорить. Мы же ремонтируем для вас имперский крейсер, хотя наш Навигационный Совет очень настаивал на том, чтобы крейсер был передан ему для научных исследований.

— «Для научных исследований», — саркастически проговорил Винис. — Как же! Да вы ни за какие коврижки не стали бы его ремонтировать, если бы я не угрожал вам войной!

Гардин пожал плечами:

— Ну, не знаю...

— Зато я знаю! Эта угроза существовала всегда!

— И теперь существует?

— Теперь об угрозах рассуждать слишком поздно. Винис быстро взглянул на настольные часы.

— Послушайте, Гардин. Вы ведь уже были однажды на Анакреоне. Вы тогда были молоды. Мы оба были молоды тогда. Но уже тогда смотрели на мир по-разному. Вы ведь из тех, кого называют пацифистами?

— Как будто, да. По крайней мере, я считаю насилие крайне неэкономичным способом достижения цели. Всегда найдутся лучшие варианты, хотя путь к цели может оказаться не таким прямым.

— Ясно. Слышал я ваш знаменитый афоризм: «Насилие — последний козырь дилетантов». Однако... (регент повернул голову к двери и прислушался) я не склонен считать себя таким уж дилетантом.

Гардин вежливо кивнул.

— И, несмотря на это, — продолжал Винис, — я всегда был сторонником прямого действия. Я всегда верил в то, что надо проложить прямой путь к цели и идти по этому пути. И многого достиг. И достигну

большого.

— Я понял вас, — прервал его Гардин. — Полагаю, что именно один из таких прямых путей вы прокладываете для себя и своих сыновей. Путь, который ведет прямехонько к трону, если вспомнить о недавней скоропостижной и безвременной кончине отца короля — вашего старшего брата и если учесть, что здоровье молодого короля внушает серьезные опасения. А оно внушает опасения, не так ли?

Винис нахмурился, голос его утратил мягкость и вкрадчивость.

— Я бы посоветовал вам, Гардин, не касаться определенных тем.

Вы, конечно, можете считать, что у вас есть некоторые привилегии как у мэра Терминуса... и что вы можете себе позволять... опрометчивые заявления, но, если вы себе это и позволяете, прошу вас иметь в виду, что я не из тех, кого можно запугать словами. Моя жизненная философия всегда основывалась на том, что трудности исчезают, когда встречаешь их лицом к лицу, в открытом бою. И я не отворачивался ни разу.

— Не сомневаюсь, и от чего же вы не хотите отвернуться сейчас?

— От трудности заставить Академию сотрудничать с нами! Ваша мирная политика, если хотите знать, привела к тому, что вы совершили ряд серьезных ошибок. Именно потому, что недооценили прямого противника. Никто так не боится прямого действия, как вы.

— Например? — поинтересовался Гардин.

— Например, — вы прибыли на Анакреон без телохранителей и проследовали в мои покои.

Гардин удивленно огляделся по сторонам.

— Ну и что?

— Да ничего, конечно, — ответил регент, ухмыляясь, — кроме того, что за дверью пять гвардейцев, неплохо вооруженных и готовых стрелять по первому приказу. Не думаю, что вам удастся уйти, Гардин.

Гардин поудобнее устроился в кресле.

— А я пока и не собираюсь. А что, вы меня так боитесь?

— Я вас не боюсь! Просто хотел убедить вас в своих намерениях. А вы называйте это, как хотите.

— Нет уж, это вы называйте, как хотите, — безразлично отозвался Гардин. — Зачем мне квалифицировать ваши действия?

— А я думаю, что скоро вы измените мнение. Кстати, вы совершили еще одну крупную ошибку, Гардин. Насколько мне известно, планета Терминус практически беззащитна?

— Естественно. Кого нам бояться? Мы никому не угрожаем и со всеми поддерживаем ровные отношения.

— Вот именно. И, оставаясь беззащитными, вы милостиво позволили нам прекрасно вооружиться. В особенности вы помогли нам с флотом. Он у нас благодаря вам колоссальный. А учитывая ваш замечательный подарок в виде имперского крейсера, наш флот стал непобедим!

— Ваше Высочество, вы напрасно теряете время и красноречие. Если вы собираетесь объявить войну и хотите сообщить мне это, позвольте мне связаться с моим правительством.

— Сядьте, Гардин! Я не объявляю войну, а вы не будете связываться со своим правительством. Когда война начнется, Академия будет об этом извещена разрывами ядерных снарядов, пущенных с анакреонского флота под командованием моего сына. Он будет на флагманском корабле — на крейсере «Винис»!

Гардин нахмурился:

— И когда это произойдет?

— Ну если вам так интересно — флот покинул Анакреон ровно пятьдесят минут назад, в одиннадцать. А первый удар будет нанесен, как только они подлетят к Терминусу, то есть завтра в полдень. А вы можете считать себя военным пленником.

— А кем же еще? — хмуро отозвался Гардин. — Однако... я разочарован.

Винис злорадно хихикнул:

— Только-то?

— Да. Я-то думал, что наилучшим моментом для старта вашего флота будет полночь — время коронации. А вы, оказывается, решили начать войну, пока вы еще регент... В первом случае все сложилось бы более драматично.

Регент подозрительно уставился на Гардина.

— О чем это вы, черт бы вас подрал?

— Не понимаете? — улыбнулся Гардин. — Мой контрудар назначен на полночь.

Винис вскочил и, брызгая слюной, заорал:

— Лжете! Не может быть никакого контрудара! Если вы рассчитываете на поддержку других королевств, можете о ней забыть! Их флот, собери вы его весь вместе, не сравнится с нашим!

— Конечно. Только я стрелять не собираюсь. Просто неделю назад там, где надо, было брошено словечко-другое о том, что сегодня в полночь Анакреон будет объявлен вне закона.

— Вне закона?!

— Да. Если не понятно, объясню. Все священники на Анакреоне

объявят забастовку, если я не отменю приказ. А я не смогу его отменить до тех пор, пока вы задерживаете меня. Да и не стал бы отменять, даже если бы вы меня отпустили!

Он наклонился вперед и отчетливо произнес:

— Отдаете ли вы себе отчет в том, Ваше Высочество, что нападение на Академию — святотатство?

Винис изо всех сил старался сохранять спокойствие.

— Мне таких вещей лучше не говорить. Приберегите это для толпы.

— А для кого бы вы думали, я это приберегаю? Видите ли, Ваше Высочество, последние полчаса во всех храмах Анакреона толпы народа слушают, развесив уши, что говорят им священники! Сейчас на Анакреоне нет простого смертного, который не узнал бы, что его правительство предприняло злобную, ничем не спровоцированную атаку на Терминус — центр их религии. А до полуночи — всего четыре минуты. Так что спускайтесь-ка в зал и смотрите, что будет. А мне тут будет очень спокойно под охраной ваших гвардейцев.

Гардин откинулся в кресле, налил себе еще бокал локрийского и безразлично уставился в потолок.

Винис разразился потоком проклятий и выбежал из своих покоев.

...В зале воцарилась тишина. Придворные расступились, и к трону образовался широкий проход. Леопольд сидел, опустив руки на подлокотники трона, высоко подняв голову, с окаменевшим лицом. Громадные люстры освещали зал. В рассеянном свете маленьких атомных лампочек, которыми был усеян сводчатый потолок, королевская аура отважно сверкала над головой Леопольда, образуя лучистую корону.

Винис остановился на лестнице. На него никто не обратил внимания — взгляды всех были устремлены на трон. Он до боли сжал кулаки и остался стоять, где стоял.

«Нет, — думал он, — Гардин не заставит меня сделать неверный шаг. Наврал, змей подколодный. Все идет, как надо!»

...Трон зашевелился. Бесшумно оторвался от пола и поплыл над подиумом, над ступенями и — на высоте шести футов от пола — к раскрытому настежь огромному окну.

Пробил колокол. Полночь... Трон застыл в воздухе перед окном. И вдруг... королевская аура погасла!

Мгновение король ничего не понимал. Потом лицо его удивленно скривилось. Без лучистой ауры оно стало обычным лицом болезненного, перепуганного подростка... Трон пошатнулся и грохнулся на пол! В ту же секунду во дворце погасли все огни.

В шуме перепуганных голосов раздался вопль Виниса:

— Принесите факелы! Факелы сюда!

Он метался в смешавшейся толпе сановников, пробираясь ко входу в зал. Оттуда в темноту рванулась королевская охрана.

Наконец в зал притащили факелы. Те самые, которые должны были гореть во время торжественной процессии по улицам города после коронации.

Зал озарился призрачным светом разноцветных факелов — голубым, красным, зеленым. Жутковато выглядели перекошенные физиономии напуганных до смерти вельмож.

— Ничего страшного, господа! — кричал Винис. — Оставайтесь на местах! Сейчас дадут свет.

Он повернулся к капитану охраны, с напускным спокойствием ожидавшему распоряжений.

— В чем дело, капитан?

— Ваше Высочество, — последовал ответ, — дворец окружен жителями города.

— Что им нужно? — рявкнул Винис.

— Во главе толпы — священник. Это верховный владыка — Поль Верисов. Он требует немедленного освобождения Сальвора Гардина и прекращения войны против Академии.

Винис прорычал:

— Если кто-нибудь из них осмелится приблизиться к воротам дворца — стреляйте без предупреждения! Пока все! Пусть орут на здоровье! Завтра разберемся.

Факелы расставили вдоль стен, стало светже. Винис бросился к трону, все еще стоявшему у окна, и поднял на ноги бледного как мел Леопольда.

— Иди со мной!

Винис бросил взгляд за окно. Город покрыл мрак. Снизу доносились громкие крики разгневанной толпы. Только справа от дворца, в Аргolidском храме горел свет. Винис злобно застонал и поволок короля за собой.

...Толкнув дверь плечом, Винис ворвался в свои покои. За ним бочком вошел задыхающийся Леопольд.

— Гардин! — срывающимся голосом прокричал Винис. — Вы играете с силами, слишком опасными для вас!

Мэр не обратил на Виниса никакого внимания. Озаренный жемчужным сиянием карманного атомного фонарика, лежавшего рядом на столике, он все так же спокойно сидел в кресле и лукаво улыбался.

— Доброе утро, Ваше Величество, — обратился он к Леопольду. — Мои поздравления с вашей коронацией!

— Гардин! — гаркнул Винис и топнул ногой. — Прикажите вашим священникам вернуться к выполнению своих обязанностей!

— А вы сами прикажите, Винис! Вот тогда и увидите, кто с какими силами играет и для кого они опасны. Сейчас на Анакреоне не вертится ни одно колесо. Не горит ни один огонек — только в храмах. Из кранов не течет вода — только в храмах. Больницы не принимают больных. Электростанции закрылись. Корабли вернулись в порты. Если вам это не нравится, Винис, прикажите священникам вернуться к исполнению обязанностей. Мне, откровенно говоря, неохота это делать.

— И прикажу, Гардин, черт бы вас побрал! Играть в открытую так играть! Сегодня же ночью во всех храмах будет установлена военная охрана.

— Замечательно! А как вы собираетесь отдать приказ? Все линии связи на планете прерваны. Не работает ни радио, ни телевидение. Откровенно говоря, единственное функционирующее средство коммуникации — вот этот ваш телевизор, — я имею в виду, за пределами храмов. Но он работает только на прием.

Винис задыхался от ярости, а Гардин спокойно продолжил:

— Но, если желаете, можете отдать гвардейцам приказ войти в Арголидский храм, а затем свяжитесь по ультраволновой связи с остальными районами планеты. Но я очень опасаясь, что, если вы это сделаете, толпа просто разорвет гвардейцев на куски. А кто тогда будет охранять дворец? И вашу жизнь, Винис?

Винис прошипел:

— Мы продержимся, дьявол! Ночь продержимся. Пусть орет толпа, пусть гаснет свет, но мы продержимся! А когда поступит сообщение о том, что Академия захвачена, ваша драгоценная толпа убедится а том, каким мыльным пузырем была вся ваша религия! Тогда они отвернутся от ваших священников и восстанут против них! Я даю вам время до завтрашнего полудня, Гардин, потому что вы можете прекратить подачу энергии на Анакреоне, но вы не в силах остановить анакреонский флот!!

Он охрип от крика.

— Они на пути, Гардин, и с ними огромный крейсер, который вы лично распорядились отремонтировать!

Гардин, хитро улыбаясь, сказал:

— Вот именно — который я лично распорядился отремонтировать. Но — весьма и весьма специфически, заметьте... Скажите, Винис, вы когда-

нибуть слышали об ультраволновом реле? Вижу, что не слышали. Ну так вот: примерно через две минуты вы увидите его в действии.

Вдруг вспыхнул экран телевизора. Гардин добавил:

— Ах нет, простите, — через две секунды! Садитесь, Винис, смотрите и слушайте.

Тео Эйпорат был одним из самых высокопоставленных духовных персон Анакреона. Уже одного этого было достаточно для того, чтобы он смог занять высокий пост корабельного священника на флагманском крейсере «Винис».

Но дело было не только в этом. Он знал корабль. Он работал на его ремонте под руководством святых людей из самой Академии. Он выполнял их распоряжения. Изучил принцип работы двигателей, налаживал системы связи, заделывал пробоины в корпусе, восстанавливал переборки. Ему позволили помогать даже тогда, когда мудрые люди из Академии монтировали такое священное устройство, которого до сих пор не было ни на одном корабле, — ультраволновое реле!

И неудивительно, что у него щемило сердце, стоило ему подумать о том, какой цели послужит этот великолепный корабль! Он отказывался верить, когда Верисов рассказал ему об этом! Корабль должен был принять участие в величайшем злодеянии — его орудия будут повернуты против великой Академии! Против той Академии, где он учился в юности, против источника всеобщей благодати!

Теперь сомнений не было — то же самое он услышал от адмирала.

Но как же мог король, помазанник Божий, позволить свершиться этому святотатству! И знал ли он об этом? Может быть, это приказ злобного регента — Виниса, а король ничего не ведает? А сын Виниса пять минут назад сказал Тео: «Занимайтесь своими делами — спасением душ и благословениями. А кораблем займусь я».

Эйпорат хитро усмехнулся. Он-то займется. И еще как! И князь Лефкин очень скоро запросит пощады!

...Эйпорат зашел в центральный пункт связи. Его сопровождал младший священник. Двое офицеров, оказавшихся в зале, никоим образом не выразили неудовольствия. Главный корабельный священник имел право входить всюду.

— Закройте дверь, — приказал Эйпорат и взглянул на хронометр. Было без пяти двенадцать.

Быстрыми, отработанными движениями он нажал несколько клавиш на пульте. Теперь на всем протяжении корабля длиной в две мили был слышен его голос и виден он сам.

— Солдаты королевского флагманского корабля «Винис», внимание!

Говорит ваш корабельный священник! Ваш корабль, — чуть дрожащим от волнения голосом продолжал Тео, — втянут в святотатственное деяние, за которое душа каждого из вас может погибнуть безвозвратно в пучинах пространства! Слушайте! Ваш командир хочет повести этот корабль к Академии и превратить в руины этот источник нашей благодати! Это его приказ, и поэтому я во имя Галактического Духа лишаю его права командования! Он не может командовать там, где нарушена воля Галактического Духа! Даже сам болеественный король не может править без помощи Галактического Духа!

Младший священник, потрясенный до глубины души, внимал словам Тео. Двое офицеров в страхе застыли как статуи.

— И потому что этот корабль вовлечен в сатанинское злодеяние, от него отнимается благословение Галактического Духа!

Эйпорат торжественно воздел руки. У тысячи экранов по всему кораблю столпились солдаты и офицеры и слушали, что говорит корабельный священник.

— Во имя Галактического Духа и пророка его, Гэри Селдона, и его учеников, святых людей из Академии, я проклиная этот корабль! Пусть телевизоры — его глаза — ослепнут! Пусть атомные заряды — его руки — отсохнут! Пусть двигатели — его сердце — остановятся! Пусть вентиляционная система — его легкие — перестанут дышать! Пусть линии связи — его голос — замолчат! Пусть его освещение — его душа — погаснет! Так, во имя Галактического Духа, я проклиная этот корабль!

Когда Тео произнес последнее слово, пробило полночь. В Арголидском храме, на расстоянии многих световых лет от корабля, чья-то рука включила ультраволновое реле, и в тот же миг сработало ультраволновое реле на корабле.

И корабль умер!

Потому что главное свойство научной религии в том, что она практична, и проклятия, подобные произнесенным Эйпоратом, действительно смертельны!

Мрак объял все помещения крейсера. Затих шум гиператомных двигателей. Тео облегченно вздохнул и вытащил из потайного кармана сутаны маленький атомный фонарик, свет которого озарил зал призрачным сиянием...

Он взглянул свысока на офицеров, которые, хотя и были храбрыми мужчинами, упали на колени в смертельном ужасе и вопили:

— Спасите наши души, Ваше Преподобие! Мы — простые люди и не ведали о преступлениях наших начальников!

— Идите за мной, — строго приказал Эйпорат. — Для вас еще не все потеряно.

На корабле царили темнота и ужас. Солдаты окружили Эйпората, идущего в круге света, пытаясь коснуться его сутаны, и умоляли о пощаде. Он говорил только:

— Следуйте за мной!

Навстречу ему шел князь Лефкин.

Столкнувшись лицом к лицу со священником, адмирал смерил его ненавидящим взглядом.

— А-а-а! Вот вы где!

Лефкин унаследовал красивые голубые глаза матери, но, — увы, ему достались и крючковатый нос, и косоглазие отца.

— Каковы бы ни были мотивы ваших изменнических действий, я приказываю немедленно вернуть кораблю энергетическое обеспечение. Командир здесь я!

— Уже нет! — гордо ответил Эйпорат.

Лефкин огляделся вокруг.

— Взять этого человека! Арестовать его — или, клянусь, я вышвырну за борт всякого, кто меня сейчас слышит!

Никто не пошевелился.

— Ваш адмирал приказывает вам! Арестуйте его.

Никакого эффекта...

— Как же вы позволяете, чтобы вас дурачил этот шут, комедиант! Он обманщик, а Галактический Дух, о котором он разглагольствует, — плод его воображения, который...

Эйпорат гневно прервал его:

— Взять богохульника! Слушать его — значит, губить свои души!

Благородный адмирал тут же оказался в крепких руках своих солдат.

— Ведите его за мной!

Эйпорат повернулся и отправился в зал связи. За ним по коридорам, черным от толпы солдат, тащили упирающегося Лефкина. Войдя в зал, Эйпорат приказал подвести бывшего командира к единственному работавшему передатчику...

— Прикажите флоту изменить курс и приготовиться к возвращению на Анакреон!

Смещенный адмирал, истерзанный, полубезумный, повиновался.

— А теперь, — продолжал Эйпорат твердо и сурово, — мы на ультраволновой связи с Анакреоном. Повторяйте за мной слово в слово.

Лефкин замотал головой. Толпа, наполнившая зал и близлежащие

коридоры, дико взревела.

— Говорите! — крикнул Эйпорат. — Начали: «Анакреонский флот...»
Лефкин повторил...

В покоях Виниса стояла напряженная тишина, когда на экране возникло лицо князя Лефкина. Регент только охнул и застонал, когда увидел, как плачевно выглядит его сын и наследник...

Гардин смотрел на экран спокойно, положив ногу на ногу, а только что коронованный Леопольд, дрожа, забился в самый темный угол и судорожно закусил рукав своего раззолоченного одеяния. Даже солдаты, выйдя из обычного бесстрастия, с ужасом глядели на экран.

Лефкин говорил запинаясь, устало, то и дело делая паузы:

— Анакреонский флот... осознавая сущность своей миссии... и отказываясь участвовать... в невиданном злодеянии и святотатстве... возвращается на Анакреон... предъявляя следующий ультиматум... тем богохульникам и грешникам, которые осмелились применить силу... против Академии... источника всякой благодати... и против Галактического Духа... Требуем немедленно прекратить войну... против... истинной веры... и дать гарантии... которые бы устроили... военный флот, представляемый нашим священником... Тео Эйпоратом... чтобы такая война больше не повторилась... и чтобы... (тут возникла довольно долгая пауза) и чтобы... прежний регент... Винис... был заключен в тюрьму... и предстал перед церковным судом... за свои преступления... В противном случае... королевский флот... вернувшись на Анакреон... сровняет дворец с землей... и сделает все необходимое... для ликвидации гнезда грешников... и логова разрушителей...

Голос адмирала затих. Он отчаянно всхлипнул. Экран погас.

Пальцы Гардина быстро прикоснулись к корпусу атомного фонарика. Свет его постепенно пошел на убыль. И когда он совсем исчез, в наступившей темноте регент, король и солдаты стали черными теньями. А вокруг Гардина появилась аура!

Конечно, она не сверкала так торжественно, как былая аура короля, но была по-своему эффектна и куда более эффективна.

Гардин, с трудом скрывая иронию, обратился к Винису:

— Есть старая притча. Старая, как само человечество. Думаю, вам полезно будет послушать...

«У лошади был злейший враг — волк, который заставлял ее жить в постоянном страхе. Окончательно отчаявшись, она решила поискать сильного защитника, который помог бы ей избавиться от врага.

И отправилась она к человеку, и предложила ему заключить союз, потому что волк был врагом человека тоже. Человек тут же согласился и предложил немедленно убить волка, если только лошадь ему поможет. Лошадь с радостью согласилась и позволила человеку надеть на себя седло и уздечку. Человек вскочил на лошадь верхом, поскакал и — убил волка.

Лошадь на радостях поблагодарила человека и говорит: «Теперь, когда враг наш мертв, сними с меня седло и уздечку!» А человек громко рассмеялся и ответил: «Да что ты говоришь? Но, моя лошадка!» — и пришпорил ее хорошенько».

Стояла гробовая тишина. Тень Виниса не пошевелилась.

Гардин спокойно продолжал:

— Думаю, аналогия очевидна. Желая навечно закрепить за собой незыблемую власть над своими народами, правители Четырех Королевств приняли от нас научную религию, которая стала их седлом и уздечкой. Животворная сила атомной энергии сконцентрировалась в руках священников, которые выполняли наши приказы — наши, замечу, а не ваши. Вы убили волка, но не смогли избавиться от...

Винис как подброшенный вскочил с кресла. В темноте его глаза казались черными омутами безумия. Хриплым голосом он проговорил:

— Но ты в моих руках! Никуда не денешься. Ты погибнешь! Пусть нас поднимут на воздух! Пусть все взорвут! Но ты погибнешь! Я убью тебя! Солдаты, — заорал он, — стреляйте в дьявола! Огонь! Огонь!!!

Гардин обернулся и посмотрел на солдат, улыбаясь. Один из них поднял было бластер, но тут же опустил. Остальные даже не пошевелились. Сальвор Гардин, мэр Терминуса, окруженный мягким сиянием, дружелюбно улыбающийся, перед которым только что рассыпалась в прах мощь Анакреона, был слишком велик для них, несмотря на приказ трясущегося регента...

Винис выкрикнул проклятие и бросился к ближайшему солдату. Выхватил у него бластер, направил его на Гардина и нажал кнопку...

Бледный тонкий луч отразился от силового защитного поля, окружавшего Гардина, и, не причинив тому никакого вреда, нейтрализовался. Винис нажимал и нажимал кнопку, хохотал в истерике и заливался бессильными слезами.

А Гардин спокойно улыбался, а его защитное поле — его аура — светилось все сильнее, поскольку проглотило энергию луча бластера. Леопольд в своем углу закрыл глаза и тихо застонал...

Издав истошный вопль, Винис развернул бластер к себе и выстрелил...

Глядя на обезглавленную фигуру на полу, Гардин пробормотал:

— Да... Приверженец «прямого действия» до конца... Последний.

Склеп был переполнен.

Сальвор Гардин невольно сравнил эту толпу народа с той небольшой кучкой советников, которая собралась здесь во время «первого пришествия» Гэри Селдона, тридцать лет назад. Тогда их было всего лишь шестеро-пятеро старых энциклопедистов, из которых никто не дожил до сегодняшнего дня, и он сам, новоиспеченный мэр... В тот самый день он с помощью Йона Ли и его людей лишил власти старого догматика...

Теперь все было по-другому. Все члены Городского Совета ожидали появления Гэри Селдона. Гардин по-прежнему был мэром, но теперь он обладал всей полнотой власти. А после поражения Анакреона Гардин пользовался всеобщей популярностью и любовью. Когда он вернулся с Анакреона с известием о смерти Виниса и подписании нового соглашения с трясущимся от страха Леопольдом, его встретили с восторгом. Когда за этим последовало подписание соглашений с остальными королевствами — соглашений, которые охраняли Академию от любых попыток нападения, — радости не было конца! По всем улицам Терминуса прошли факельные шествия. Даже имя Гэри Селдона никогда не звучало так громко!

Губы Гардина дрогнули в улыбке. Да, начала такой популярности он добился тогда, тридцать лет назад...

В противоположном углу Склепа Зеф Сермак и Льюис Борт что-то оживленно обсуждали. Казалось, события последних дней на них не отразились никак. А ведь они голосовали за вотум доверия, публично покаялись в ранее произнесенных оскорблениях в адрес Гардина, оправдываясь и извиняясь... и тут же затеяли новую кампанию...

Йон Ли коснулся руки Гардина и многозначительно показал на часы.

Гардин поднял взгляд.

— Привет, Ли. Что это вы такой грустный? Теперь-то что не так?

— Он должен появиться через пять минут?

— Надеюсь. В прошлый раз он появился в полдень.

— А если не появится?

— Послушайте, Ли, вы, видимо, решили до конца моих дней мучить меня своими сомнениями. Не появится — значит, не появится!

Ли нахмурился и задумчиво покачал головой:

— Если все сорвется, у нас будут очередные неприятности. Если Селдон, так сказать, не одобрит наших действий, у Сермака руки будут

развязаны. Он хочет полной и бесповоротной аннексии Четырех Королевств и немедленной экспансии Академии, — если потребуется — с применением силы. Кампанию эту он уже разворачивает вовсю.

— Знаю. Пожиратель огня должен глотать факелы, даже если рискует сам сгореть... А вы, Ли, будете всегда сомневаться и переживать. А если причин для волнения не останется, вы их придумаете.

Ли собрался было ответить, но в эту секунду у него перехватило дыхание. Все огни постепенно погасли, и взгляды собравшихся устремились на большой стеклянный куб, занимавший половину Склепа. Ли глубоко вздохнул и опустился в кресло рядом с Гардином.

Гардин выпрямился, пристально глядя на фигуру человека, возникшую внутри куба. Там, в инвалидном кресле, сидел старик!

Из находившихся в Склепе только Гардин помнил день, когда это произошло впервые... Тогда он был молод... С тех пор Гардин здорово постарел, а старик в кубе не состарился ни на один день...

Он тихо сказал:

— Я — Гэри Селдон...

В Склепе стояла тишина... Гэри Селдон продолжал говорить, просто и непосредственно:

— Вот уже второй раз я появляюсь здесь. Конечно, я не могу знать, есть ли здесь сейчас кто-нибудь из тех, кто был в первый раз. Я не знаю даже, есть ли здесь кто-нибудь вообще. Но и это не так уж важно. Если второй кризис успешно преодолен, вы должны быть здесь. Если вас здесь нет, значит, — второй кризис вас сломал.

Он мягко улыбнулся:

— Но вряд ли, потому что мои расчеты показывают, что в первые восемьдесят лет выполнения Плана значительных отклонений от плана быть не должно. Вероятность — девяносто девять процентов.

Судя по нашим расчетам, сейчас вы достигли превосходства над варварскими королевствами — ближайшими соседями Академии. Если во время первого кризиса вы победили за счет баланса сил, то во время второго — духовной силой одолев физическую.

Однако должен предупредить вас. Не будьте слишком беспечны. Я не собираюсь открывать вам знания, являясь сюда призраком, но подскажу: то, чего вы добились сейчас, — не более чем новое равновесие. Но теперь ваше положение значительно лучше. И помните о том, что духовной мощи, которой было достаточно, чтобы отразить мощь физическую, мало для собственной агрессии. У вас расцветают регионализм и национализм, и духовная мощь не сможет продержаться долго. Думаю, не говорю вам

ничего такого, что может вас удивить.

И еще — вы должны простить меня за то, что мои объяснения несколько туманны. Я вынужден пользоваться приблизительными терминами, поскольку никто из вас не имеет образования, необходимого для понимания сути психоистории. Вот я и говорю так, чтобы вам было понятно.

Сейчас Академия находится в самом начале пути, ведущего к созданию новой Империи. Окружающие вас королевства по ресурсам еще сильнее вас. Даже — громадные, непроходимые дебри варварства. За поясом варварства находится то, что пока еще называется Империей. Она слаба и полуразрушена, но все же еще жизнеспособна.

Тут Гэри Селдон взял с невидимого столика книгу и открыл ее. Лицо его стало серьезным и торжественным.

— И не забывайте о том, что существует вторая Академия, основанная, как и ваша, восемьдесят лет назад. Академия на другом краю Галактики. Господа! Перед вами дорога длиной в девятьсот двадцать лет. Дерзайте!

Селдон опустил взгляд на книгу и исчез. Снова загорелся свет. Склеп наполнился шумом голосов. Ли склонился к уху Гардина и прошептал:

— А он не сказал, вернется ли еще. Гардин хмыкнул:

— Не сказал. Но я очень надеюсь, что ко времени его нового пришествия и вы, и я будем надежно упокоены в земле. Так-то, Ли!

Часть четвертая

Торговцы

Торговцы — ...постепенно политическую олигархию Академии возглавили Торговцы, которые оплели тонкими сетями маршрутов грандиозные просторы Периферии. Они покидали Терминус на долгие месяцы и годы. Их корабли зачастую были латаны-перелатаны собственноручно; честность в их среде оставляла желать лучшего, но бесстрашие а отвага...

...за счет всего вышеперечисленного им удалось создать собственную «Империю», более могущественную, чем псевдорелигиозные деспотии Четырех Королевств...

...ходит множество рассказов об этих одиноких и угрюмых великанах, которые полушутя-полусерьезно произносили свой лозунг, заимствованный из афоризмов Сальвора Гардина: «Никогда не позволяйте морали удерживать вас от правильных поступков»... Теперь трудно судить, какие из рассказов точны, а какие апокрифичны. Почти все в той или иной степени приукрашены...

Галактическая энциклопедия

Лиммар Пониетс стоял под душем, когда зазвучал сигнал вызова, — странно, но гипервизионная связь и горячий душ действовали на необъятных, пустынных просторах галактической Периферии...

К счастью, этот отсек корабля, не заполненный всевозможными грузами, был настолько миниатюрен, что душевая комната занимала кубик размером два на четыре фута и находилась всего в двух футах от пульта управления. Ласковый плеск воды прервало стрекочущее стаккато вызова...

Наспех стерев с лица мыльную пену, бормоча ругательства, Пониетс босиком прошлепал к пулту, отладил звук и изображение...

Не прошло и трех часов, и к его кораблю причалил другой торговый звездолет, и через стыковочный туннель вошел улыбающийся юноша.

Пониетс указал ему на свое лучшее кресло, а сам бочком пристроился в кресле пилота.

— Каким ветром вас занесло, Горм? — мрачно спросил он. — Вы что, всю дорогу от Академии тащились за мной?

Лес Горм закурил сигарету и отрицательно покачал головой.

— Делать мне нечего! Просто угораздило попасть на четвертую Глипты после прибытия почты. Вот меня и послали вдогонку за вами с этой штукой.

Он передал Пониетсу маленький блестящий шарик и добавил:

— Конфиденциально. Сверхсекретно. Нельзя передавать по субэфиру, и все такое прочее. В общем, это персональная капсула, и никто, кроме вас, ее не прочтет.

Пониетс грустно вертел в руке шарик.

— Вот так подарочек! Что-то я не припомню, чтобы персональная капсула хоть когда-нибудь приносила радостные известия...

Шарик раскрылся у него на ладони. Из него побежала тонкая ленточка. Он пробежал глазами сообщение — читать необходимо было как можно скорее, потому что, когда появлялся конец ленты, начало ее уже чернело и обугливалось. Еще через мгновение ленточка распалась на молекулы и испарилась.

— Черт подери, — огорченно проговорил Пониетс.

— Может, чем-нибудь помочь, — поинтересовался Горм, с любопытством глядя на Лиммара. — Или это действительно секрет?

— Да нет, вам-то как раз я могу сказать. Вы ведь член Гильдии... В общем, мне нужно лететь на Аскон.

— На Аскон? С какой стати?

— Они там торговца арестовали. Вот и весь секрет.

Горм был искренне возмущен.

— Арестовали? Но это же нарушение Конвенции!

— Угу. И вмешательство во внутреннюю политику.

— О! Так он на этом засыпался! А кто такой? Я его знаю?

— Нет! — резко отозвался Пониетс, и Горм понял, что больше вопросов задавать не стоит.

Пониетс встал, нажал на клавиши пульта и уставился на монитор. Ряд бесстрастных цифр, появившихся на экране, поверг его в бешенство... Он с ненавистью смотрел на экран и бормотал:

— Проклятье! В то время как у меня не выполнена квота по продаже! Мать твою...

Тут в глазах Горма вспыхнул огонек.

— Послушайте, дружище, Аскон-то — закрытая территория!

— То-то и оно! Что там, кроме перочинного ножика, продашь? Они упорно не желают приобретать никаких атомных устройств. А у меня квота наполовину не выполнена. Просто самоубийство туда лететь!

— А отвертеться нельзя?

Пониетс печально покачал головой.

— Дело — дрянь. Этот парень — мой друг, и я не могу бросить его в беде! Меня ведет рука Галактического Духа...

— Чего-чего? — прищурился Горм.

Пониетс взглянул на обескураженного Горма и сухо рассмеялся:

— Простите, отвлекся. Вы ведь не читали «Книгу Духа».

— Да я про такую и не слышал!

— Естественно. Ее читают те, кто обучаются в религиозных школах.

— А вы, что же...

— Увы, Горм. Это темное пятно в моей биографии и страшная тайна.

Но для Преподобных Отцов я оказался крепким орешком. Они меня выгнали, и мне ничего не оставалось, как получить светское образование в Академии. Ну ладно, это все, так сказать, лирика. А как у вас с квотой в этом году?

Горм погасил сигарету и напялил кепочку.

— Последний груз — и все.

— Счастливчик, — буркнул Пониетс.

Горм попрощался с ним и перешел на свой корабль, а Лиммар еще долго сидел, угрюмо глядя в одну точку...

Итак — Эскел Горов был на Асконе, и в тюрьме!

Скверные дела... Хуже, чем могло показаться на первый взгляд. Одно — рассказать об этом так, как Пониетс рассказал любопытному юнцу, чтобы тот поскорее отвязался. Другое — что все принимало серьезный оборот.

Лиммар Пониетс был одним из немногих, кто знал, что Старший Торговец Эскел Горов — вовсе не торговец, а агент Академии...

Прошло две недели. И все — впустую!

Неделю он потратил, добираясь до Аскона. На границе его встретили бдительные патрульные кораблики. Какова ни была асконская система слежения — она действовала, и неплохо...

Сохраняя дистанцию, патруль сопровождал его до центральной планеты Аскона.

Пониетс без особого труда узнал эти корабли. Прежние имперские реликвии. Но не военные звездолеты, а спортивные. Не имея на борту атомного оружия, они представляли собой разве что музейные экспонаты...

Еще неделя ушла на общение с бесчисленными чиновниками, которые, как многоголовый шлагбаум, перекрывали дорогу к Верховному Магистру. Перед всяким секретарем и советником нужно было расшаркиваться и раскланиваться. Каждого нужно было долго и нудно уговаривать, чтобы получить драгоценную подпись, открывавшую путь к следующему чинуше.

Впервые в жизни Пониетс почувствовал, как бесполезны здесь его торговые титулы...

И вот наконец он стоял перед дверью, ведущей в тронный зал. Прошло две недели. Горов сидел в тюрьме, а груз Пониетса бесполезно томился в трюмах корабля.

Верховный Магистр был небольшого роста, лысеющий. Лицо его избороздили глубокие морщины, тонкую шею украшал огромный, пышный меховой воротник. Казалось, тело Магистра подвешено к нему.

Он сделал знак рукой, цепочка вооруженных охранников разомкнулась. По образовавшемуся проходу Пониетс приблизился к трону.

— Молчи! — прошипел Верховный Магистр, хотя Пониетс не успел и рта открыть. — Вот так-то лучше! — обрадованно заявил Верховный Магистр. — Чего не выношу — так это бесполезной болтовни. Молчишь — и молчи. И не угрожай мне, и не пытайся льстить! И жаловаться не вздумай! Я уже счет потерял — сколько раз такие, как ты и твой дружок, пытались всучить моим людям адские машинки!

— Сир! — смиренно проговорил Пониетс. — Я не хочу оправдывать упомянутого торговца. У нас не принято лезть туда, где нас не ждут. Но Галактика велика, и бывали случаи, когда границы нарушались невольно. Это были досадные ошибки...

— Досадные... — проскрипел Великий Магистр, — Только вот

ошибки ли? А? Ваши люди с четвертой Глипты терроризируют меня просьбами о переговорах уже две недели, с того дня, когда мы посадили в тюрьму этого богохульника! Они мне и о твоём прибытии сообщили, не сомневайся. Что это, как не хорошо организованная кампания по спасению? Слишком продуманная для досадной ошибки!

Чёрные глазки асконского правителя метали молнии.

— А вы, торговцы, мечетесь между мирами как шальные и заинтересованы только в своих правах! У вас хватает наглости прилетать в центральную систему Аскона, а потом называть это невольным переходом границы, досадной ошибкой? Не морочьте мне голову, ладно?

Пониетс дрогнул, но виду не подал. Он так же смиренно произнес:

— Если попытка торговать совершена преднамеренно, Ваше Превосходительство, то это, безусловно, противоречит жестким правилам, установленным в нашей Гильдии.

— Противоречит, противоречит! И нашим правилам — тоже! Да так противоречит, что твой приятель скоро жизнью заплатит за это.

У Пониетса противно засосало под ложечкой. Казалось, выхода нет.

Он тихо проговорил:

— Сир, но смерть так абсолютна и бесповоротна, что, может быть, ей найдется какая-нибудь замена?

Наступила молчаливая пауза. Затем Верховный Магистр вкрадчиво поинтересовался:

— Я слышал, Академия очень богата?

— Да! К сожалению, вы постоянно отказываетесь от наших богатств! Наши атомные товары стоят...

— Да ничего они не стоят, ваши атомные товары. На них нет благословения наших предков. Они греховны и прокляты во веки веков.

Последняя фраза прозвучала как школьная формула... Морщинистые веки Верховного Магистра опустились на глаза.

— А больше ничего ценного у тебя нет?

Пониетс сделал вид, что намека не понял.

— А что бы вы хотели?

Асконец открыл глаза и пожал плечами:

— Хорошенькое дело! Кто торговец — ты или я? Что же ты у меня спрашиваешь, что мне нужно? Так не пойдет! Твоему драгоценному дружку грозит смерть за нарушение законов Аскона. Газовая камера. Мы, кстати, справедливый народ. Беднейший из крестьян не пострадал так, как твой друг. Я сам, окажись я, не дай бог, на его месте, пострадал бы не меньше.

Пониетс, потупив взор, безнадежно спросил:

— Сир! Не будет ли мне позволено переговорить с узником?

— Асконские законы, — холодно отозвался Верховный Магистр, — не разрешают свиданий со смертниками.

У Пониетса перехватило дыхание. Мгновение он собирался с духом и вдруг воскликнул:

— Ваше Превосходительство, я прошу вас проявить милость к душе человеческой в часы, когда тело его готовится к скорой гибели. Он лишен духовного окормления, и душа его в опасности. Он может уйти в мир иной неподготовленным.

Верховный Магистр медленно, подозрительно поинтересовался:

— Ты что... — исповедник?

Пониетс скромно потупился.

— Меня так учили, Ваше Превосходительство. В мрачных пучинах космоса странствующим торговцам нужны такие люди, как я, которые могли бы позаботиться о духовной стороне их жизни...

Асконский правитель задумчиво покачал головой:

— Да... человек должен подготовить свою душу к путешествию в страну предков... Вот уж не думал, не гадал, что торговцы — верующие! Дивны дела твои, Господи!

Эскел Горов пошевелился на нарах и приоткрыл один глаз. Дверь камеры резко скрипнула и тяжело открылась... Горов резко вскочил на ноги.

— Пониетс! Тебя послали!

— Совпадение обстоятельств, — печально ответил Пониетс. — Случайность или мой злой демон подшутил... Сначала ты попадаешь в беду на Асконе. Затем мой торговый маршрут, известный Совету по Торговле, пролегает в пятидесяти парсеках отсюда, когда случается то, что во-первых. В-третьих, мы раньше работали вместе, и Совету это известно. Ну разве не удачное стечение обстоятельств?

— Говори осторожнее, — тихо проговорил Горов. — Нас наверняка подслушивают. Или у тебя портативный отражатель?

Пониетс молча показал узорчатый металлический браслет, охватывающий запястье левой руки, и Горов успокоился.

Пониетс огляделся. Камера была чистая и просторная. Ничем дурным не пахло.

— Повезло. Похоже, с тобой тут неплохо обращаются.

Горов пропустил его слова мимо ушей.

— Ты мне вот что скажи. Как тебе удалось ко мне пробраться? Никого не допускают уже две недели!

— С того самого дня, значит, как я прибыл... Ну что тебе сказать? Представь себе, что этот общипанный воробей — здешний правитель — имеет кое-какие слабости. Он, видишь ли, обожает благочестивые речи. Глупо этим не воспользоваться! Как видишь, вышло. Ты думаешь, я кто? Не падай в обморок — я твой духовник. Удивительные люди — эти святоши! Понадобится, так он тебе лично глотку перережет, глазом не моргнув, но при этом искренне печется о твоей бестелесной, несуществующей душе. В общем, выражаясь по-научному, я применил методы эмпирической психологии. Хороший торговец должен знать обо всем понемногу.

Горов саркастически ухмыльнулся:

— Ясно. Ты же учился в богословской школе. Молодчина, Пониетс! Какая удача, что послали именно тебя! Но как-то мне не верится, что Верховный Магистр так уж переживает за мою душу. Наверняка он намекнул на выкуп?

Глаза торговца сузились.

— Да, намекнул, вскользь. Параллельно угрожая смертью в газовой камере. Я сделал хитрый ход и увернулся. Запросто мог попасть в ловушку. Неужели это всего лишь вымогательство? Вот те на! А что ему надо?

— Золота.

— Золота? — нахмурился Пониетс. — Что, сам металл? Зачем?

— У них золото — средство обмена.

— Вот как? А где же я его возьму?

— Где хочешь. Послушай, это очень важно. Если запахнет золотом и Верховный Магистр учует этот запах, со мной ничего не сделают. Пообещай ему столько, сколько он запросит. Потом отправляйся в Академию, на Терминус, если потребуется. Когда меня освободят, нас с почетом проводят из Аскона и мы благополучно разбежимся в разные стороны.

— Ага. А потом ты вернешься и попробуешь еще раз?

— Пониетс, иначе я не могу! Я обязан продать атомные устройства на Асконе.

— Да ты не успеешь и на парсек от Аскона отлететь. Ты не хуже меня представляешь последствия.

— Нет. Не понимаю, о чем ты? А и понимал бы — все равно ничего бы не изменилось.

— Будь уверен, в следующий раз тебя точно прикончат.

Горов пожал плечами.

Пониетс неожиданно спокойно проговорил:

— Знаешь, если мне еще раз выпадет переговорить с Верховным Магистром, было бы желательно знать всю подноготную. До сих пор я действовал вслепую. Но даже путем легких намеков мне удалось довести Его Превосходительство до нужной кондиции.

— Все предельно просто, — отозвался Горов. — Безопасность Академии здесь, на Периферии, может быть укреплена путем создания коммерческой империи с религиозным управлением. Мы все еще не достаточно сильны для того, чтобы вводить политический контроль. Хотя это возможно при поддержке Четырех Королевств.

Пониетс кивнул:

— Это понятно. А в системе, которая отказывается приобрести атомные приспособления, ни за что не поставишь под контроль религиозное правление.

— Вот именно! И такая система становится очагом напряженности.

— Ну ладно, — зевнул Пониетс. — Это все, так сказать, теория. Давай

ближе к делу. Что конкретно здесь мешает торговле? Религия? Я именно так и решил, когда препирался со старым козлом.

— У них тут культ предков. Они считают, что существовало первородное зло, от которого их спасли скромные и отважные герои — их предки. Сто лет назад имперские войска вышибли отсюда, и было установлено независимое правление. Развитая наука, а в особенности — атомная энергетика, — стала ассоциироваться с прежним, имперским, режимом, о котором они вспоминают с ужасом.

— Вот оно что! Однако... мне показалось, что от тех хорошеньких корабликов, которые сопровождали меня сюда от границы, сильно пахло атомными двигателями...

Горов хмыкнул:

— Эти корабли — имперские реликвии. Может, и с атомными двигателями. Они сохраняют то, чем владеют. Дело в другом, а именно в их нежелании пробовать новое. Вся асконская промышленность ориентирована не на атом. Вот это мы и должны изменить.

— И как же ты собираешься это сделать?

— Попытаюсь сломить сопротивление сначала в одной точке. Проще говоря, если бы мне удалось загнать хотя бы один перочинный нож с атомным лезвием местному аристократу, это значило бы заинтересовать его пронести в правительстве закон, позволивший бы этим ножиком пользоваться. Может, это выглядит чересчур примитивно, но с психологической точки зрения тут не подкопаешься. Для того чтобы осуществлять стратегическую торговлю в стратегических местах, нужно создать проатомную фракцию в правительстве.

— Ясненько... Стало быть, вот для какой высокой цели тебя послали, а я здесь торчу, чтобы заплатить за тебя выкуп и удрать во все лопатки, а ты снова продолжишь свое? А тебе не напоминает это змею, кусающую себя за хвост?

— В каком смысле?

— Послушай! — разгорячился Пониетс. — Ты ведь дипломат, а не торговец, и сколько бы ты себя торговцем ни называл, ты им не станешь! Тут дельце для того, кто смыслит в торговле. А у меня тут корабль с полными трюмами всякой всячины, которую я напрасно, выходит, тащил! И вдобавок квота по продаже у меня не выполнена!

— Ты... хочешь рискнуть жизнью из-за чужого дела?

Пониетс насмешливо произнес:

— А ты хочешь сказать, что тут, дескать, чувство патриотизма, и всякое такое? Торговцы, стало быть, патриотами быть не могут?

— Нет. Не могут. Первооткрыватели — не патриоты по определению.

— Ну и ладно. Я это учту. Естественно, у меня и в мыслях нет ничего вроде укрепления безопасности Академии. Мое дело — бизнес, и, похоже, у меня есть шанс. Ну а если я еще и Академии помощь окажу — тем лучше. А жизнью я рисковал и по более пустяковым поводам.

Пониетс встал, и Горов поднялся вслед за ним.

— Что ты собираешься делать? — встревоженно спросил он.

Торговец улыбнулся:

— Не знаю, Горов. Пока — не знаю. Но если все дело заключается в том, чтобы что-то продать, я тебе помогу. Я не жулик и еще ни разу в жизни не заканчивал торговый сезон с невыполненной квотой.

Дверь камеры тяжело открылась, как только Пониетс постучал, и по обеим сторонам ее встали охранники.

— Цирк, — презрительно буркнул Верховный Магистр. Он укутался в меха, рука крепко сжимала железную дубинку, служившую ему жезлом.

— И золото, Ваше Превосходительство!

— Ну да, и золото, — небрежно кивнул Верховный Магистр.

Пониетс поставил на столик шкатулку и осторожно приоткрыл ее. Чувствовал он себя до крайности неуютно в этой обстановке недоверия и враждебности — только в первый год своей работы в космосе он испытывал такое.

Вельможи расположились полукругом на возвышении, бросая колючие взгляды в его сторону. Среди них был и Ферл, уколищый, костлявый фаворит, восседавший рядом с Верховным Магистром. Его лицо было особенно злым. Пониетсу уже довелось с ним встретиться однажды, и он тут же отметил для себя, что это — его главный враг. А следовательно, и первая жертва...

За дверьми зала ожидал развязки небольшой военный отряд. За все время Пониетс так и не сумел попасть на корабль. С собой у него ничего не было — кроме этой штуковины, которую он решил испытать, а Горов все еще томился в асконском застенке.

Он задумал поработать с маленьким шедевром инженерной мысли, на изготовление которого ушла неделя кропотливого труда, и мысленно умолял, чтобы покрытый свинцом кварц выдержал испытание...

— Что это? — с подозрением спросил Верховный Магистр.

— Это, — ответил Пониетс, отступив на шаг назад, — небольшой приборчик, который я сделал сам.

— Я не об этом спрашиваю. Это — одно из приспособлений черной магии вашего мира?

— В основе работы прибора — действительно атомная энергия, — спокойно ответил Пониетс. — Но вам не нужно к нему прикасаться. Если прибор нанесет вред, то отразится это исключительно на мне.

Верховный Магистр поднес жезл к прибору, и губы его быстро и беззвучно зашевелились, произнося очистительное заклинание.

Уколищый советник, сидевший рядом с ним, склонился к уху Верховного Магистра. То ли он пощекотал Магистра встопорщенными рыжими усиками, то ли тот не захотел его слушать, только Верховный Магистр брезгливо отстранился от него.

— А может ли эта машина произвести золото, которое спасло бы жизнь твоего соотечественника?

— С помощью этого прибора, — начал Пониетс, мягко опуская руку на панель прибора, — я могу превратить в золото железо, которое вы мне дадите, если будете так любезны. Золото получится высочайшего качества. Это единственное устройство, известное людям, Ваше Превосходительство, которое способно взять железо — самое простое железо, которое украшает ваш трон и стены этого зала, и превратить его в сияющее золото.

Пониетс говорил, но без чувства уверенности в себе. Обычно торговые переговоры давались ему легко, гладко, а сейчас он напоминал сам себе перегруженный вагон на искореженных рельсах. К счастью, Верховного Магистра больше интересовало содержание, чем форма...

— Вот как? Трансмутация? Тут уже бывали хитрецы, которые хвастались, что умеют это делать. Они жестоко поплатились за свое богохульство!

— Им удалось сделать золото?

— Нет.

Великий Магистр несколько оживился.

— Производство золота — это преступление, которое таит в себе наказание. Попытка плюс неудача — и вот вы уже смертник. Ну-ка, сделай что-нибудь с моим жезлом!

Он швырнул жезл к ногам Пониетса.

— Ваше Превосходительство простит меня. Мой прибор мал для вашего жезла.

Маленькие блестящие глазки Верховного Магистра обвели полукруг вельмож и остановились на одном из них.

— Рандел, одолжите пряжки. Не бойтесь вы так, я верну. В двойном размере, не сомневайтесь.

Пряжки передали по рядам. Верховный Магистр взвесил их на ладони и бросил на пол.

— Возьми!

Пониетс подобрал с пола пряжки, сильно дернул за кольцо. Свинцовый цилиндр раскрылся. Глаза его сузились от мнимого напряжения. Он старательно разместил пряжки на решетке анода. Потом пойдет легче, а сейчас нельзя было ударить лицом в грязь.

Самодельный трансмутатор сердито потрескивал минут десять. В воздухе появился запах озона. Асконцы зашумели. Ферл снова наклонился к уху Верховного Магистра. Однако лицо старика оставалось

непроницаемым. Он вновь отклонился от Ферла.

Пониетс раскрыл цилиндр. Пряжки стали золотыми.

Лиммар поднес их Верховному Магистру, поклонился, пробормотав подобострастно:

— Прошу вас, Ваше Превосходительство!

Старик был не на шутку перепуган. Он сделал рукой отчаянный жест, повелевая Пониетсу убрать пряжки подальше, и с ужасом взирал на трансмутатор. Пониетс обратился к присутствующим:

— Господа, вот золото. Настоящее золото. Если вы сомневаетесь, то можете подвергнуть его любым физическим и химическим анализам и убедиться сами в его схожести с природным. Любое железо поддается обработке таким способом. Ржавчина и небольшие примеси сопутствующих металлов — не помеха.

Слова Пониетса повисли в тишине. Пряжки еще лежали на его ладони. Молчание было красноречивым.

Верховный Магистр наконец взял себя в руки. Только он потянулся за пряжками, как узколицый Ферл вскочил и крикнул:

— Ваше Превосходительство, но золото получено из загрязненного источника!

Пониетс возразил:

— Прекрасные цветы вырастают из грязной земли, Ваше Превосходительство! Вы торгуете со всеми соседями, покупаете у них разные вещи и не спрашиваете при этом, как их изготовили — в древней машине, благословленной вашими предками, или на каком-нибудь проклятом небесами устройстве. А потом — я же не предлагаю вам прибор. Я предлагаю золото!

— Ваше Превосходительство! — не унимался Ферл. — Вы не можете отвечать за грехи чужестранца, который действует против вашей воли. Но... принять это греховное псевдозолото, порочным методом изготовленное из железа в вашем присутствии, на ваших глазах и с вашего согласия, — это оскорбление духов наших предков!

— Но... все-таки... золото есть золото, — колеблясь, проговорил Верховный Магистр. — Это выкуп за того, кто сидит в тюрьме. А вы, Ферл, чересчур придирчивы.

Он принял из рук Пониетса пряжки, протянул их Ферлу, но тот гордо отвернулся.

— Вы — сама Мудрость, Ваше Превосходительство, — смиренно произнес Пониетс. — Ведь помилование осужденного не оскорбит памяти ваших предков. Кроме того, полученное золото можно принести им в

жертву. Если оно несет в себе зло, то распадется в прах, будучи приложенным к благословенному святилищу!

— Клянусь прахом моего дедушки! — изумленно воскликнул Верховный Магистр. — Ферл, что вы скажете об этом молодом человеке? По-моему, он дело говорит. Его слова благочестивы...

Ферл мрачно проговорил:

— Если только они не были продиктованы Злым Духом.

— Сделайте так, Ваше Превосходительство! — предложил ободренный Пониетс. — Возьмите золото в плен. Поместите его на алтари ваших предков как жертвоприношение, а меня задержите на тридцать дней. Если к концу этого срока вы не заметите никаких признаков отторжения, то есть — если не произойдет никаких несчастий, это будет указанием, что жертва принята.

Верховный Магистр торжественно поднялся и оглядел присутствующих, ища одобрения на лицах сановников. Даже Ферл, пожевывая кончик рыжих усов, церемонно кивнул.

Пониетс улыбнулся и... возблагодарил небеса за пользу религиозного образования...

Минула еще неделя, и настал день, назначенный для встречи с Ферлом. Пониетсу все до чертиков надоело, но деваться было некуда, приходилось мириться с собственным бессилием.

Он покинул пределы города под конвоем. На загородной вилле Ферла его содержали под замком. Ничего не оставалось, как смириться и с этим.

Дома Ферл казался моложе и стройнее и вовсе не был похож на старейшину.

— Вы — интересный человек, — сказал он, твердо глядя на Пониетса близко посаженными глазами. — На прошедшей неделе вы бездельничали. А в последние два часа вы всеми возможными способами пытались выяснить, не нужно ли мне золото. Это глупо. Кому же оно не нужно? Предложили бы прямо.

— Но это не простое золото, — объяснил Пониетс. — Не только золото. Не просто монетка-другая. Скорее, это все, что скрывается за понятием «золото».

— А что скрывается за этим понятием? — буркнул Ферл, кривя губы. — Надеюсь, мы не станем тратить время на бесполезные споры и еще одну нелепую демонстрацию?

— Нелепую?

— Естественно.

Ферл оперся подбородком на сложенные руки.

— У меня нет к вам претензий. Я отлично понимаю, что буффонада входила в ваши планы. Надо предупреждать Его Превосходительство, хотя я сомневаюсь в ваших мотивах. Если быть искренним, на вашем месте я бы произвел золото на корабле и предложил уже готовое. Тогда можно было бы обойтись без спектакля и не вызывать недовольствия.

— Конечно, — согласился Пониетс, — но поскольку на моем месте был я сам, то я предпочел возбудить недовольство, чтобы привлечь ваше внимание.

— Вот как? Неужели? Ферл был искренне удивлен.

— Следовательно, тридцатидневное очищение вы рассчитывали употребить на то, чтобы мое внимание переросло во что-то более существенное? А что если золото окажется нечистым?

Пониетс мрачно отшутился:

— Угу. В то время как заключение экспертизы зависит от тех, кто

более других заинтересован, чтобы оно оказалось чистым?

Ферл, прищурившись, взглянул на торговца. Казалось, он был удивлен и рад одновременно.

— Попали в точку. Ну а теперь расскажите мне, почему вы так старались привлечь мое внимание?

— Это просто. За то короткое время, что я нахожусь здесь, я узнал многое из того, что оказалось исключительно полезным. Ну, например, — вы слишком молоды для члена Совета Старейшин, а кроме того, происходите из относительно молодого рода.

— Вы что-то имеете против моей семьи?

— Вовсе нет. Ваши предки велики и святы — это общепризнанно. Но кое-кто поговаривает, что вы не входите в число Пяти Племен.

Ферл откинулся в кресле.

— При всем своем уважении к ним, — проговорил он с плохо скрытым раздражением, — в Пяти Племенах — сплошное кровосмешительство и вырождение. Сейчас с трудом отыщется хотя бы пятьдесят истинных членов Племен.

— Но кто-то поговаривает, что не желает видеть всякого, кто не входит в число членов Пяти Племен, на посту Верховного Магистра. А у молодого новоявленного фаворита неизбежно должны быть могущественные враги из числа сильных мира сего. Это очевидно. Его Превосходительство стареет, и его протекции не станет вместе с ним.

Ферл сдвинул брови.

— Для чужеземца вы что-то слишком много успели разузнать. Вам следовало бы отрезать уши.

— Этот вопрос можно решить потом.

— Дайте-ка подумать.

Ферл заерзал в кресле.

— Вы предлагаете мне силу и власть, которые предоставляются за маленькие греховные устройства, которыми заполнен ваш корабль? Так?

— Допустим. Есть возражения? Что-нибудь из области понятий о добре и зле?

Ферл покачал головой:

— Нет. Послушайте, чужеземец. Вы с позиций языческого агностицизма вольны думать о нас что угодно. Но — что касается лично меня, то я хочу уверить вас в том, что я не ослеп от мифологии, хотя вам так и могло показаться. Я — образованный человек, сэр, и, не боюсь этого слова, — просвещенный. Наши религиозные обряды — скорее в ритуальном, чем в этническом плане — предназначены для толпы.

— В таком случае что вам мешает?

— Толпа. Лично я не прочь иметь с вами дело, но ваши приборчики должны приносить пользу! Разве ко мне поплывут несметные богатства, если я воспользуюсь вашим предложением — ну, не знаю, бритвы там всякие и ножи — втайне? Разве чисто выбритый подбородок сулит мне богатство? И как мне удастся избежать смерти в газовой камере и гнева толпы, если меня в один прекрасный день застанут за этим занятием?

Пониетс пожал плечами.

— Вы правы. По-моему, единственным выходом из ситуации было бы обучение вашего народа применению атомных приспособлений для их же удобства и для вашей личной немалой выгоды. Это гигантская работа, не отрицаю, но выигрыш стоит того. Но это вам решать, не мне. Поскольку я не предлагаю вам ни бритву, ни нож, ни механический мусоросборник.

— Что же вы предлагаете?

— Золото. Просто золото. Вы можете получить тот прибор, который я показывал на прошлой неделе.

Ферл напрягся.

— Трансмутатор?

— Именно. И золота в ваших руках окажется столько, сколько сейчас железа. Этого должно вам хватить на все про все. И для того, чтобы получить пост Верховного Магистра, несмотря на вашу молодость и многочисленных недругов. Кроме того, это абсолютно безопасно.

— В каком смысле?

— В таком, что принцип трансмутации секретен. Так же секретен, как бритье атомной бритвой втайне от любопытных глаз. Вы можете упрятать трансмутатор в глубокое подземелье в мощной крепости самого отдаленного поместья, и он станет источником вашего благосостояния. Вы приобретаете золото, а не прибор, а золото не пахнет — оно не несет следов производства, и его никак нельзя будет отличить от природного.

— А кто же будет работать с прибором?

— Да вы и будете работать. Пять минут обучения — и дело в шляпе.

— А... что вы хотите взамен?

— Ну... — Пониетс сразу стал серьезнее и осторожнее, — я честно назову вам цену. Прибор очень дорогой — эквивалент кубического фута золота в чугуне.

Ферл рассмеялся, а Пониетс покраснел.

— Я хотел бы отметить, сэр, что два часа принесут все, что вам нужно.

— Конечно! А через час вы спокойненько улетите, а прибор вдруг перестанет работать. Мне нужны гарантии.

— А мое честное слово?

— Восхитительно!

Ферл развеселился не на шутку. Вдруг он нахмурился и отчеканил:

— Меня больше устраивает ваше присутствие. Я, в свою очередь, даю честное слово заплатить после того, как прибор проработает неделю.

— Это невозможно.

— Невозможно? Да за одно предложение я могу вас казнить! Даю честное слово, что завтра с утра вы отправитесь в газовую камеру.

Лицо Пониетса оставалось непроницаемым. Но глаза сверкнули огнем.

— Круто... Вы не могли бы письменно зафиксировать свое обещание?

— И подписать собственный смертный приговор? Нет уж, увольте!

Ферл широко улыбнулся:

— Простите, дорогой! Но один из нас идиот!

Торговец обреченно проговорил:

— Договорились...

Горова освободили на тридцатый день, и его место заняли пятьсот фунтов чистейшего золота. Корабль вернули ему в целости и сохранности. Так же, как и звездолет Пониетса. В сопровождении эскорта маленьких юрких звездолетов они покидали пределы Аскона.

Голос Горова, измененный расстоянием, долетал до слуха Пониетса.

— Но... это не то, чего мне хотелось, Пониетс. Трансмутатор — нет, не то... Где ты его взял?

— Я его не брал. Смастерил сам из камеры для облучения пищи. Конечно, не то. Слишком велика потребляемая мощность, не то бы Академия давно бы использовала трансмутацию вместо того, чтобы мотаться по всей Галактике в поисках тяжелых металлов. Это скорее стандартный трюк, которым пользуется порой торговец. Но, положив руку на сердце, скажу — никогда не видел, как из железа получается золото. Но это впечатляет, а главное, срабатывает — ненадолго, правда.

— Понятно. Но меня это мало устраивает.

— Ну ты даешь! Благодаря этому я вытащил тебя из тюрьмы!

— Это вовсе не то, что было нужно. Мне нужно вернуться, как только от нас отвяжется конвой.

— Почему?

— Ты все сам объяснил этому политику! Твоя торговая сделка состояла в том, что трансмутатор — не предмет продажи, а средство производства. Он купил золото, а не прибор. С психологической точки зрения все в порядке, но...

— Но?

Голос Горова зазвучал резче:

— Необходимо продать им приборы, именно приборы! Что-то, что бы они не боялись применять открыто, чтобы заставить их применять атомную технику.

— Это понятно, — мягко отозвался Пониетс. — Но я — не маленький. Послушай-ка, что выходит из моей сделки, ладно? Пока будет работать трансмутатор, Ферл станет качать золото, и этого окажется достаточно, чтобы он смог купить себе следующие выборы. Верховный Магистр долго не протянет.

— Ты что, рассчитываешь на его благодарность?

— Нет. На заинтересованность неглупого человека. Трансмутатор

позволит ему выиграть на выборах, а другие приборы...

— Нет! Нет! Это слишком запутанно. Он заплатил не за трансмутатор, а за золото, старомодное золото. Вот что я пытаюсь тебе втолковать!

Пониетс усмехнулся и поудобнее устроился в кресле пилота.

«Да, — подумал он, — я и вправду здорово запутал беднягу...»

Вслух он сказал:

— Не надо торопиться, Горов. Я еще не закончил. Кое-какие приспособления я ему всучил.

Последовала короткая пауза. Затем Горов осторожно спросил:

— Какие приспособления?

Пониетс сделал небрежный жест рукой.

— Видишь этот эскорт?

— Ну, вижу. Ты про приспособления выкладывай.

— Скажу. Вот послушай. Нас сопровождает личный эскорт Ферла — дар Верховного Магистра. Это Ферл устроил для нас.

— Вот как?

— А как ты думаешь, куда нас направляют? На его собственные копи, вот куда! Слушай! — Пониетс оживился. — Я ведь говорил тебе, что собираюсь делать деньги, а не трепаться! Да, я отдал трансмутатор даром. Ни за что, кроме риска оказаться в газовой камере, а такая цена ничего не добавляет к моей квоте.

— Вернись к копиям, Пониетс. Откуда они-то?

— А они фигурируют в договоре об оплате. Мы отправляемся за оловом, Горов. Мы наполним оловом все отсеки этой старой развалины, да еще и тебе останется! Слушай внимательно! Я спущусь с Ферлом вниз, в шахту, а ты прикроешь меня сверху на тот случай, если Ферлу вздумается с нами шутить. Вот так он расплатится, Горов!

— За трансмутатор?

— За весь груз атомных приспособлений! Загнал за двойную цену плюс вознаграждение.

Он стыдливо пожал плечами.

— Осознаю, что это надувательство, но мне нужно квоту выполнить, ясно?

Горов растерянно спросил:

— Может... объяснишь все-таки?

— Что тут объяснять? Просто, как в школе. Понимаешь, Горов, этот умник посчитал, что я у него в ловушке — его слово значило для Верховного Магистра больше, чем мое. Он взял трансмутатор, хотя на Асконе это считается уголовным преступлением. Но в любой момент он

мог бы оправдать свой поступок тем, что совершил его якобы для того, чтобы устроить мне западню из чисто патриотических соображений и обвинить меня в продаже запрещенного товара.

— Это как раз понятно...

— Естественно, но мы не просто дали друг другу слово. Видишь ли, Ферл никогда в жизни не слышал о такой замечательной штучке, как микропленочная камера.

Горов расхохотался.

— Вот-вот! — продолжал Пониетс. — Он держал руку на пульсе. Я был связан по рукам и ногам. Но, продавая ему трансмутатор, я вмонтировал в это устройство микропленочную камеру, а на следующий день вынул. В результате я стал обладателем первосортной видеозаписи того, как бедняга Ферл, выжимая из трансмутатора последние эрги, получил первое золото и кудахтал над ним как курица, снесшая первое в жизни яйцо!

— И ты, конечно, показал ему пленку?

— Через пару дней. Бедолага — он раньше никогда не видел объемного цветного звукового фильма! Он утверждал, что он — человек без предубеждений, но я прежде не встречал более напуганного взрослого мужчину! А когда я сообщил ему, что у меня есть проектор, который я установил на центральной городской площади и настроил на включение в полдень, и эту кинокомедию посмотрят миллионы фанатичных асконцев, которые тут же разорвут его на части, он просто-таки упал к моим ногам. И, что вполне естественно, был готов заключить любую сделку на моих условиях.

— Ну, а... — Горова душил смех, — на городской площади действительно был проектор?

— Не было, конечно. Но дело-то не в этом. Главное — сделка состоялась! Он купил у меня все приспособления до единого и все, что было у тебя, согласившись уплатить нам оловом, — сколько увезем. Соглашение подписано, и я передам тебе копию, прежде чем спуститься с ним в шахту, — на всякий случай.

— Да, но станет ли он заниматься продажей приспособлений?

— Почему бы и нет? За счет продажи он не только покроет расходы, но и наживется, что компенсирует ему оскорбленное самолюбие. А главное — он станет следующим Верховным Магистром — и таким, что Академии лучшего и не пожелаешь.

Часть пятая

Короли торговли

Торговцы — ...с психоисторической неизбежностью экономическая мощь Академии росла. Торговцы богатели, а с богатством приходила власть...

...Иногда забывают о том, что Хобер Мэллоу начал свою карьеру как простой торговец. Но всегда помнят о том, что он стал первым из Королей Торговли...

Галактическая энциклопедия

Джоран Сатт, разглядывая свои тщательно ухоженные пальцы, проговорил:

— Тут что-то загадочное... Строго между нами — очень может быть, что наступает очередной из кризисов, предсказанных Гэри Селдоном.

Мужчина, сидевший напротив, полез в карман короткой смирнианской куртки за сигаретой.

— Ничего не могу сказать, Сатт. Вообще-то, как правило, политики начинают вопить: «Селдоновский кризис, селдоновский кризис!» — перед каждыми очередными выборами мэра...

Сатт кисло улыбнулся:

— До предвыборной кампании далеко, Мэллоу. Надо узнать, откуда берется атомное оружие, вот и все.

Хобер Мэллоу из Смирны, Мастер Торговли, безразлично выпустил струю дыма.

— Дальше. Выкладывайте, Сатт, что там у вас еще.

Мэллоу никогда не допускал проявлений излишней фамильярности к себе в общении с людьми из Академии. Для них он был чужеземец, он это прекрасно понимал, но достоинство сохранял в любой ситуации...

Сатт нажал кнопку, крышка стола преобразилась — на ней возникла трехмерная карта звездных систем. Нажал еще одну — и с полдюжины систем замерцали красными огоньками.

— Это, — сказал он, — республика Кореллия.

Торговец небрежно кивнул:

— Был я там. Чертова дыра! Кому только в голову взбрело назвать ее республикой? Командора там всякий раз избирают из семейства Арго. А если это кому-то не понравится, то с ним — тихо и ненавязчиво —

происходит несчастный случай... В общем, я там бывал, — повторил он, брезгливо скривившись.

— Вам повезло, Мэллоу. Вы вернулись. А это далеко не всегда бывает. За последний год три торговых корабля, отправленных туда в соответствии с Конвенцией, исчезли на территории республики. Они были вооружены до зубов, оборудованы защитным полем...

— И какие пришли последние сообщения?

— Да обычные отчеты. Больше — ничего. Тишина.

— Ну а Кореллия что говорит по этому поводу?

— Не узнавали. При нашей-то репутации, когда мы держим под контролем всю Периферию, спрашивать о каких-то трех пропавших кораблях?

— Сатт, давайте ближе к делу. От меня вы чего хотите?

Джорана Сатта трудно было вывести из равновесия. Как секретарю мэра ему приходилось иметь дело с советниками из оппозиции, безработными, реформаторами, шарлатанами, время от времени утверждавшими, что они знают все тонкости будущего не хуже самого Гэри Селдона. Работа вышколила, закалила его психику — он держал себя в руках всегда и со всеми. Он методично, спокойно проговорил:

— Минуточку. Так вот, три корабля исчезли в одном месте за один год — это не случайность, и атомное оружие можно захватить только с применением атомного оружия. Возникает естественный вопрос: если у Кореллии имеется атомное оружие, откуда они его получают?

— Ну и откуда, по-вашему?

— Есть два варианта. Либо делают сами...

— Сомнительно!

— Весьма. Другой вариант — шпионаж.

— Вы действительно так думаете? — холодно спросил Мэллоу.

— В этом нет ничего из ряда вон выходящего. С тех пор как Четыре Королевства подписали с Академией Конвенцию, нам приходилось неоднократно сталкиваться с деятельностью значительных групп диссидентов. В каждом из прежних королевств существуют свои конформисты, бывшие аристократы, которым с трудом удается скрывать нелюбовь к Академии. Ничего удивительного, если бы они проявили активность.

Мэллоу густо покраснел.

— Намек ясен. Я — смирнианец.

— Знаю. Вы — смирнианец, то есть вы родились на Смирне, одном из бывших Четырех Королевств. Вы являетесь гражданином Академии только

по образованию. По рождению вы — чужеземец. Не сомневаюсь, что ваш отец был бароном во времена войн с Анакреоном и Лориксом и ваши землевладения были экспроприированы, когда Зеф Сермак проводил земельную реформу.

— Нет, клянусь всем святым, нет! — воскликнул Мэллоу. — Мой отец был простым шахтером. Я ничем не обязан старому режиму! Да, я родился на Смирне, но ничего постыдного в этом не нахожу! Вы уж оставьте при себе ваши тонкие намеки на шпионаж. Либо отдайте соответствующие распоряжения, либо изложите обвинения.

— Любезный Мастер Торговли! Честно говоря, меня ни капли не волнует, кем был ваш дражайший дедушка — королем Смирны или последним нищим. Данные биографии я изложил именно для того, чтобы вы поняли, что как раз это меня вовсе не интересует. Вы просто кое-что пропустили мимо ушей. Вернемся назад. Вы — смирнианец. Вы неплохо знаете чужеземцев. Кроме того, вы — торговец, и притом один из лучших. Вы бывали в Кореллии. Я хотел бы, чтобы вы отправились туда.

— Как шпион? — выдохнул Мэллоу.

— Не совсем. Вы отправитесь как торговец — но с открытыми глазами. И будет очень хорошо, если вам удастся узнать, откуда берется оружие. А поскольку вы — смирнианец, я напому еще кое-что: на двух из пропавших кораблей были смирнианские экипажи.

— Когда нужно отправляться?

— Когда будет готов ваш корабль?

— Через шесть дней.

— Вот сразу и отправляйтесь. С деталями ознакомитесь в Адмиралтействе.

— Ясно!

Торговец встал, крепко стиснул руку Сатта и вышел.

Потирая побелевшие от рукопожатия пальцы, Сатт пожал плечами, нажал кнопку — звездная карта погасла. Он поднялся и прошел в кабинет мэра.

Мэр выключил видеофон и откинулся в кресле.

— Ну, что скажете, Сатт?

— Из него вышел бы очень неплохой актер, — ответил Сатт, задумчиво глядя в одну точку...

Вечером того же дня в холостяцких апартаментах Джорана Сатта на двадцать четвертом этаже Дома Гардина неторопливо потягивал вино Публис Манлио.

Это был тот самый Публис Манлио, который, несмотря на свою тщедушную комплекцию, занимал два высоких поста в Академии. В кабинете мэра он был секретарем по иностранным делам, а для всего мира оставался Примасом Церкви, Главным Хранителем Священной Пищи, и тому подобное.

Пригубив вино, он изрек:

— Ну... он же согласен послать туда торговца. Это главное.

— Не сказал бы, — отозвался Сатт. — Результат это даст не сразу. Мы должны действовать стратегически, хотя не можем предугадать, что нас ждет. Мы просто тянем за веревочку в надежде, что она в конце концов затянется.

— Согласен. А этот Мэллоу — не дурак. Способный парень. Вы уверены, что нам удастся его провести?

— Все учтено. Если есть измена, нужно прежде всего иметь в виду таких способных парней, как он. Если измены нет, все равно нужны способные парни, чтобы узнать правду. Кроме того, Мэллоу будут сопровождать. Кстати, ваш бокал пуст.

— Спасибо. Мне уже хватит.

Сатт наполнил до краев свой бокал и стал спокойно ждать, когда его собеседник выйдет из состояния напряженной задумчивости.

Однако крайне неожиданно Примас спросил:

— Сатт, о чем вы думаете?

— Сейчас скажу, Манлио.

Его тонкие губы разжались:

— Наступает селдоновский кризис.

Манлио быстро взглянул на него.

— Откуда вы знаете? Насколько я знаю, Селдон в Склепе не появлялся.

— Да это и не нужно, мой дорогой. Вы сами посудите. С тех самых пор, как Галактическая Империя бросила Периферию на произвол судьбы, у нас еще никогда не было врага, обладающего атомным оружием. Теперь такой враг существует. Это немаловажно даже само по себе. Но не только.

Впервые за семьдесят лет мы столкнулись с серьезным внутрисполитическим кризисом. Я думаю, что совпадение двух кризисов, внешнего и внутреннего, не оставляет сомнений в том, что...

Глаза Манлио сузились.

— Если дело обстоит именно так, то — нет. Когда были предыдущие кризисы, Академия была на грани уничтожения, Ни о каком третьем кризисе не может быть и речи, пока подобная угроза не возникнет вновь.

Сатт спокойно отозвался:

— Угроза повторится. Видите ли, когда кризис уже наступил, каждый дурак его почувствует и определит. Сослужить службу государству — это выявить кризис в зародыше. Вы же знаете, Манлио, что история спланирована, что Гэри Селдон рассчитал вероятности в будущем. Мы знаем, что в один прекрасный день нам придется восстанавливать Галактическую Империю. Мы знаем, что пройдет тысяча лет. Мы знаем, что за это время нам придется столкнуться с рядом кризисов.

Первый кризис наступил через пятьдесят лет после основания Академии. Второй — через тридцать лет после первого. После второго кризиса прошло почти семьдесят лет. Пора бы, Манлио, пора бы...

Манлио рассеянно почесал нос.

— Ну... и что, у вас есть какие-то планы?

Сатт кивнул.

— И какова моя роль?

— Прежде чем мы столкнемся с внешней угрозой в виде атомного оружия, нам, Манлио, нужно у себя дома навести порядок. Эти торговцы...

— О да, — Примас напрягся, глаза его заблестели.

— Разделяю ваше мнение, Манлио. Торговцы полезны Академии, но они стали слишком сильны — и действуют просто бесконтрольно. В основном они — чужестранцы, получившие у нас образование, но не прошедшие религиозного обучения.

— Ну а если удастся доказать факты измены и шпионажа, что тогда?

— Если бы нам это удалось, прямые действия не замедлили бы последовать. Но не это главное. Даже если среди них нет изменников и шпионов, они все равно являют собой крайне опасный элемент нашего общества. Они не связаны с нами ни патриотическими чувствами, ни общим происхождением, ни религиозными устремлениями. Их мирское влияние в Четырех Королевствах, где со времен Сальвора Гардина на нас смотрели как на Священную Планету, может нам сильно повредить.

— Это я понимаю не хуже вас, но где же выход?

— Выход... не знаю... Но найти его нужно быстро — до того, как

селдоновский кризис захлестнет нас с головой. Если извне нам будет угрожать атомное оружие, а внутри — беспорядки, — дало будет худо, очень худо.

Сатт поставил на столик пустой бокал и постучал по нему ногтем.

— Так вот — то, что внутри, и есть ваше дело, Манлио.

— При чем тут я?

— Ну не я же. В сферу деятельности моего ведомства это не входит.

— А разве мэр...

— Исключено. Его энергия направлена на то, чтобы уйти от ответственности. Нужна новая независимая партия, которая сумела бы ускорить перевыборы. Тогда мэр станет управляем.

— Но, Сатт, у меня нет никаких склонностей к практической политике!

— Вы себя недооцениваете, Манлио. Выйдет очень интересный вариант... Со времен Сальвора Гардина такого еще не было — мэр и Примас в одном лице! Зато теперь это возможно. Я вас поддержу, но главное чтобы свое дело вы сделали отлично.

... На другом краю города, в более уютной обстановке встретились двое. Гостя принимал Хобер Мэллоу. Он слушал и затем осторожно поинтересовался:

— Да, я слышал о вашей кампании, направленной на то, чтобы добиться прямого представительства в Совете для торговцев. Но почему именно я, Твер?

Джейм Твер — один из первых чужеземцев, получивших светское образование в Академии, о чем он неизменно любил вспоминать.

— Я знаю, что делаю, — твердо ответил он. — Вспомните нашу первую встречу в прошлом году.

— Это во время подписания Торговой Конвенции?

— Именно. Вы тогда еще председательствовали. Образно говоря, вы тогда просто пригвоздили этих краснорожих бульдогов к креслам, сделали свое дело и спокойно удалились. Думаю, что с народом вы справитесь. В вас есть что-то такое... блеск или что-то вроде романтизма...

— Спасибо за комплимент, — сухо отозвался Мэллоу. — А почему именно сейчас?

— Потому что время самое подходящее. Вы слышали, что Министр Образования подал в отставку? Это еще не обнародовано, но точно.

— А вы откуда знаете?

— Ну... неважно. Кроме того, в акционистской партии серьезный раскол, и мы имеем возможность покончить с ней раз и навсегда, если поднимем вопрос о предоставлении равных прав торговцам, а еще лучше — просто потребуем демократии.

Мэллоу откинулся в кресле, вытянул ноги.

— Угу, — глубокомысленно протянул он. — Ничего не выйдет, Твер. Через неделю я улетаю по делам. Так что лучше вам поискать кого-то еще.

Твер подозрительно уставился на Мэллоу.

— По делам? Это по каким таким делам?

— О, это совершенно секретно. С литерой «А», то есть аж с тремя литерами «А». Такие дела. Я вчера беседовал с личным секретарем мэра.

— С этой змеей подколодной, Саттом? — разволновался Твер. — Ловушка, явная ловушка. Мэллоу, этот сукин сын хочет от вас избавиться!

Мэллоу твердо сжал запястье Твера.

— Держите себя в руках. Если это ловушка, я в один прекрасный день

вернусь, чтобы отомстить. Если же нет, то, как вы изволили выразиться, подколотная змея играет нам на руку. Потому что наступает селдоновский кризис.

Мэллоу ждал реакции, но ее не было. Твер беспечно поинтересовался:

— А что такое селдоновский кризис?

— Господи Боже! — вскричал Мэллоу и чуть не вскочил от изумления. — Что за дурацкий вопрос? Чему вас в школе учили?

Старик нахмурился:

— Лучше бы объяснили...

Последовала долгая пауза, потом Мэллоу, до предела удивленный, проговорил:

— Объяснить? Ну что ж, объясню, хотя и очень странно... Когда отдаленные районы Галактической Империи пришли в упадок и варварство возобладало, Гэри Селдон вместе с группой психологов основал колонию, убежище, именуемое Академией, в самом ядре дикарства и вырождения. Целью основания Академии было накопление культурных, научных и технических ценностей на благо будущей, Второй Империи.

— Да, да, знаю...

— Я еще не закончил, — ледяным тоном продолжал Мэллоу. — Будущее Академии было спланировано на основании законов психоисторической науки, в то время невероятно развитой, и мы оказались в таких условиях, что неизбежно должны были столкнуться с серией кризисов, преодоление которых быстрее продвинет по пути к будущей Империи. Каждый селдоновский кризис означает конец очередной эпохи в нашей истории. Сейчас надвигается третий кризис.

— Ну правильно, — спохватился Твер. — И как это я забыл? Но, честно говоря, школу-то я закончил гораздо раньше вас...

— Действительно. Ну ладно, давайте оставим это. Лучше подумаем, почему меня отсылают в то время, когда приближающийся кризис так очевиден? Неизвестно, что тут будет, когда я вернусь, а выборы в Совет — каждый год...

Твер изучающе глядел на Мэллоу.

— Вы что-нибудь подозреваете?

— Пока нет.

— А план у вас есть какой-нибудь?

— Нет. Никакого плана.

— Ну... — разочарованно протянул Твер.

— Ну нет плана. Ну нет! Знаете, Гардин как-то изрек: «Чтобы преуспеть в делах, планировать мало. Нужно уметь импровизировать». Так

что я, пожалуй, поимпровизирую немного.

Твер недоверчиво покачал головой. Оба встали. Пожимая гостю руку, Мэллоу улыбнулся, и неожиданно у него вырвалось:

— Послушайте, а почему бы вам не полететь со мной? Да не смотрите так, старина! Вы же вроде бы торговцем были, пока не вообразили, что политика интереснее? Так я слышал, по крайней мере.

Твер, опустив веки, молчал мгновение, потом спросил:

— А куда вы направляетесь?

— Ориентировочно — в район Вассалианского Провала. Остальное — потом. Ну что скажете?

— А вдруг Сатт станет меня искать?

— Маловероятно. Ему не терпится избавиться от меня и почему бы заодно не избавиться от вас? Кроме того, я имею полное право лично набирать команду. Кого хочу, того беру.

В глазах старика вспыхнули искорки...

— Хорошо. Я полечу с вами.

Он высвободил руку из железной лапищи Мэллоу и добавил:

— Это будет первый полет за три года!

Мэллоу хлопнул его по плечу, так что тот пошатнулся, и радостно пробасил:

— Отлично! Просто класс! Теперь осталось только команду набрать. Знаете, где док «Далекой Звезды»? Загляните туда завтра. До встречи!

Кореллия представляла собой то часто встречающееся в истории явление, когда атрибуты абсолютной монархии, кроме названия, имеют место в республике. В Кореллии царила обычная в такой ситуации деспотия, не ограниченная к тому же понятиями монаршей «чести» и дворцового этикета.

Кореллию нельзя было назвать процветающей страной. Золотые времена Галактической Империи миновали, оставив после себя молчаливую память и руины. Лучшие дни Академии еще не наступили, и судя по настроению нынешнего правителя Кореллии, Командора Аспера Арго, не, спускавшего глаз с торговцев и упорно сопротивлявшегося миссионерству, дни эти могли и не наступить...

Космопорт оказался заброшенным и запущенным донельзя. Развороченные ангары, пустынные взлетные площадки... Атмосфера самая что ни на есть тоскливая и удручающая. Команда «Далекой Звезды» истомилась в ожидании.

Джейм Твер скрашивал время раскладыванием сложного пасьянса.

Хобер Мэллоу задумчиво проговорил:

— Поторговать бы тут...

Он со скукой взирал на пейзаж окрестностей, открывавшийся в иллюминаторе центрального обзора. Пока о Кореллии ничего определенного не скажешь. Долетели без происшествий. Эскадрон кореллианских звездолетов, патрулировавший «Далекую Звезду», представлял собой стайку маленьких, прихрамывающих музейных чучел имперских времен. Держались они на почтительном расстоянии. Прошла уже неделя, но дистанция сохранялась до сих пор. На все запросы Хобера Мэллоу о встрече с Командором отвечали молчанием.

Мэллоу повторил:

— Да, поторговать тут было бы очень неплохо. Что называется, девственная территория.

Джейм Твер рассерженно смешал карты.

— Черт побери, Мэллоу, вы собираетесь что-нибудь предпринимать? Команда ропщет, офицеры на нервах. Даже я волнуюсь, по правде говоря.

— Волнуетесь? О чем?

— Как — о чем? А вас не беспокоит это бездействие? Нужно что-то делать!

— Ждите, — отрубил Мэллоу.

Старый торговец недоверчиво хмыкнул и покраснел.

— Мэллоу, вы не слепой! Все летное поле оцеплено, а в небе — патрульные корабли. Вам не кажется, что от нас и мокрого места не оставят?

— Ну знаете, за неделю они уже сто раз могли бы это сделать.

— Может, они ждут подкрепления?

Мэллоу резко откинулся на спинку кресла.

— Да. Об этом я думал. Вообще, картина интересная. Во-первых, мы добрались сюда без происшествий. Это, конечно, может ничего и не означать, поскольку из трехсот посланных сюда кораблей за год пропали только три. Процент низкий... Но это может означать, что у них очень мало собственных кораблей, оснащенных атомным оружием. И они, следовательно, не пользуются ими без крайней необходимости.

С другой стороны, это может значить, что у них вообще нет ни атомного оружия, ни атомной энергетики. Если есть — значит, они затаились и боятся, как бы мы об этом не пронюхали. Одно дело — захватить беззащитные, маловооруженные торговые корабли. Совсем другое — шутить с аккредитованным послом Академии, одно присутствие которого здесь может означать, что у Академии возникли кое-какие подозрения. Если все это подытожить...

— Ну хватит, Мэллоу, хватит, — воскликнул Твер, подняв руки вверх. — Вы меня заговорили. К чему вы клоните? Только без мелочей!

— Твер, на мелочи волей-неволей приходится обращать внимание, иначе ничего не поймешь. Они не знают, что я тут делаю, а я не знаю, что у них есть. Но только мое положение похуже, поскольку я один, а они все против меня, и, очень даже может быть, с атомным оружием наизготовку. Такое положение вещей меня не устраивает. Да, мы в опасности. Да, нас запросто могут сровнять с землей. Но это можно было предвидеть с самого начала. Что же нам остается делать?

Раздался сигнал вызова. Мэллоу повернулся в кресле и спокойно отрегулировал изображение. На экране появилось лицо сержанта охраны.

— Говорите, сержант.

Сержант, заикаясь от волнения, проговорил:

— Сэр... Простите, сэр. М-мои люди вп-пустили на б-борт миссионера из Академии.

— Кого?

Мэллоу, всегда спокойно-непроницаемый, изменился до неузнаваемости.

— Мис-сионера, с-сэр. Ему нужна м-медицинская п-помощь, сэр!

— Как бы она вам не потребовалась, сержант! Прикажите вашим людям немедленно занять боевые посты!

Через пять минут после того как был отдан этот приказ, жилые отсеки членов команды опустели. Даже свободные от вахты офицеры и солдаты заняли свои боевые посты.

...Мэллоу, тяжело ступая, вошел в отсек, где находился миссионер, смерил священника взглядом с головы до ног. С тем же выражением лица он взглянул на офицеров; на лейтенанта Тинтере, неловко переминавшегося с ноги на ногу, и на сержанта, охраны Демене, бледного как сама смерть.

Мэллоу обернулся к Тверу и какое-то мгновение задумчиво глядел ему в глаза. Твердо сказал:

— Вот что, Твер. Пригласите-ка сюда офицеров — всех, кроме навигаторов и штурмана. Эти пусть остаются на своих постах до дальнейших распоряжений.

В течение следующих пяти минут Мэллоу занимался тем, что заглянул во все углы: в туалеты, за занавески. На полминуты он вышел из отсека и вернулся, что-то мурлыча себе под нос.

Вошли офицеры, за ними — Твер. Он молча закрыл за собой дверь.

Мэллоу спокойно спросил:

— Во-первых, мне хотелось бы узнать, кто впустил этого человека на борт корабля без моего разрешения?

Сержант охраны сделал шаг вперед.

— Прошу прощения, сэр. Трудно сказать, кто именно. Что-то вроде общего согласия. Ведь он все-таки наш человек, а эти местные, вы же зна...

Мэллоу резко оборвал его:

— Разделяю ваши чувства, сержант. Меня интересует другое. Эти люди находились под вашим командованием?

— Да, сэр.

— Когда мы тут закончим, они отправятся под домашний арест на неделю. Вы освобождены от своих обязанностей на такой же срок. Все ясно?

Плечи сержанта обреченно опустились. Он хрипло проговорил:

— Да, сэр.

— Можете идти. Займите свой боевой пост.

Дверь за сержантом закрылась. Оставшиеся зашептались.

Тут вмешался Твер:

— Мэллоу, ну за что же их наказывать? Вы же прекрасно знаете, что

кореллианцы убивают захваченных в плен миссионеров!

— Действия, совершенные без моего приказа, плохи сами по себе, каковы бы ни были их причины. Никто не имеет права ни покинуть корабль, ни взойти на него без моего разрешения.

Лейтенант Тинтере тихо выговорил, глядя в пол:

— Семь дней бездействия... О какой дисциплине можно говорить...

— Да! — рявкнул Мэллоу. — Легко говорить о дисциплине в идеальных условиях. А я должен сохранить ее здесь, перед лицом смерти! Где миссионер? Подведите его ко мне!

Торговец сел в кресло. К нему, поддерживая под локти, подвели миссионера в красной сутане.

— Как ваше имя, Преподобный?

Миссионер как будто очнулся. Он протянул к Мэллоу руки, словно желая обнять его.

— Сын мой! Дети мои! Да пребудет с вами вечно благодать Галактического Духа!

Твер приблизился и встал сбоку от Мэллоу. Он был крайне взволнован, голос его дрожал.

— Мэллоу, он болен. Его нужно в постель. Отведите его, кто-нибудь! Мэллоу, прикажите, чтобы за ним кто-нибудь присмотрел! Боже, как его избили!

Железная ручища Мэллоу отшвырнула Твера назад.

— Не вмешивайтесь, Твер, или я прикажу вывести вас отсюда. Ваше имя, Преподобный!

Миссионер сжал руки перед грудью и взмолился:

— Если вы люди просвещенные, спасите меня от рук грешников! Они гонятся за мной, как стая ворон, они оскорбляют Галактический Дух своими деяниями! Я, Джорд Парма из Анакреона. Я учился в Академии, в самой Академии, дети мои. Я — слугитель Духа, посвященный во все таинства. А сюда меня повлек внутренний голос...

Задыхаясь, он продолжал:

— Я пострадал от рук неверных. Вы — дети Духа, и во имя его я заклинаю вас, спасите меня!

В это мгновение резко зазвучал сигнал тревоги, и металлический голос произнес:

«В виду корабля противник. Требуются инструкции».

Взгляды всех присутствующих обратились к экрану.

Мэллоу резко встал, быстро подошел к экрану, нажал кнопку обратной связи и прокричал:

— Всем оставаться на местах! Пока все!

И выключил экран. Потом подошел к иллюминатору и отодвинул плотную занавеску.

Противник! Мягко сказано. Их было несколько тысяч — толпа занимала все летное поле. В холодном жестком свете магниевых факелов первые ряды подступали все ближе к кораблю.

— Тинтере! — гаркнул Мэллоу, не отворачиваясь от иллюминатора. — Включите внешнюю связь и узнайте, чего они хотят. Спросите, есть ли среди них представитель властей. Никаких угроз и никаких обещаний, не то я пристрелю вас.

Тинтере щелкнул каблуками и быстро вышел из отсека.

Мэллоу почувствовал на плече чью-то руку и раздраженно сбросил её. Это был Твер. Он гневно зашептал Мэллоу на ухо:

— Мэллоу, вы обязаны спасти этого человека! Вы не смеете его отдавать дикарям. Будьте милосердны! Он из Академии и к тому же — священник. Там же злобные варвары! Вы слышите меня, Мэллоу?

— Слышу, Твер, — невозмутимо отозвался Мэллоу. — Но у меня здесь есть дела поважнее, чем спасение миссионеров. Я, сэр, буду делать то, что считаю нужным. И, клянусь Селдоном и всей Галактикой, если вы будете мне мешать, я найду способ заставить вас молчать.

Он обернулся и крикнул священнику:

— Вы! Преподобный Парма! Вы что, не знаете, что согласно Конвенции миссионерам из Академии запрещено ступать на землю Кореллии?

Миссионера била дрожь.

— Я иду туда, сын мой, куда ведет меня Галактический Дух, И если темные люди отвергают попытки просветить их, не лучшее ли это доказательство того, что они более других нуждаются в просвещении?

— Я не об этом говорю, Ваше Преподобие. Ваше присутствие здесь — нарушение законов Кореллии и Академии одновременно. Юридического права защищать вас у меня нет.

Миссионер воздел руки к небесам. Теперь он уже не был так жалок и напуган, как несколько минут назад. Донесся голос лейтенанта, говорившего с толпой через систему внешней связи. Ответом ему был дикий, звериный рев. В глазах священника загорелся безумный огонь.

— Вы слышали? Как вы можете говорить о законах, созданных людьми? Есть высшие законы! Разве не сказал нам Галактический Дух: «Не допускай, чтобы при тебе обижали ближнего твоего»? И разве не он сказал: «Как ты поступишь со слабым и беззащитным, так поступят и с тобой»?

Разве нет у вас орудий? Разве нет у вас кораблей? И разве не Академия за вами? И разве не за вас Галактический Дух, который правит всей Вселенной?

Он остановился, чтобы перевести дыхание. В этот момент гулкий голос лейтенанта за бортом корабля замолк, и вскоре сам он, встревоженный и озабоченный, вошел в отсек.

— Докладывайте, — коротко приказал Мэллоу.

— Сэр, они требуют выдачи Джорда Пармы.

— А если нет?

— Разные угрозы, сэр. Трудно понять. Их так много, и они просто обезумели, сэр. Один из них кричит, будто управляет этим районом планеты, будто его сопровождает наряд полиции. Похоже, так оно и есть.

— Важно одно: он — представитель власти, — сухо сказал Мэллоу. — Скажите им, пусть этот губернатор или кто он там подойдет к кораблю один. Если он сделает это, он может получить Преподобного Джорда Парму.

Тут в руке Мэллоу неожиданно оказался бластер. Он прорычал:

— Прошу помнить, что я не знаю такого понятия, как «нарушение субординации». И если кто-нибудь попытается учить меня, что мне делать, я ему преподам хорошую науку.

Бластер остановился на Твере. Старый торговец с трудом разжал сцепленные пальцы, опустил руки. Он тяжело, с присвистом дышал.

Тинтере вышел. Через пять минут от толпы отделилась фигурка. Человек шел медленно и осторожно. Дважды поворачивал назад, но вопли разъяренной толпы гнали его к звездолету.

— Отлично, — процедил сквозь зубы Мэллоу и указал на миссионера бластером. — Грин и Эпшер, выведите его.

Миссионер взвизгнул, как раненый зверь, и в полном отчаянии воззвал к небесам, воздев руки. Тяжелые рукава сутаны упали и обнажили почти до плеч его худые, покрытые сетью расширенных вен руки. Что-то сверкнуло. Мэллоу непроизвольно моргнул и повторил приказ.

Миссионер, пытаясь освободиться от крепких рук державших его солдат, выкрикивал:

— Будь проклят предатель, отдающий своего ближнего на поругание и смерть! Да оглохнут уши, которые глухи к мольбам слабого и беспомощного! Да ослепнут глаза, которые слепы к невиновности! Да почернеет навеки душа, соединившаяся с мраком...

Твер закрыл уши руками.

Мэллоу убрал бластер и спокойно приказал:

— Всем разойтись по своим постам. Сохранять полную боевую готовность в течение шести часов после того, как разойдется толпа. После этого — сдвоенные вахты на сорок восемь часов. Потом будут новые инструкции. Твер, пойдете со мной.

...Через пять минут они были в каюте Мэллоу. Он знаком предложил Тверу сесть. Твер был удручен и подавлен до крайности.

Мэллоу с нескрываемой иронией смотрел на него.

— Твер, — сказал он мягко, — вы меня разочаровали. Три года политической карьеры напрочь изжили в вас торговца! Помните: в Академии я могу быть демократом, но нечего удивляться тому, что на корабле я — тиран и деспот. При всем том я еще ни разу в жизни не доставал бластера в присутствии моих людей. И теперь бы не достал, если бы вы меня не вынудили.

Твер, у вас нет на корабле официальной должности. Вы находитесь здесь исключительно по моему личному приглашению, и я готов оказывать вам всяческие знаки гостеприимства. Тем не менее с сегодняшнего дня в присутствии моих офицеров и любого члена команды я для нас не «Мэллоу», а «сэр». И когда я буду отдавать распоряжения, не советую вам хотя бы из самосохранения вскакивать, будто вы новобранец и командир выкрикнул вашу фамилию. Иначе я буду вынужден применить крайние меры, что весьма прискорбно. Я излагаю ясно?

Лидер партии торговцев сглотнул набежавшую слюну и прошептал:

— Мои извинения...

— Приняты. Вашу руку!

Потные пальцы Твера скользнули в железобетонную ручищу Мэллоу. Дрожащим от волнения голосом он проговорил:

— Я действовал из лучших побуждений, поверьте! Мы же послали его на верную смерть. Этот сиволапый губернатор не сможет его спасти. Это же просто убийство!

— Ничего не могу поделать. Твер, эта история плохо пахнет. Вы ничего не заметили странного?

— А-а-а... вы?

— А вот посмотрите... Космопорт находится а весьма отдаленном от населенных районов месте. Откуда ни возьмись бежит миссионер. Откуда? Но бежит именно сюда. Зачем? Совпадение? Собирается огромная толпа. Откуда она взялась? Ближайший мало-мальски населенный городок находится как минимум в ста милях отсюда. А они добираются за полчаса. Каким образом?

— Да, каким образом? — эхом отозвался Твер.

— А как насчет того, что миссионер был доставлен сюда и выпущен как приманка? Наш друг, преподобный Парма, был поначалу просто-таки здорово смущен.

— Но... жестокое обращение... — пробормотал Твер.

— Может быть! А может быть, они думали, что мы будем настолько благородны и милосердны, что тут же бросимся на его защиту. А ведь он нарушил законы и Кореллии, и Академии. И если я оставляю его на борту, то фактически объявляю войну Кореллии, а Академия при всем желании не может нас защитить.

— Ну, это... вы, пожалуй, перехватили...

Мэллоу не успел ответить, поскольку пискнул сигнал вызова и раздался голос:

— Сэр, получено официальное сообщение!

— Немедленно! Срочно передайте!

Сияющий стальной цилиндр тут же вывалился в приемник пневмопочты. Мэллоу раскрыл его, вынул лист бумаги и внимательно пробежал глазами.

— Телепортировано прямо из столицы. Из личных апартаментов Командора.

Мэллоу громко, от души расхохотался:

— Значит, Твер, вы считаете, что я перехватил? Тогда читайте. И обратите внимание на странное совпадение: через полчаса после того как передали им миссионера, мы наконец получаем приглашение навестить августейшего Командора. После семи дней молчания и ожидания! Лично я полагаю, что экзамен выдержан с честью!

Командор Аспер, по его собственному определению, был человек из народа. Шишковатая голова его почти совсем облысела, лишь оставшиеся на затылке длинные волосы жиденькими сосульками спускались до плеч. Сорочка давно нуждалась в стирке. К тому же он гнусавил.

— Не хочу хвастаться, торговец Мэллоу, — говорил он, вышагивая рядом с Мэллоу по дорожкам сада, — но в моем лице вы видите не кого-нибудь, а просто первого гражданина государства. Вот что означает «Командор». Это мой единственный титул.

Казалось, ему самому страшно нравится все, что он говорит.

— Именно это, — продолжал он, — как ничто другое, связывает наш народ с народом Академии. Я чувствую, как вы радуетесь благам республиканского строя.

— Безусловно, Командор, — ответил Мэллоу торжественно. — Позволю себе заметить, что как раз в этом мне видится надежда на мир и дружбу между правительствами и народами наших стран.

— О да! Мир и дружба, это замечательно!

Физиономия Командора озарилась сентиментальной улыбкой, отчего жиденькие патлы на затылке зашевелились.

— Хочу заверить вас, — продолжал он, — что никто на Периферии не принимает так близко к сердцу идеалы мира, как я. С полной ответственностью могу заявить, что с той самой поры, как я сменил своего августейшего отца на посту руководителя государства, у нас воцарились мир и благоденствие. Может быть, и не следовало говорить вам об этом, возможно, это прозвучит нескромно... (он театрально прокашлялся), но мне говорили, что мой народ, вернее — мои сограждане, называют меня Аспером, Горячо Возлюбленным.

Мэллоу с любопытством рассматривал хорошо ухоженный сад. Казалось вероятным, что в темных уголках, за густыми зарослями, прячутся вооруженные охранники. Но его внимание привлекло другое: высокие, массивные, обитые сталью стены, окружавшие сад, были не так давно укреплены. Что-то не вязалось это с репутацией народного любимца...

— Какая удача, — сказал Мэллоу, — что я имею дело именно с вами, Командор, а не с деспотами и тиранами окружающих миров, среди которых и в помине нет просвещенных монархов. Да, их, пожалуй, никто не зовет

«горячо возлюбленными»...

— Неужели? — вскричал Командор с напускным удивлением.

— Да-да, и все потому, что они не думают так, как вы, о счастье своих народов. Я просто уверен, что вы без усталы заботитесь о благосостоянии своих сограждан!

Командор, довольно улыбаясь, не отрывал глаз от посыпанной гравием дорожки сада. Они медленно шли вперед.

Мэллоу вкрадчиво продолжал:

— Командор! До сегодняшнего дня отношения между нашими странами сильно страдали из-за того, что ваше правительство применяло ограничения к нашим торговцам. Мне кажется, что именно вы давно понимаете преимущества свободной торговли.

— Свободной торговли? — испуганно пробормотал Командор.

— Да-да, свободной торговли! Вы должны понять как просвещенный и трезвомыслящий человек, что она была бы выгодна для обеих сторон. У вас есть кое-что, что нужно нам, а у нас что-то, что нужно вам. Речь идет всего-навсего о взаимовыгодном обмене, который обеспечил бы ваше процветание. Такой просвещенный правитель, такой друг народа, как вы, думаю, не нуждается в объяснениях, почему и насколько это важно. Надеюсь, я не оскорбил ваших чувств таким предложением?

— Ну что вы, конечно, нет! Я понимаю. Но все-таки... (в голосе Командора появились отечески-укоризненные нотки) ваши люди частенько вели себя опрометчиво, даже неразумно. Что касается лично меня, то я всей душой за торговлю! Она просто-таки необходима нашей экономике. Но... не такая, как вы предлагаете. И потом... я здесь не хозяин. Я ведь просто выразитель, если можно так сказать, общественного мнения. Мой народ не желает принимать торговлю, одетую в пурпур и золото!

Мэллоу остановился.

— Вы имеете в виду то, что наша торговля сопровождается обязательным введением нашей религии?

— Конечно! Это же было всегда и везде! Вы наверняка знаете, что случилось на Асконе двадцать лет назад? Сначала ваши продали там кое-какие штучки, а потом потребовали обязательного присутствия миссионеров, потому что без них эти штучки не работали. Ну и понастроили всякого-разного — Храмы Здоровья, или как они там называются... Ну вот... А потом пошло-поехало: открыли религиозные школы, служителям культа дали особые права, и что в итоге? А? Аскон теперь — пешка в системе Академии, и Верховный Магистр, извиняюсь за выражение, свое нижнее белье, наверное, не имеет права считать личной

собственностью! Нет-нет! И не уговаривайте! Наш народ — народ свободный и гордый, и этого он не примет никогда!

— Я не собираюсь предлагать вам ничего подобного, — спокойно возразил Мэллоу.

— То есть?

— Я — Мастер Торговли. Единственная моя Религия — деньги. Весь этот мистицизм и фокусы-покусы миссионеров я сам не терплю! Искренне рад, что в вашем лице нахожу единомышленника. Очень, очень рад, что мы хорошо понимаем друг друга.

Командор тоненько захихикал:

— Неплохо сказано! Ей-богу, Академии давно следовало прислать вас! Он по-товарищески потрепал торговца по могучему плечу.

— Однако, мой друг, вы мне сказали не все. Чего вы не предлагаете, я понял. Но что же вы, в таком случае, предлагаете?

— Только одно — нескончаемые богатства и процветание, Командор!

Командор шмыгнул носом.

— А что делать с богатствами? Мое единственное богатство — любовь народа! Она у меня есть, и больше мне ничего не надо!

— Ну, одно другому не помеха. Можно ведь одной рукой загребать золото, а другой — народную любовь.

— Ну если так, молодой человек, то это было бы очень, очень недурно... Только как же это делается, а?

— О, Командор, для этого есть масса способов! Так много, что просто трудно выбрать. Ну, скажем, предметы роскоши. Вот тут у меня с собой есть одна вещица...

Мэллоу вытащил из кармана куртки плоскую длинную цепочку из блестящего металла.

— Это что такое?

— Видите ли, нужно на ком-нибудь показать... У вас тут есть молодые девушки? И еще — нужно большое зеркало, в полный рост.

— Хм-м-м... Ну, давайте тогда пойдем в дом.

Командор назвал свое жилище домом. Однако уместнее было бы назвать его дворцом. Тем не менее от острого взгляда Мэллоу не укрылись кое-какие мелочи, позволившие ему сделать вывод, что дом Командора был еще и его крепостью. Дом стоял на холме. Весь город лежал внизу, под его стенами. А степы дома были основательно укреплены. Все подходы к дому охранялись, и вообще композиция постройки говорила сама за себя...

«Да уж... — подумал Мэллоу, — как раз такое жилище лучше всего

подходит Асперу, «горячо возлюбленному»...

В комнату вошла молодая, стройная девушка. Она низко поклонилась Командору. Тот пояснил Мэллоу:

— Одна из служанок Командорши. Подойдет?

— Вполне! — улыбнулся Мэллоу.

Под пристальным взглядом Командора Мэллоу подошел к девушке и обернул цепочку вокруг ее тонкой талии.

— Это все? — скептически прогнусавил Командор.

— Будьте так любезны, Командор, опустите, пожалуйста, занавески! Девушка, прошу вас — там около пряжки маленькая кнопка. Нажмите ее. Да не бойтесь, это не страшно!

Девушка сделала так, как сказал Мэллоу, взглянула на свои руки и ахнула...

Фигурка, от талии до головы, озарилась мягким сиянием. Вокруг головы свечение напоминало корону. Словно кто-то снял с неба звезду и прикрепил к ее платью. Девушка подошла к зеркалу и, затаив дыхание, любовалась своим отражением.

— А теперь наденьте вот это, — сказал Мэллоу и подал девушке ожерелье из невзрачных на вид камешков.

Девушка надела ожерелье, и каждый камешек в нем, отразив сияние, исходившее от пояса, загорелся своим огнем.

— Нравится? — с улыбкой спросил Мэллоу.

Девушка не ответила — за нее говорили сверкавшие восторгом глаза. Командор махнул рукой, и она с явной неохотой нажала кнопку — сияние погасло. Сняв пояс и ожерелье, она с поклоном передала их Мэллоу и ушла, унося с собой память о чуде...

— Это вам, Командор, — смиренно передавая Командору украшения, проговорил Мэллоу. — Для Командорши. Скромный подарок от Академии.

— Хм-м-м...

Командор огорошенно вертел в руках пояс и ожерелье, как бы взвешивая их.

— А... как они устроены?

Мэллоу пожал плечами:

— Вопрос не ко мне — я не специалист. Хочу только вот что подчеркнуть — для того чтобы эта красота действовала, вам не понадобятся священники!

— Да... но... в конце концов, это всего-навсего бабские побрякушки. Мне-то они на что сдались? Разве на этом можно сделать деньги?

— Скажите, Командор, у вас бывают балы, приемы, банкеты — что-

нибудь в этом роде?

— Да... конечно, — нехотя признался Командор.

— Вы же понимаете, что любая женщина станет мечтать о таких украшениях? Можно запросить тысяч десять как минимум.

До Командора наконец дошло.

— Ага! — крикнул он и хитро улыбнулся, потирая руки.

— А поскольку батарейка, питающая эти украшения, — бодро продолжал Мэллоу, — действует не более шести месяцев, ее придется довольно часто менять.

Скажем так: сегодня мы в состоянии поставить столько украшений, сколько вы в состоянии приобрести по цене тысяча за штуку. В уплату нам желательно получить на такую же сумму чугуна. Тем самым ваша выгода составит девятьсот процентов.

Командор поглаживал жидкую бороденку и сосредоточенно подсчитывал в уме. Наконец он обрадовался:

— Черт подери, я представляю, как бабы передерутся из-за этих безделушек! А я нарочно буду продавать понемножку, чтобы они побесились на славу! Ну, не сам, конечно, буду продавать, это исключается...

Мэллоу пришел ему на помощь.

— Да, конечно, все можно подать как изделия мастерских, которых на самом деле не существует! Зачем же вам лично, вы правы! Только так! Кроме того, Командор, мы имеем возможность поставлять вам полные комплекты бытового оборудования. Прекрасные печи, которые жарят мясо за две минуты, ножи, не нуждающиеся в заточке, мини-прачечные, помещающиеся в обычной ванной, посудомоечные машины-автоматы, полотеры, пылесосы — все что угодно. Вы только представьте себе, как возрастет ваша популярность в народе, когда вы, именно вы, сделаете эти прекрасные, удобные вещи доступными для людей! Подумайте, сколько можно накупить на полученные доходы? Покупателям все это обойдется намного дороже, а знать, сколько вы заплатили, им вовсе не обязательно. Еще раз напоминаю — никаких священников! И все будут счастливы!

— Кроме вас, вроде бы. Вам-то какая выгода, не понимаю?

— Такая же, какую извлек бы любой торговец по законам Академии.

Я и мои люди получим половину суммы, вырученной от продажи. Вы купите то, что я предлагаю, и меня это вполне устроит. Вполне.

Командор, с явным удовольствием на физиономии, размышлял...

— Да-да, конечно... А что бы вы хотели взамен? Чугун?

— Чугун очень бы устроил. А также — уголь, бокситы. Не отказались

бы и от магния. С удовольствием приобрели бы дерево твердых пород, табак, перец.

— Неплохо, неплохо...

— Думаю, да. Кстати, есть еще предложение. Я мог бы помочь вам в переоборудовании ваших предприятий.

— Каких?

— Ну возьмем, к примеру, сталеобрабатывающие заводы. У меня с собой есть исключительно удобные компактные устройства для обработки стали, которые позволили бы вам удешевить ее производство и обработку раз в сто. Если вам угодно, я готов продемонстрировать устройства в действии. У вас в столице есть сталеобрабатывающий завод? Уверяю вас, это займет совсем немного времени!

— Это можно будет устроить, торговец Мэллоу, можно. Но только завтра, завтра... Вы отужинаете со мной?

— С удовольствием. Но... моя команда...

— Пусть все приходят! — махнул рукой Командор. — Это будет нечто вроде символического братания наших народов. А мы с вами еще поболтаем. Только...

Он нахмурился:

— Никаких религиозных штук! Не советую рассматривать мое приглашение и личную приязнь как возможность проникновения в Кореллию ваших миссионеров!

— Командор, — сухо отозвался Мэллоу, — даю честное слово, что религия не имеет никакого отношения к сделке.

— Вот и славно. Договорились, значит. К кораблю вас проводят.

Командорша была намного моложе мужа. У нее было холодное, злое, бледное лицо. Гладкие, блестящие черные волосы были зачесаны назад.

Войдя в комнату, она ехидно поинтересовалась:

— Вы уже закончили, о мой великодушный и благородный супруг? Совсем, совсем закончили? Надеюсь, теперь я могу выйти в сад?

— Ой, только не надо театра, Личия, — поморщился Командор. — Этот молодой человек пожалует к ужину, и ты еще успеешь всласть потрепаться. Нужно распорядиться, чтобы его людям отвели место. Очень надеюсь, что их не будет слишком много.

— Ага, не слишком много! Да наверняка жуткие обжоры. Каждому подавай четверть барана и бочку вина. А потом ты две ночи будешь стонать и думать, во что это обошлось!

— Ну, это как сказать, как сказать... Может, и не придется. Значит, так, дорогая, ужин должен быть — по высшему разряду!

Командорша подозрительно уставилась на супруга.

— Что-то ты церемонился с этим варваром! Даже не позволил присутствовать! Ну-ка, ну-ка, посмотри мне в глаза! Что ты задумал? Уж не пришло ли тебе в голову пойти против воли моего отца?

— С чего ты взяла?

— И я должна вот так поверить? О небо! Если и была когда на свете несчастнейшая из женщин, которая стала жертвой политики, выйдя замуж за нелюбимого, то это я! О, я могла встретить более достойного человека в своей стране! — причитала Командорша, заламывая руки.

— Послушай-ка, Личия, что я скажу. Наверное, золотце мое, тебе очень хочется вернуться в любимую страну. Я бы с превеликой радостью отпустил тебя на все четыре стороны. Только оставил на память себе, моя прелесть, маленький кусочек тебя, самый дорогой моему сердцу! Язык твой длинный я бы отрезал на память, — прошипел Командор. Он склонил голову и оценивающе оглядел супругу. — И чтобы ты стала еще красивее, я бы отрезал тебе уши и кончик твоего любопытного носа!

— Не посмеешь, старый шакал! Да мой отец может превратить тебя и весь твой презренный народец в космическую пыль! Стоит мне только рассказать ему, что ты любезничал с этими дикарями...

— Ну-ну, не надо мне угрожать, моя крошка! Можешь сама поговорить с ними вечером. А пока помалкивай!

— Ты мне еще приказывать будешь?

— Черт бы тебя побрал! На, возьми вот это и помалкивай!

Командор обернул пояс вокруг талии Личии и защелкнул на шее ожерелье. Нажал кнопку и отступил назад.

Командорша ахнула, всплеснула руками да так и не опустила их... Немного придя в себя, она стала перебирать пальцами камешки ожерелья, тихо постанывая...

Командор довольно потер руки и проворковал:

— Ну как.? Можешь надеть сегодня вечером. А после у тебя будет еще много таких штучек. Поняла? Так что — помалкивай.

И Командорша не сказала больше ни слова...

Джейм Твер беспокойно ерзал на стуле.

— Что вы улыбаетесь, Мэллоу?

Хобер Мэллоу очнулся от раздумий.

— Я? Улыбаюсь? Не заметил...

— Я так понимаю, что вчера кое-что произошло. Помимо пиршества, на котором вы все так перепились. Мэллоу, черт бы вас побрал, что случилось?

— Случилось? Ничего плохого, уверяю вас. Скорее наоборот. Просто у меня такое ощущение, что я ломился в открытую дверь. Уж больно просто оказалось проникнуть в самое сердце их сталепрокатной промышленности.

— Ловушка, Мэллоу?

— О, ради всего святого, только не драматизируйте! — поморщился Мэллоу и доверительно добавил: — У меня такое ощущение, что там просто смотреть не на что.

— Хотите сказать, что они не пользуются атомной энергией?

Твер погрузился в раздумья.

— А знаете, Мэллоу, лично у меня такое впечатление, что атомной энергетики тут нет и в помине. Очень трудно было бы замаскировать такую фундаментальную технологию!

— Да, но если только ее применение начато совсем недавно. И если атомная энергетика не применяется исключительно в военной промышленности. А вот это как раз можно заметить только в двух местах — на космических заводах и на сталеобрабатывающих.

— Ну а если мы там ничего не обнаружим...

— Следовательно, ничего нет. Или прячут. Хороша дилемма, а? Хоть монетку бросай!

Твер покачал головой:

— Жаль, что меня не было вчера...

— Мне тоже жаль. Я бы нисколько не возражал против вашей моральной поддержки. Но, увы, — парадом командовал Командор. А вот, кстати, правительственный автомобиль, который повезет нас на завод. Все готово, Твер?

Завод был большой, но запущенный настолько, что никакой поверхностный ремонт не скрасил бы атмосферу разрухи и беспорядка. Стояла неестественная тишина, поскольку на завод пожаловал Командор со свитой.

...Мэллоу закрепил стальной лист в двух суппортах, взял из рук Твера инструмент и крепко сжал кожаную рукоятку под свинцовым обшлагом.

— Этот инструмент, — сообщил он, — опасен не более, чем пчелиное жало. Но все-таки прошу руками не трогать.

Он изящно провел инструментом по прямой через длину листа стали, который тут же спокойно и беззвучно распался на две равные части.

Все присутствующие дружно ахнули, а Мэллоу спокойно улыбнулся. Он взял в руки одну из половин листа и сказал:

— Глубину резания можно установить с точностью до сотой доли дюйма, и двухдюймовый лист стали будет разрезан так же легко, как этот. Если глубина резки установлена точно, можно спокойно класть лист стали хоть на полированный стол, и на нем не останется ни царапинки.

Он говорил и продолжал демонстрировать возможности атомного резака. По цеху распространился запах окарины...

— Вот так, — сказал он, — обстоит дело со сталью. И вообще с любым плоским материалом. Допустим, вам необходимо уменьшить толщину листа, сгладить неровности, удалить ржавчину. Смотрите!

Стальной лист превратился в тонкую сияющую фольгу, Мэллоу регулировал инструмент, и ширина полос менялась — шесть дюймов, восемь, двенадцать...

— По тому же принципу осуществляется и сверление.

Вся свита во главе с Командором столпилась вокруг Мэллоу. Казалось, представление дает бродячий фокусник. Командор Аспер осторожно трогал полоски стали. Высшие чиновники вставали на цыпочки, заглядывали друг другу через плечо и оживленно шептались. А Мэллоу работал и работал... В листе стали появляться четкие, ровные, безукоризненно круглые отверстия.

— И еще вот что я вам покажу... Пусть кто-нибудь принесет два коротких куска стальной трубы.

Чей-то камердинер с готовностью откликнулся на просьбу Мэллоу. Не прошло и трех минут, как он, передав Мэллоу требуемое, отряхивал руки...

Мэллоу поставил куски трубы вертикально, провел по их краям инструментом и быстро прижал куски друг к другу. Они соединились! Да как! Шва не различить и под микроскопом!

Мэллоу оглядел присутствующих, начал было объяснять, но запнулся. У него противно засосало под ложечкой, замерло сердце...

Личная охрана Командора в общей суматохе покинула ответственный пост и протиснулась вперед. Мэллоу впервые увидел их так близко!

И их, и вооружение...

Ошибки быть не могло — атомные бластеры! Но даже это было не самым важным!

На прикладах бластеров красовалась эмблема: «Звездолет и Солнце».

Те самые «Звездолет и Солнце», которые украшали обложку каждого из огромных томов «Галактической Энциклопедии», все еще издающейся на Терминусе! «Звездолет и Солнце» — символ Империи!

Мэллоу говорил, но думал только об этом...

— Посмотрите на эту трубу — она целая. Конечно, это не самый лучший вариант. Я имею в виду, что соединение не должно производиться вручную.

Спектакль был окончен. Мэллоу узнал все, что хотел. Перед глазами у него стоял золотой шар солнца, окруженный острыми лучами, и обтекаемая сигара космического корабля... «Звездолет и Солнце» Империи!

Империя! В голове не укладывалось! Ведь прошло уже сто пятьдесят лет, а Империя, стало быть, еще существовала где-то в глубинах Галактики. И не только там. И здесь, на Периферии...

Мэллоу понимающе улыбнулся...

«Далекая Звезда» уже два дня была в пути, когда Хобер Мэллоу в своей каюте вручил лейтенанту Драуту конверт, кассету с микрофильмом и серебристый шарик.

— Через час, лейтенант, вы вступите в командование «Далекой Звездой». До тех пор, пока я не вернусь, или — навсегда.

Драут попытался встать, но Мэллоу жестом остановил его.

— Спокойно. Слушайте внимательно. В конверте содержится детальное описание вашего маршрута. На планете, которая указана там, вы ждете меня два месяца. Если Академия обнаружит вас раньше, имейте в виду, что микрофильм — это отчет о проделанной работе. Если же, — сказал он менее жестко, — через два месяца я не вернусь, то вы отправляетесь на Терминус и представляете в виде отчета капсулу. Ясно?

— Да, сэр.

— Ни при каких обстоятельствах ни вы, ни кто-либо другой из команды не должны добавлять к отчету ни слова.

— А если нас спросят, сэр?

— Вы ничего не знаете.

— Ясно, сэр.

...Так окончилась их беседа, и через пятьдесят минут от борта «Далекой Звезды» отчалил небольшой катер.

Онум Барр был стар. Слишком стар, чтобы бояться. Со времени последних беспорядков он жил один-одинешенек среди руин на окраине города. Ему было нечего терять, кроме последних дней своей жизни, поэтому он без страха взглянул на вошедшего незнакомца.

— У вас дверь была открыта, — сказал тот.

Говорил он с жутким акцентом. От глаз Барра не укрылось и странное оружие, висевшее у него на ремне. В полумраке маленькой комнатухи Барр хорошо видел мягкое сияние защитного поля, окружающее фигуру незнакомца.

— Нет нужды закрывать, — сказал он устало, — Ко мне никто не ходит. Что вам угодно?

— Хотел кое-что разузнать.

Незнакомец продолжал стоять в центре комнаты. Он был очень высокий, плотного телосложения.

— Я так понял, что, кроме вас, тут вообще никто не живет?

— Да, это заброшенное место, — подтвердил Барр. — Но к востоку отсюда есть город. Я могу показать вам дорогу.

— Не сейчас. Можно присесть?

— Садитесь, если стул выдержит, — грустно вздохнул старик. Да, мебель, как и ее хозяин, знавала лучшие времена...

— Меня зовут Ховер Мэллоу, — представился незнакомец. — Я из дальней провинции.

Барр кивнул и улыбнулся:

— Можно было не уточнять. Акцент вас сразу выдал. Я — Онум Барр из Сивенны, бывший патриций Империи.

— Значит, это Сивенна! У меня с собой только очень старые карты.

— А зачем им быть новыми? Звезды не сходят со своих мест.

Барр сидел неподвижно. Незнакомец с любопытством разглядывал комнатуху.

Барр заметил, что сияние защитного поля, окружавшее фигуру гостя, угасло, и с грустью отметил, что он уже никому не страшен — ни другу, ни врагу...

— Дом мой беден, — сказал Барр, — и припасов у меня немного. Если вы хотите разделить со мной трапезу, то могу предложить лишь черный хлеб да сухое зерно.

Мэллоу покачал головой.

— Нет-нет, благодарю, я сыт, да и задерживаться не могу. Вы мне только скажите, как добраться в правительственный центр.

— Это не составит большого труда. Только что вы имеете в виду: главный город планеты или столицу императорского сектора?

Гость удивленно прищурился.

— А разве это не одно и то же? Разве это не Сивенна?

— Да, Сивенна, — кивнул старый патриций. — Только Сивенна давно не столица Норманнского сектора. Да, даже старые карты подводят... Звезды не меняют своих мест, а вот политические границы слишком зыбки...

— Скверно. Очень скверно. И далеко новая столица?

— На Орше-II. Двадцать парсеков отсюда. Посмотрите на карте. Какого времени ваша карта?

— Издана сто пятьдесят лет назад.

— Так давно?

Старик вздохнул.

— С тех пор много воды утекло. И вы ничего не знаете?

Мэллоу покачал головой.

— Вам повезло, — грустно улыбнулся старик. — Более или менее спокойные времена для провинции были в царствование Станнеля-II. Он скончался пятьдесят лет назад. С тех пор — только бунты и разруха, разруха и бунты. И руины...

Мэллоу резко выпрямился. Стул угрожающе заскрипел...

— Как — руины? Вы хотите сказать, что провинции больше не существует?

— Да нет, не так чтобы. Кое-какие ресурсы есть, наверное, планетах на двадцати. Однако по сравнению с процветанием, которое царило здесь в прошлом столетии, мы здорово скатились вниз, и никаких признаков возврата к лучшему нет. Пока нет... А почему вы этим интересуетесь, молодой человек? И глаза у вас заблестели?

Торговец слегка покраснел. Старик попал в точку.

— Послушайте, — объяснил Мэллоу, — я торговец. Тружусь на задворках Галактики. Вот нашел старые карты и хотел попробовать найти новые рынки сбыта. Конечно, ваше сообщение о том, что провинция обеднела, меня расстроило, если не сказать больше. В мире, где денег нет, их не сделаешь. Ну а как обстоят дела в Сивенне?

Старик наклонился вперед, задумался.

— Даже не знаю, что сказать. Очень может быть, что даже и теперь не

так уж плохо. А вы действительно торговец? Вы больше смахиваете на военного. Рука на прикладе, шрам на виске...

Мэллоу запрокинул голову и расхохотался:

— Видите ли, в нашем мире тоже не все слава богу! Шрамы — следствие моей профессии. Но когда в конце концов получаешь денежки, можно и подраться. Неплохо было бы обойтись без этого, но что поделаешь? Ну а здесь-то как? Могу я тут сделать деньги и не заработать новых шрамов? Похоже, что дело обстоит наоборот?

— Пожалуй, наоборот, — улыбнулся Барр. — В принципе, можете поискать тех, кто остался от Вискарда, на Красных Звездах. Правда, не знаю, как лучше назвать то, чем они занимаются, — торговлей или пиратством. Кроме того, у вас есть возможность присоединиться к нашему нынешнему вице-королю — благословенному... благословенному убийце, воришке...

Морщинистые щеки старого патриция залил нервный румянец. Он закрыл глаза, а когда вновь открыл их, взгляд его стал по-птичьи зорок.

— Что-то вы не слишком любезно отзываетесь о вице-короле, уважаемый патриций Барр, — сказал Мэллоу. — А вдруг я шпион?

— А хоть бы и так, — спокойно откликнулся старик. — Что с меня взять?

Он обвел рукой комнату.

— Жизнь, например.

— О, это бы мне принесло только облегчение. Я уж и так лишних лет пять прожил. Но вы не из людей вице-короля. Были бы из них, я бы почувствовал и рта бы не раскрыл.

— А как бы вы почувствовали?

Старик, тихо рассмеялся:

— А вы подозрительны! Честное слово, могу поклясться, теперь вы думаете, что я пытаюсь спровоцировать вас на разговор, в котором вы могли бы неосторожно высказаться о правительстве. Нет-нет, уверяю вас, меня уже давно не интересуется политика.

— Не интересуется политика? Мне так не показалось! Как вы сказали о вице-короле — «убийца, воришка»?

Старик пожал плечами.

— Так, воспоминания нахлынули... Посудите сами: в те времена, когда Сивенна была еще столицей Провинции, я был патрицием и членом провинциального сената. Мой род — древний и знаменитый. Один из моих прадедов... а впрочем, ладно, хватит об этом...

— То есть, — осторожно проговорил Мэллоу, — у вас тут была

гражданская война или революция?

Лицо Барра помрачнело.

— Гражданские войны не прекращались в эти кошмарные годы. Но Сивенна всегда находилась в стороне. В годы царствования Станелля II она почти достигла своей былой славы и процветания. Но ему наследовали слабые императоры. А при слабых императорах всегда сильные вице-короли. И наш последний вице-король, Вискард, остатки приверженцев которого еще занимаются чем-то вроде торговли у Красных Звезд, возмечтал о королевской мантии. Да не он первый...

Но — не удалось. Потому что в тот день, когда Адмирал Империи приблизился к Сивенне во главе флота, Сивенна восстала против мятежного вице-короля.

Он печально вздохнул и замолчал. Мэллоу ерзал на краешке отчаянно скрипевшего стула. Его просто раздирало любопытство!

Но он сдержался и тихо попросил:

— Продолжайте, сэр!

— Благодарю вас, — кивнул Барр. — Вольно вам смеяться над старым человеком. Итак, они восстали. Вернее было бы сказать — мы восстали, поскольку я был один из второстепенных лидеров восстания. Вискард убрался из Сивенны, еле ноги унес, а планета и вся провинция были оставлены на попечение Адмирала и выразили полную и безоговорочную лояльность Императору. Почему мы так поступили, я и сам не понимаю. Может быть, мы выразили лояльность не более чем к символу, а не к самому Императору — жестокому и порочному мальчишке. Может быть, испугались ужасов.

— Ну и?.. — осторожно поторопил его Мэллоу.

— Ну и, — с горечью в голосе продолжал Барр, — это никак не устроило Адмирала. Ему до смерти хотелось присвоить себе славу завоевания мятежной планеты, а его людям хотелось добычи, сопутствующей завоеванию. И пока народ в городах выходил на улицы, славя Императора и его Адмирала, он потихонечку захватил все военные центры, а затем приказал перестрелять почти все население.

— Почему?

— Потому что они восстали против вице-короля — так объявил Адмирал. Он и стал новым вице-королем — после того, как целый месяц шли убийства, грабежи, насилие. У меня было шестеро сыновей. Пятеро погибли — все по-разному... У меня была дочь. Я надеюсь, что она погибла. Такая красавица... Я уцелел, потому что был стар. Поселился здесь, зная, что слишком стар для того, чтобы вице-король мной

интересовался. Они ничего, ничего мне не оставили, — сказал он, печально качая седой головой. — Потому что я помогал мятежному губернатору выбраться из города и лишил тем самым Адмирала славы его поимки...

Мэллоу молчал и ждал.

— А что случилось с вашим шестым сыном? — наконец спросил он.

— А? С последним? Он жив. Потому что вступил в армию Адмирала как простой солдат. Под чужим именем. Теперь он стрелок в его личной гвардии. О нет, не подумайте о нем плохо! Он хороший сын. Навещает меня, когда может, и что может, приносит мне. Только он один и поддерживает мою жизнь. А в один прекрасный день, когда наш замечательный вице-король сойдет в могилу, именно мой сын поможет ему в этом.

— И вы говорите это незнакомому человеку? Рискуете не только своей жизнью, но и жизнью сына!

— Нет, я как раз помогаю ему, потому что вижу в вас нового врага вице-короля. Знаете, был бы я ему другом настолько же, насколько я ему враг, то посоветовал бы послать на границу как можно больше кораблей.

— Хотите сказать, что на Периферии нет кораблей вице-короля?

— А вы их видели? Вас кто-нибудь остановил? Кораблей мало, не хватает даже для того, чтобы охранять границы соседних провинций, где хватает своих интриг и беспорядков. Но, кстати сказать, издавна нам еще никто не угрожал, — пока не появились вы.

— Я? Да я вовсе не опасен.

— За вами придут другие.

Мэллоу пожал плечами:

— Что-то я вас не понимаю.

— Послушайте! — неожиданно резко сказал старик. — Я сразу все понял, как только вы вошли. Вокруг вас было защитное поле.

— Да. Было, — признался после короткой паузы Мэллоу.

— Я сразу заметил, но ничего не сказал. Я кое-что в этом понимаю. В наше страшное время немодно быть ученым. Все так быстро меняется — как прилив и отлив... Но когда-то я им был, и вся история развития атомной энергетики мне неплохо знакома. Насколько я помню, ни в одном учебнике не упоминалось о портативном защитном поле. У нас есть защитные поля, но они огромны — целые здания. Они рассчитаны на то, чтобы защищать города, корабли, но никак не отдельного человека.

— Вот как? — удивленно приподнял брови Мэллоу. — И какой же вывод вы делаете?

— До нас доходили кое-какие слухи. Правда, похоже, что

перевернутые... Но когда я был молод, у нас появился небольшой корабль с людьми, довольно странными. Они не знали наших обычаев и не могли объяснить, откуда прилетели. Рассказывали о волшебниках, которые живут на краю Галактики. О волшебниках, которые сияют в темноте, летают без всяких приспособлений и которых нельзя убить никаким оружием. Мы тогда смеялись. Я тоже смеялся... До сегодняшнего дня я не вспоминал про эти байки... Но вот пришли вы — и сияете в темноте, и я почти уверен, что мой бластер, если бы он у меня был, не смог бы вам повредить. А летать вы умеете?

— Нет, — спокойно отозвался Мэллоу.

— Мне нравится ваш ответ, — отозвался старик. — Я не имею привычки экзаменовать своих гостей. Но если эти волшебники действительно существуют и вы — один из них, в один прекрасный день вас — или их станет больше... Может быть, это будет даже хорошо. Наверное, нам просто необходима инъекция свежей крови.

Барр что-то забормотал про себя, потом проговорил:

— Но есть и обратная сторона медали, Об этом, конечно, мечтает и наш новоиспеченный вице-король, как до него мечтал Вискард.

— Что, тоже охотится за имперской короной?

Барр кивнул:

— Мой сын много слышит. Наш новый вице-король не откажется от короны, если ему предложат. Но пока он держит оборону. Поговаривают, что он собирается создать новую Империю на задворках Галактики. Так говорят, но я не уверен, что так. Вроде бы он уже выдал свою дочь замуж за какого-то варварского князька.

— Ну если слушать всю болтовню...

— Конечно. Я стар и несу чепуху. Ну а вы-то что скажете?

Он пристально смотрел на Мэллоу.

Немного помолчав, торговец ответил:

— Да ничего я не скажу. Но хочу спросить, на Сивенне есть атомная энергия? Есть ли у них работающие генераторы или во времена беспорядков их разрушили?

— Разрушили? О нет! Скорее, смели полпланеты, чем разрушили хоть одну самую маленькую атомную станцию. Все стоят на своих местах и снабжают энергией корабли. Наши станции не хуже, чем на Тренторе, — с гордостью ответил он.

— И как можно их увидеть?

— Это невозможно! — отрезал Барр. — Да вы и близко не подойдете ни к одному военному центру. Вас пристрелят на месте. Это еще никому не

удавалось. Ведь Сивенна до сих пор лишена гражданских прав.

— Все атомные станции охраняются военными?

— Не все. Существуют еще небольшие станции, которые снабжают город теплом и электричеством. Но и там не проще. Их охраняют технологи.

— Кто они такие?

— Каста специалистов. Профессия передается по наследству. У них невероятное чувство ответственности. Кроме технологов, никто не имеет права входить в помещение станции.

— Ясно.

— Но я не хочу сказать, — добавил Барр, — что не бывало случаев, когда технологов подкупали. Во времена, когда за пятьдесят лет у нас сменилось девять императоров, когда любой капитан-звездолетчик вынужден то и дело присягать очередному вице-королю или сам мечтает стать вице-королем, даже технолог не устоит, если ему предложить денег. У вас есть деньги?

— Деньги? Нет. Но подкупить можно не только деньгами, правда?

— А чем же еще, если все покупается за деньги?

— О, есть многое, чего и за деньги не купишь... А теперь подскажите мне, где находится ближайший город с атомной станцией? Я вас отблагодарю.

— Постойте, — сказал Барр, протянув к Мэллоу иссохшие руки. — Куда вы торопитесь? Вы пришли ко мне, и я не задавал вам вопросов. Но в городе, все жители которого до сих пор считаются мятежниками, у вас прежде всего потребуют документы. А вы говорите со страшным акцентом и одеты необычно.

Тут он встал, удалился в угол комнаты и вернулся с небольшой книжечкой.

— Вот мой паспорт. Мне удалось его сохранить. Он вложил паспорт в ладонь Мэллоу.

— Описание внешности, как вы понимаете, не сходится, но, возможно, вам повезет, и они не станут приглядываться.

— А вы? Как же вы останетесь без паспорта?

Старый отшельник равнодушно пожал плечами.

— Ну и что? Вот еще: старайтесь говорить поменьше. Язык ваш — враг ваш. А сейчас я расскажу вам, как лучше добраться до города.

Через пять минут Мэллоу ушел.

Когда на следующее утро Онум Барр вышел из дома в свой крошечный садик, он нашел у крыльца ящик. Там была еда — консервы, которые

обычно берут с собой в далекие путешествия на звездолетах. Они были незнакомого вкуса, странно приготовлены. Но вкусные, и хватит их надолго...

Технолог оказался прыщавым коротышкой с жидкими сальными волосами, сквозь которые просвечивала багровая лысина. На мясистых пальцах красовались крупные перстни, от одежды разило потом. Он был первым человеком в Сивенне, который не показался Мэллоу голодным.

Липкие губы технолога лениво шевельнулись.

— Ну, валяй, да побыстрей. Дел полно. А ты, похоже, не из нашенских, — сказал он, подозрительно оглядывая Мэллоу сквозь редкие ресницы.

— Да, я нездешний, — признался Мэллоу. — Но это к делу не относится. Кстати, вчера я послал вам небольшой подарочек.

— Да. Мне передали. Забавненькая безделушка. Может, я ею и воспользуюсь.

— У меня есть и другие, не менее интересные вещицы. И не только безделушки.

— Так... Ясненько. Похоже, я понимаю, как у нас дальше дело пойдет. Начнешь предлагать мне всякую дребедень. Пару кредиток, тряпки, побрякушки — всякое такое, чем, как кажется твоей грязной душонке, можно подкупить честного технолога!

Он продолжал, презрительно выпятив нижнюю губу:

— Я знаю даже, чего ты хочешь взамен. Много вас таких шляется.

Только одного и надо. Меня не проведешь! Хотите втереться в наш благородный клан, хотите постичь тайны атомной науки и научиться обращаться с техникой! Вы, собаки сивеннские, думаете... Между прочим, плевать я хотел на твою болтовню, будто ты нездешний. Хрена лысого я тебе поверил! Все вы думаете, что если попадете в технологи, так уйдете от наказания за мятеж. Спрятаться хотите — технологи-то неприкосновенны. Знаю я вас...

Мэллоу собрался возразить, но технолог остановил его властным жестом.

— А теперь, — взревел он, — убирайся вон, пока я не сообщил твое подлое имя коменданту города. Ты что, всерьез думаешь, что я запросто нарушу клятву? Те сивеннские предатели, что тут работали до меня, — те, может, и согласились бы. Но ты меня не за того принимаешь. Как жаль, что я тебя не сразу прикончил вот этими самыми руками!

Мэллоу мысленно улыбался. Из технолога вышел бы неплохой

трагик... Торговец бросил взгляд на жирные лапы технолога, украшенные массивными перстнями, — те самые, которыми он грозился его придушить, и сказал:

— Ваше Мудрейшество, вы не правы. Во-первых, я не шпион вице-короля, явившийся сюда затем, чтобы проверить вашу лояльность. Во-вторых, я хочу предложить вам кое-что, чего нет у самого Императора. В-третьих, взамен мне нужно совсем немного. То есть практически совсем ничего.

— Вот как ты заговорил! — прищурился технолог. — Ну и какие же такие царские дары ты готов бросить к моим ногам? Чего же это такого нет у самого Императора? — выговорил технолог, давясь от смеха. Мэллоу встал и отодвинул в сторону стул.

— Три дня я ждал, когда вы соизволите принять меня, Ваше Мудрейшество, но то, что я хочу вам показать, не займет более трех секунд. Будьте так любезны, возьмите бластер...

— Чего-чего?

— И выстрелите в меня. Я буду весьма вам признателен.

— Чего?!!

— Если вы меня прикончите, можете спокойно объяснить полиции, что я пытался вас подкупить, чтобы вы выдали мне секреты вашей гильдии. Вас щедро вознаградят. А если вы меня не прикончите, я вам подарю свое защитное поле.

Тут технолог впервые заметил, что его гость окружен бледным сиянием. Он поднял бластер, прицелился и выстрелил.

Молекулы воздуха пронзил атомный разряд. Они распались на сверкающие, горящие ионы, вытянулись в ослепительный, тонкий луч, добрались до груди Мэллоу и...

Смертоносный луч испарился. Мэллоу даже не пошевелился.

Бластер технолога с глухим стуком брякнулся на пол.

Мэллоу спокойно поинтересовался:

— Ну так что — есть у Императора персональное защитное поле? А у вас будет.

Технолог в страхе прошептал:

— Ты... вы... что, технолог?

— Нет.

— Т-тогда откуда у вас это?

— А вам какая разница? Хотите или нет?

На стол легла топкая цепочка с кнопкой на запястье. Технолог судорожно схватил ее и стал разглядывать, Дрожа от волнения.

— Это... она целая? Вся?

— Вся.

— Как включать?

Мэллоу нажал кнопку.

Технолог поднял на Мэллоу взгляд, исполненный ужаса и удивления.

— Сэр... Я — технолог высшей квалификации. Уже двадцать лет я работаю инструктором. Я учился на Тренторе у великого Блера! Вы или подлый шарлатан, который пытается уверить меня, что внутри крошечной коробочки величиной... черт бы меня побрал, с лесной орех находится атомный генератор, или... нет, надо тебя к коменданту отвести!

— Это от вас не уйдет. А объяснять тут нечего. Я вам серьезно говорю, что устройство — в полном комплекте.

Технолог побледнел, застегнул цепочку на запястье и нажал кнопку дрожащей рукой... Его тут же окружило мягкое сияние... Он поднял бластер, но тут же опустил его. Судорожно перевел регулятор интенсивности облучения на минимум. Нервно нажал спусковой крючок, нацелив бластер на собственную ладонь... Луч спокойно оттолкнулся от руки, не причинив технологю никакого вреда...

Технолог поднял голову, обалдело уставился на Мэллоу и прохрипел:

— А... если я возьму да и выстрелю в вас?

— Валяйте, — равнодушно отозвался Мэллоу. — Вы что, думаете, я вам последний отдал?

Его массивную фигуру тут же окружило голубоватое сияние.

Технолог нервно поежился. Бластер лег на крышку стола...

— Ну ладно, говорите. Чего хотите взамен?

— Я хотел бы взглянуть на ваши генераторы.

— Нет! Это запрещено! Нас могут вышвырнуть в открытый космос!

— Не собираюсь я к ним прикасаться. Только взгляну.

— А если я не соглашусь?

— Если не согласитесь, то останетесь при своем. У вас теперь есть защитное поле. А у меня есть еще кое-что. Например, бластер, который пробивает защитное поле.

Глаза технолога алчно заблестели.

— Г-м-м... Пойдемте со мной!

Коттедж технолога располагался позади большого здания без окон, кубической формы, стоявшего в самом центре города. Мэллоу последовал за технологом по подземному переходу, и вскоре оба очутились в безмолвной, пахнущей озоном атмосфере атомной станции.

Еще минут пятнадцать он шел по залам станции за своим проводником. Мэллоу молчал, ничего не трогал. Но от его внимательного взгляда ничто не ускользнуло.

Наконец технолог хрипло поинтересовался:

— Может быть, хватит?

— Хватит, — усмехнулся Мэллоу.

Они вернулись в кабинет. Мэллоу спросил:

— Все эти генераторы — в вашем ведении?

— Все, — печально вздохнул технолог.

— И вы отвечаете за то, чтобы они нормально работали?

— Да.

— А если они выйдут из строя?

Технолог упрямо замотал головой:

— Они не выходят из строя. Они никогда не выходят из строя! Они построены навечно!

— Вечность — это, конечно, очень долго. Ну а если предположить, что...

— Предполагать невозможное — антинаучно!

— Хм... Но если все-таки предположить, что жизненно важные центры повредит, к примеру, атомный взрыв. Ну, там, расплавятся главные соединения или будет повреждена дельта-лучевая трубка... Что тогда?

— Тогда, — рявкнул технолог, — вам конец!

— Я не об этом! — рявкнул в ответ Мэллоу. — Генератор меня интересует! Его можно будет починить?

— Сэр! — взмолился технолог. — Мы с вами в расчете! Я сделал то, о чем вы просили. Уходите! Я больше вам ничего не должен!

Мэллоу усмехнулся, кивнул и вышел.

...Через два дня он вернулся на «Далекую Звезду», ожидавшую в условленном месте, и отбыл на Терминус.

Через два дня защитное поле технолога пропало, и как он ни чертыхался и ни тряс цепочку, так и не загорелось вновь...

Впервые за полгода Мэллоу отдыхал по-настоящему. Лежа на спине, он загорал в искусственном солярии своего нового дома. Забросив руки за голову, он наслаждался теплом и покоем...

Человек, стоявший рядом, вложил в губы Мэллоу сигарету и чиркнул зажигалкой. Потом закурил сам и произнес:

— Чувствую, вы здорово устали. Вам бы отдохнуть подольше.

— Может, вы и правы, Джаэль, но лучше я отдохну в кресле Совета. Я должен его занять, а вы должны мне в этом помочь.

Анкор Джаэль удивленно вскинул брови и спросил:

— Каким образом?

— Очень просто. Во-первых, вы в политике собаку съели. Во-вторых, Джоран Сатт вас из Совета выкинул за шкуру. В-третьих, он скорее добровольно ослепнет на один глаз, чем согласится увидеть меня в Совете. Шансы мои невысоки, правда?

— Естественно, — согласился бывший Министр Образования. — Вы — смирнианец.

— Ну, это дело десятое. Законом не запрещено. У меня высшее светское образование.

— Не в том дело. Нет законов, которым подчинялись бы предрассудки. Вы мне лучше скажите, что по этому поводу думает ваш приятель Джейм Твер?

— Он еще год назад прожужжал мне все уши на тему о том, что мне необходимо баллотироваться в Совет! — лениво отозвался Мэллоу. — Но он мне уже не помощник. Не потянет. Он не настолько глубок и тонок. Шума много, а толку — чуть. Мне нужен настоящий помощник. Мне нужны вы.

— Мэллоу, но Джоран Сатт — крупнейший политический деятель планеты, и вы его восстанавливаете против себя! Мне с ним не справиться. К тому же он способен на игру исподтишка.

— У меня есть деньги.

— Это хорошо. Но предрассудки стоят очень дорого! Не забывайте, для них вы — грязный смирнианец!

— У меня очень много денег.

— Ну хорошо, я подумаю. Только не считайте, что я вам подал надежду, ладно?

Раздался звонок.

— Кто это там? — удивился Джаэль.

— Не иначе как Джоран Сатт, собственной персоной. Рановато, Но я его понимаю. Я скрывался от него целый месяц. Знаете что, Джаэль? Подите-ка в соседнюю комнату и потихонечку включите видеофон. Хочу, чтобы вы послушали.

Обескураженный отставной министр вышел, а Мэллоу спустил ноги с кушетки, встал и завернулся в мягкий шелковый халат.

...Секретарь мэра вошел твердой поступью. Невозмутимый мажордом, сопровождавший его, вернулся к двери и тихо прикрыл ее.

Мэллоу щелкнул пряжкой ремня и любезно проговорил:

— Присаживайтесь!

Сатт нервно усмехнулся. Сел в первое попавшееся кресло — на краешек, будто засиживаться не собирался.

— Мэллоу, если вы сразу скажете ваши условия, мы скорее перейдем прямо к делу.

— Это какие же условия?

— Не валяйте дурака, Мэллоу. Ну ладно, спрашиваю прямо: что вы делали в Кореллии? Ваш отчет — не более чем отписка!

— Интересно! Я сдал отчет два месяца назад. Тогда он вам вроде бы понравился.

— Да! — выпалил Сатт, ожесточенно потирая лоб. — Но с тех пор вы развили бешеную деятельность! Нам известно многое из того, чем вы занимаетесь. Мы знаем точно, сколько фабрик вы строите, и как торопитесь, И во что вам это обходится. И потом — эти ваши хоромы...

Сатт обвел взглядом роскошно обставленную комнату и продолжал:

— Вам это обошлось не меньше, чем мое годовое жалование!

— Ну? И какие же из этого следуют выводы, кроме того, что ваша разведка неплохо работает?

— Выводы вот какие: у вас завелись деньги, которых год назад не было. А означать это может что угодно. Например то, что вы в Кореллии совершили выгодную сделку, о которой не поставили нас в известность. Откуда у вас деньги?

Сатт, дорогой мой, вы что, серьезно думаете, что я вам все так и расскажу?

— Нет. Не думаю. Поэтому отвечу сам. Денежки ваши — из казны Командора Кореллии!

Нервно моргая, Сатт ждал реакции Мэллоу.

Мэллоу улыбнулся и ответил:

— Наверное, я вас очень огорчу, но деньги совершенно законные. Я — Мастер Торговли. Деньги, которые я там получил, это стоимость чугуна и хрома, вырученных за кое-какие безделушки, которые мне удалось им всучить. Половина выручки по контракту — моя, Вторая половина отойдет правительству в конце финансового года после выплаты налогов.

— В вашем отчете нет ни слова о контракте!

— Ну, мало ли чего там нет! Там не сказано ни о том, например, что я ел сегодня на завтрак, ни о том, как зовут мою теперешнюю любовницу, и еще много чего!

Улыбка не сходила с лица Мэллоу.

— Я был послан туда, если процитировать ваши собственные слова, для того, чтобы смотреть на все широко открытыми глазами. Я их не закрывал. Вы хотели узнать, что случилось с пропавшими кораблями? Я их не видел и не слышал о них ни слова. Вы хотели узнать, обладает ли Кореллия атомным оружием? Я сообщил, что, кроме ручных бластеров у телохранителей Командора, я ничего такого не заметил. Я сообщил также, что их бластеры — имперские реликвии, так что, возможно, они в нерабочем состоянии. То есть, сообщил все, что узнал и увидел.

Таким образом, ваши указания я выполнил, и я — свободный торговец. По законам Академии Мастер Торговли имеет право открывать новые рынки сбыта, где только возможно, и получать причитающуюся ему половину прибыли. Есть возражения?

Сатт сидел, уставившись в одну точку. Наконец он сказал, с трудом сдерживая раздражение:

— Но впереди торговли по обыкновению идет религия.

— Я действую в соответствии с законом, а не повинуюсь обычаям.

— Бывают времена, когда обычаи превыше законов!

— В таком случае, обратитесь в суд.

Сатт мрачно взглянул на Мэллоу.

— Вы смирнянец до мозга костей. Это в вас сидит несмотря на то, что вы получили образование и бог знает сколько уже живете на Терминусе. Но все равно, послушайте меня и постарайтесь понять.

Существуют вещи поважнее денег и рынков сбыта. Существует наука, созданная великим Гэри Селдоном, согласно которой от нас зависит будущее Галактики, будущее новой Империи, и мы не можем свернуть с пути, ведущего нас вперед. А религия — наш мощный инструмент.

Именно благодаря ей мы подчинили себе Четыре Королевства, причем тогда, когда у них была полная возможность разделаться с нами. На сегодняшний день мы не располагаем более мощным средством

воздействия на человеческие души и миры.

Именно религия была причиной распространения торговли и появления торговцев, которые должны были не просто торговать, но внедрять нашу религию, а посредством ее — и принципиально новую технологию, и в корне иную экономику.

Он остановился, чтобы набрать воздуха, но Мэллоу небрежно прервал его:

— Можете не тратить слов. Я все это прекрасно знаю.

— Знаете? Трудно поверить. Но если вы действительно это знаете, то не можете не согласиться с тем, что ваши отношения с Кореллией — это торговля ради торговли. В условиях массового производства дорогих безделушек, продажа которых окажет лишь поверхностное воздействие на галактическую экономику, в условиях, когда в межзвездной политике воцарится идол прибыли, когда атомная энергетика уйдет из-под контроля религии, мы будем отброшены назад, отказавшись от той политики, которой с таким успехом пользуемся уже целое столетие!

— Я считаю, что это слишком долго, — вставил Мэллоу, — для политики безнадежно устаревшей и порочной. Обратите внимание: как бы вы ни гордились своими успехами в захвате Четырех Королевств, больше ни одно государство на Периферии не приняло вашей пресловутой политики! Уже в те времена, когда удалось завоевать Четыре Королевства, нашлись злые языки, которые разнесли по белу свету молву о том, как Сальвор Гардин воспользовался религией и людскими предрассудками, чтобы лишить светских монархов силы и независимости. Когда этого было недостаточно, вы поступали так, как поступили с Асконом двадцать лет назад. И теперь на Периферии просто не осталось правителя, который не согласился бы скорее удушить себя собственными руками, чем позволить миссионеру из Академии проникнуть на свою территорию!

Поэтому, Сатт, я не собираюсь навязывать ни Кореллии, ни любому другому государству то, чего они не хотят. Если наличие у них атомного оружия делает их опасными соседями, то не проще ли установить с ними дружеские отношения через торговлю, чем ставить их в зависимость от чужой церковной власти? Ведь стоит такому владычеству ослабнуть хоть немного, как оно рассыплется в прах, не оставив после себя ничего, кроме вечного, нескончаемого ужаса, страха и ненависти!

— Неплохо излагаете, — едко парировал Сатт. — А теперь давайте начнем сначала. Каковы ваши условия? Что вы хотите за то, чтобы ваши убеждения остались при вас?

— А вы полагаете, они продаются?

— А почему бы и нет? По-моему, это вполне в вашем духе — покупать и продавать!

— О, только с прибылью! — спокойно отозвался Мэллоу. Похоже было, что укол Сатта цели не достиг. — Вы можете предложить мне больше, чем у меня есть?

— Могу. Я предлагаю вам получать три четверти прибыли от сделок вместо половины.

Мэллоу коротко рассмеялся:

— Недурно. Но, к сожалению, то, что я выручу от торговли на ваших условиях, не составит и десятой части того, что я выручаю сам. Что вы можете предложить еще?

— Вы... могли бы получить кресло в Совете!

— А я его так и так получу, без вашей помощи.

Сатт наклонился вперед и резко схватил Мэллоу за руку.

— Вы можете спасти себя от тюрьмы! От двадцати лет заключения! Не согласитесь — уж я постараюсь, будьте уверены! Выгодно это вам?

— Не очень. А в чем, собственно, вы собираетесь меня обвинить?

— В убийстве!

— В убийстве? — с нескрываемым удивлением воскликнул Мэллоу.

— В убийстве анакреонского священника, посланца Академии.

— Вот как? И какие у вас доказательства?

Секретарь мэра прошипел в самое ухо Мэллоу:

— Мэллоу, я не шучу! Хватит, поговорили! Предварительное следствие уже закончено. Мне осталось подписать последнюю бумагу, и начнется процесс, на котором истцом будет Академия, а ответчиком — Хобер Мэллоу, Мастер Торговли. Вы бросили, гражданина Академии на произвол судьбы, отдали на растерзание и смерть, отдали его на поругание варварской толпе! Мэллоу, я даю вам пять секунд. У вас есть возможность уйти от возмездия. Что до меня, то лучше бы оно вас настигло — вы меня устраиваете больше как поверженный враг, а не как сомнительный друг! Да, лучше бы вы оказались за решеткой!

Мэллоу улыбнулся:

— Это ваше личное дело. Хотеть, как говорится, не запретишь.

— Прекрасно! — криво улыбнулся секретарь мэра. — Я так и думал. Это мэр предложил мне попробовать уговорить вас. Иначе я с вами и разговаривать бы не стал!

Дверь распахнулась. Сатт ушел не простившись.

Из соседней комнаты вышел Анкар Джаэль.

— Ну, все слышали? — с улыбкой спросил его Мэллоу.

Джаэль был обескуражен не на шутку.

— Никогда не видел его таким бешеным, — пробормотал он.

— Да ладно. Каковы ваши выводы?

— Выводы вот какие: внешняя политика, основанная на религиозном давлении, — это его «идефикс», но у него есть веские основания полагать, что его конечная цель не имеет под собой никакой религиозной основы. Ведь я лишился портфеля именно из-за того, что в свое время схлестнулся с ним именно по этому поводу. Вам бы я мог и не объяснять.

— Конечно. И какова же, по-вашему мнению, его конечная цель?

Улыбка сошла с лица Джаэля. Он ответил серьезно:

— Ну... он неглуп, поэтому должен сам осознавать провал религиозной политики, которая за последние семьдесят лет не принесла ни одной ощутимой победы. Не исключено, что он использует религию в собственных интересах.

Видите ли, всякая догма, изначально основанная на слепой вере и эмоциях, — опасное оружие. Это та самая яма, которую роешь другому, но не имеешь гарантии, что сам не окажешься там. Вот уже сто лет мы стараемся сохранить ритуалы и мифологию, которые давным-давно дышат на ладан. Они безнадежно устарели, утратили действенность и гибкость. Да и сама религия...

— Ну? — поторопил его Мэллоу. — Не останавливайтесь! Мне крайне важна ваша точка зрения!

— Ну представьте себе, что найдется какой-нибудь человек, в достаточной степени амбициозный, который возьмет да и обратит силу религии против нас.

— Вы хотите сказать, что Сатт...

— Именно это я и хочу сказать. Если ему удастся объединить всю церковную иерархию на соседних планетах и поднять ее против Академии — исключительно из соображений сохранения чистоты веры, к примеру, — каковы будут наши шансы? Он ведь преспокойненько может объявить крестовый поход против ереси, к примеру — в вашем лице, и стать монархом на веки вечные! В конце концов, не сказал ли однажды Гардин: «Бластер — штука хорошая, но направить его можно в любую сторону!»

Мэллоу почесал голую пятку.

— Ладно, Джаэль, вы мне только место в Совете добудьте, а уж я с ним разберусь.

После короткой паузы Джаэль задумчиво проговорил:

— Победа может оказаться и не за вами. Что это за история с убийством священника? Вранье, конечно?

— Чистая правда, — беспечно отозвался Мэллоу.

Джаэль присвистнул.

— Что, у него могут быть доказательства?

— Запросто. Дело в том, что Джейм Твер с самого начала работал на Сатта, хотя ни он сам, ни Сатт не догадывались, что я об этом знаю. А Твер видел все собственными глазами.

— Вот оно что... — протянул Джаэль. — Плоховато...

— Это почему же? Священник находился в Кореллии нелегально — даже по законам Академии. К тому же не исключено, что кореллианское правительство использовало его — вольно или невольно — как заложника. По всем законам здравого смысла у меня не было другого выбора. К тому же мой выбор полностью соответствовал официальным законам. Если он станет со мной судиться, он только того и добьется, что сам предстанет в совершенно дурацком свете, и больше ничего.

Джаэль покачал головой:

— Нет, Мэллоу, дело не в этом. Я же говорил вам, что Сатт способен на грязные игры. Даже если ему не удастся засадить вас за решетку, он может повредить вашему общественному положению. Он же сказал: «Обычаи порой превыше законов»! Вы можете спокойно выйти из зала суда победителем, но, когда народ узнает, что вы бросили миссионера на съедение кореллианским собакам, ваша популярность полетит ко всем чертям!

Нет, они поймут, что вы действовали в рамках закона, и все такое прочее. Но все равно, в их глазах вы останетесь трусом, предателем, бессердечным чудовищем. Вот тогда-то вам придется навсегда расстаться с мыслью о месте в Совете! Вы можете даже лишиться титула Мастера Торговли. Вы же — иноземец. А что еще нужно Сатту?

— Так!!! — выдавил Мэллоу.

— Мальчик мой, — грустно сказал Джаэль. — Я буду на вашей стороне, но помочь вряд ли сумею. Вы — под прицелом.

Зал заседаний Совета был битком набит в самом прямом смысле слова. Шел четвертый день суда над Хобером Мэллоу, Мастером Торговли... В Президиуме не хватало только одного советника — того, кто предал его. Зрители, не сумевшие пробиться в зал, до отказа заполнили боковые галереи. Прочие толпились на площади перед зданием Совета, наблюдая за ходом процесса на трехмерных экранах внешних видео.

Анкор Джаэль не без труда пробрался на свое место. Полицейские расталкивали зрителей, освобождая ему путь. Наконец он оказался у скамьи подсудимых, где сидел Мэллоу.

Мэллоу оглянулся, увидел Джаэля и облегченно вздохнул.

— Слава богу, вы успели как раз вовремя. То, что я просил, у вас?

— Вот, возьмите. Здесь все, что вы хотели.

— Отлично. Что там на улице?

— Они просто осатанели. Не стоило вам соглашаться на открытое слушание!

— Все нормально. Именно это мне и нужно.

— Да они вас четвертовать готовы. А на других планетах люди Манлио...

— Вот-вот! Как раз об этом я и хотел узнать! Он обрабатывает там священников?

— Обрабатывает? Не то слово! Ситуация просто невыносимая. Как секретарь по иностранным делам он все прокручивает на основании межпланетных законов. А как Первосвященник и Примас Церкви он поднимает толпы фанатиков...

— Так. Все ясно. Помните присказку Гардина про бластер? Вот сейчас мы ее и продемонстрируем на примере...

Мэр занял свое место в президиуме, советники почтительно привстали...

Началось дневное слушание дела, и через пятнадцать минут Хобер Мэллоу, сопровождаемый враждебным шепотком зрителей, вышел на свободное пространство перед скамьей мэра. Проходя мимо Джаэля, он шепнул:

— Вот и моя очередь. Смотрите и слушайте.

Мэллоу стоял, озаренный одиноким лучом света. На экранах уличных, домашних видеофонов во всех уголках Терминуса и соседних планет люди

видели одно и то же: могучую мужскую фигуру в луче беспощадного света.

Мэллоу начал легко и спокойно:

— Чтобы понапрасну не тратить времени, я заявляю, что полностью признаю высказанные против меня обвинения. Случай с миссионером был изложен абсолютно точно.

В партере зашептались, с галерки донесся победный рев. Мэллоу спокойно ждал, когда восстановится тишина.

— Однако, — продолжал он, — в картине недостает некоторых деталей. Прошу предоставить мне возможность ее уточнить. Поначалу мой рассказ может показаться не имеющим никакого отношения к делу, и поэтому прошу вашего благосклонного терпения и внимания.

Мэллоу продолжал, даже не заглядывая в лежащие перед ним записки:

— Я позволю себе начать с того же момента, с какого начато обвинение. То есть с момента моей встречи с Джораном Саттом и Джеймом Твером. О чем тогда шла речь, вам известно. Содержание бесед было передано точно, и мне нечего к этому добавить, кроме того, о чем я сам размышлял в те дни.

А поразмышлять было о чем. В те дни происходили странные вещи... Например: двое людей, с каждым из которых я едва знаком, делают мне непонятные предложения. Первый из них, секретарь мэра, предлагает мне сыграть роль правительственного шпиона по совершенно секретному делу, суть и важность которого вам уже известна. Другой, лидер политической партии, предлагает мне баллотироваться в Совет.

Конечно, естественно было задуматься о мотивах их предложений. Похоже, Сатт не доверял мне с самого начала. Не исключено, что он серьезно думал, будто я продаю врагам атомное оружие и вынашиваю планы мятежа. Возможно, он просто хотел ускорить события. В такой ситуации ему был нужен человек, который отправился бы туда со мной как наблюдатель. Эта мысль пришла ко мне чуть позже, когда на сцене появился Джейм Твер. Обратите внимание: Джейм Твер представился мне бывшим торговцем, ушедшим в политику. Надо сказать, мне до сих пор так и не удалось выяснить подробностей его торговой карьеры, хотя моя информированность в этой области достаточна широка. Даже Твер утверждает, что получил светское образование, но оказывается, никогда не слышал о том, что такое «Селдоновский кризис»!

Хобер сделал паузу, подождал, пока его слова дойдут до зрителей. На галерке раздался дружный вздох изумления. Удивленно ахнули и все жители Терминуса. На соседних планетах, куда транслировался усеченный вариант процесса, этой фразы не слышали. Там не должны были знать о

селдоновских кризисах. Но и для них у Мэллоу было кое-что в запасе...

Он продолжал:

— Кто из присутствующих здесь может, положи руку на сердце, утверждать, что человек, получивший светское образование, мог не слышать о селдоновском кризисе? Существует единственный тип образования, не предусматривающий никаких упоминаний о природе и сути селдоновских кризисов и представляющий самого Гэри Селдона как полумифического чародея...

Я сразу догадался, что Джейм Твер — никакой не торговец, а священник, и все то время, когда он якобы возглавлял вымышленную партию торговцев, он просто-напросто работал на Джорана Сатта.

Сначала я действовал вслепую. Я не знал наверняка, какие цели преследует Сатт относительно меня, но поскольку он сделал вид, что предоставляет мне полную свободу действий, я решил этим воспользоваться. Я уже говорил о своих предположениях относительно того, что Твер был подослан ко мне Саттом. Мне было ясно, что дело этим не кончится. Вот я и пригласил его отправиться со мной. Когда знаешь о ком-то, что он враг, он становится гораздо менее опасен. Твер согласился лететь.

Эти факты, уважаемые члены Совета, проливают свет как минимум на два момента. Во-первых, я доказал, что Твер не является моим добрым знакомым, который свидетельствует против меня исключительно из соображений совести, как пыталось утверждать обвинение. Он — шпион, которому платили за работу. Во-вторых, этим объясняются некоторые мои поступки в тот момент, когда я впервые увидел миссионера, которого потом якобы послал на смерть.

Советники зашептались. Мэллоу театрально откашлялся и продолжал:

— Мне очень тяжело описывать чувства, охватившие меня, когда я услышал, что на борту моего корабля — миссионер. Сначала я решил, что это проделка Сатта. На трезвую оценку ситуации времени у меня не было. Я, мягко говоря, был просто обескуражен.

И предпринять в тот момент я мог только одно. На пять минут я избавился от Твера, послав его за офицерами. Пока его не было, я успел включить видеокамеру, чтобы все, что ни случилось, оценить впоследствии трезво.

С тех пор я просмотрел видеозапись не менее пятидесяти раз. Она у меня с собой, и, если вы не возражаете, давайте взглянем на нее все вместе.

Публика взревела, многие повскакали со своих мест. Мэр унылым, монотонным баритоном призвал зал к порядку. В пяти миллионах квартир

на Терминусе люди придвинулись поближе к экранам, а со скамьи обвинения Джоран Сатт нервно кивнул взволнованному первосвященнику.

Центр зала очистили от публики, огни медленно погасли. Анкор Джаэль, сидевший справа от пульта, закончил необходимые приготовления. Раздался легкий щелчок, и пошла цветная, объемная видеозапись...

И все увидели испуганного, истерзанного миссионера, стоявшего между лейтенантом и сержантом, и Мэллоу, который молча ожидал, когда соберутся офицеры. Тех привел Твер.

Началась беседа. Был отчитан лейтенант, были заданы вопросы миссионеру. Послышались вопли собравшейся у корабля толпы кореллианцев. Преподобный Парма стал взывать к милости. Мэллоу поднял бластер, а миссионер, которого поволокли прочь из каюты, воздел руки к небесам в последнем проклятии. При этом что-то резко вспыхнуло и погасло. Даже последовала немая сцена: офицеры, замершие от ужаса, Твер, зажавший руками уши, Мэллоу, спокойно опустивший бластер...

Дали свет. В зале стояла гробовая тишина. Мэллоу, живой, теперешний Мэллоу, продолжал свой рассказ:

— Как видите, внешне все происходило именно так, как было изложено представителями обвинения. Позволю себе, однако, краткое замечание. Поведение Джейма Твера на протяжении всего инцидента подтверждает, что он действительно получил религиозное образование.

В тот же день я указал Тверу на кое-какие странности в случае с миссионером. Я спросил его, откуда, по его мнению, мог взяться миссионер в том практически безлюдном районе Кореллии, где находился космопорт. Спросил его и о том, откуда взялась гигантская толпа народа, когда ближайший населенный пункт находится не менее чем в ста милях от космопорта. На эти моменты следствие, кстати, никакого внимания не обратило.

Отмечу еще кое-что. Например, у меня вызвала серьезные сомнения сама личность преподобного Джорда Пармы. Миссионер из Академии, рискующий жизнью, нарушая как наши, так и кореллианские законы, разгуливает по планете в новенькой, с иголки, сутане, не оставляющей никаких сомнений в том, что он — священник. Что-то тут было не так. Тогда я предположил, что миссионер — невольный соратник Командора, пытающегося использовать его для провокации военного конфликта.

Следствие обошло стороной тот момент, что уже одним только этим могли быть оправданы мои действия. Мне пытались доказать, что безопасность корабля, команды, выполнение данного мне задания не стоили жизни одного человека, в то время как его все равно бы убили — с

нашей помощью и без нее. Мне говорили общие фразы о «честь» Академии, которую я должен был сохранить во имя нашего «добротного имени».

По непонятной мне причине следствие совершенно отказалось от выяснения личности самого Джорда Пармы. Не было представлено никакой информации о нем — где родился, где учился, и тому подобное. А это очень важно, и именно этим и могут быть объяснены многие неувязки в инциденте.

Следствие не представило никакой информации о личности Джорда Пармы по одной простой причине. Оно не могло ее представить. Никакого Джорда Пармы нет и никогда не существовало! Из вышеизложенного следует, что судилище надо мной является грандиозным фарсом, сфабрикованным по делу, которого на самом деле не существует.

Мэллоу пришлось сделать паузу и подождать, пока взбудораженный зал затихнет. Когда вновь стало тихо, он спокойно продолжил:

— Мне хотелось бы, господа, еще на несколько минут задержать ваше благосклонное внимание на одном-единственном кадре видеозаписи. Он скажет сам за себя. Прошу вас, Джаэль!

Огни погасли. В пустом пространстве посреди зала вновь возникли фигуры участников событий на Кореллии — призрачная, восковая иллюзия. Офицеры, замершие в страхе. Бластер в руке Мэллоу. Слева — преподобный Джорд Парма, в отчаянии воздевший руки к небесам. Упавшие рукава сутаны обнажили его худые руки по локоть... От предплечья миссионера исходило непонятное неяркое свечение, которое при предыдущем просмотре записи выглядело короткой вспышкой.

— Обратите внимание на свечение, идущее от руки миссионера, — раздался в темноте спокойный голос Мэллоу. — Джаэль, дайте увеличение!

Последовал ряд щелчков, и в воздухе не осталось ничего, кроме увеличенной во много раз руки миссионера.

Свечение исходило из трех букв — «КТП».

— Это, — разорвал темноту и тишину голос Мэллоу, — особая разновидность татуировки, джентльмены. При обычном освещении она не видна, и сейчас мы видим ее только потому, что во время записи моя каюта освещалась и ультрафиолетом. Должен признать, это исключительно примитивный способ идентификации агентов, но в Кореллии, где в свете нет ультрафиолета, он работает просто превосходно. Даже на нашем корабле это было замечено случайно.

Может быть, присутствующие уже догадались, что обозначают эти три буквы — «КТП»? Джорд Парма неплохо владел лексиконом священника и

сыграл свою роль превосходно. Где он этому научился, трудно судить, но «КТП» означает: «Кореллианская Тайная Полиция».

Дальше Мэллоу пришлось до предела напрячь голосовые связки, чтобы перекрыть взревший зал...

— Последнее я могу доказать с помощью ряда документов, привезенных из Кореллии, которые, если возникнет необходимость, я готов передать Совету.

Так позвольте же спросить, господа, где же тогда состав преступления? Мне было повторено десятки раз, что я должен был всеми силами стараться спасти жизнь миссионера вопреки законам, пожертвовать своей миссией, кораблем и самим собой ради «чести» Академии. Ради кого — шарлатана, шпиона, мошенника? Ради тайного агента кореллианской разведки, облачившегося в священную сутану, разглагольствовавшего на языке благочестивого служителя веры, который он выучил где-нибудь на задворках Анакреона? Должны ли были Джоран Сатт и Публис Манлио заводить меня в эту подлую и мерзкую западню?..

Голос его потонул в реве публики. Зрители рванулись к Мэллоу, подняли его на руки и поднесли к креслу мэра. Через раскрытые настежь окна ему было видно, как к площади бегут новые и новые тысячи горожан...

Мэллоу оглядывался по сторонам и искал взглядом Анкора Джаэля, но так и не смог отыскать его. Постепенно беспорядочные крики толпы переросли в ритмичное скандирование. Могучий хор повторял одно и то же: «Слава Мэллоу! Сла-ва Мэл-лоу! Сла-ва Мэл-лоу!»

Анкор Джаэль и Мэллоу уже две ночи напролет не смыкали глаз. Джаэль устало моргал воспаленными веками.

— Мэллоу, — хрипло проговорил он, — вы устроили превосходный спектакль, но теперь главное — не смазать финал. Не стоит залетать слишком высоко. Неужели вы всерьез подумываете о должности мэра? Энтузиазм толпы, конечно, великая вещь, но и она способна подвести.

— Естественно, — угрюмо отозвался Мэллоу. — Поэтому нам не остается ничего другого, как потакать толпе. И лучший способ для этого — дать второе действие спектакля.

— Господи, что еще?

— Вы должны арестовать Публиса Манлио и Джорана Сатта.

— Что?

— То, что слышали. Заставьте мэра арестовать их! Мне абсолютно все равно, какими методами вы этого добьетесь. Толпу я беру на себя — по крайней мере, на сегодня. Мэр побоится выступить против воли народа.

— Но на каком основании?

— Основание совершенно очевидное. Они настраивали священников соседних планет против Академии. По Селдону это противопоказано. Обвините их в том, что они ставили под удар государственную безопасность. Большого, думаю, не потребуется. Мне они надоели до смерти, и я не хочу, чтобы они у меня перед глазами мельтешили, пока я еще не мэр.

— Но... до выборов еще полгода!

— Не так уж много. — Мэллоу встал, подошел к Джаэлю и крепко сжал его руку повыше локтя. — Послушайте, если мне будет нужно, я могу силой захватить власть — так, как это сделал Сальвор Гардин сто лет назад. Селдоновский кризис никуда не делся. Он неуклонно надвигается, и к тому времени, когда приблизится вплотную, я должен быть мэром и... первосвященником! Да не смотрите вы так! Именно — и тем и другим!

Джаэль нахмурился.

— Кто же на этот раз? — спросил он обреченно, — Неужели Кореллия?

— Конечно, — кивнул Мэллоу. — Они обязательно объявят нам войну. Но не сейчас. Года через два.

— У них что, есть ядерный флот?

— А вы как думали? Те три торговых корабля, что пропали без вести в их секторе, были сбиты не пневматическими пистолетами! Джаэль, они получают корабли из самой Империи. Что вы рот раскрыли? Из Империи, говорю я вам! Она все еще существует. На Периферии ей действительно пришел конец, но в центре Галактики она еще вполне жива! И единственный неверный шаг может привести к тому, что она сядет нам на шею. Вот почему мне необходимо стать мэром и первосвященником! Я — единственный человек, кто знает, как вести себя во время нового кризиса.

Джаэль сглотнул слюну.

— Что вы собираетесь делать? — шепотом спросил он.

— Ничего.

Джаэль нервно улыбнулся:

— Как — ничего?

Мэллоу решительно ответил:

— Когда я стану хозяином Академии, я собираюсь не делать ничего. На сто процентов ничего. В этом и есть секрет нового кризиса.

Аспер Арго, Горячо Возлюбленный, Командор Кореллианской Республики, приветствовал свою супругу сердитым взглядом из-под нахмуренных бровей. Он прекрасно знал, что пышный эпитет после его имени для нее не значил ровным счетом ничего.

Голосом жидким, как ее волосы, и холодным, как ее глаза, она произнесла:

— Мой благородный господин и повелитель, как я понимаю, наконец решил судьбу Академии?

— Хм! — притворно удивился Командор. — А что еще понимает моя прозорливая госпожа и супруга?

— Много чего, мой супруг и повелитель! У тебя было важное, очень важное совещание с твоими тупоголовыми советниками. Хороши помощнички! Сборище малахольных идиотов, которые только и думают как урвать куш пожирнее, не заботясь о том, как это поправится моему отцу!

— И кто же, моя бесценная, служит источником столь важной информации, на основании которой ты делаешь свои изумительные выводы?

Командорша хихикнула:

— Ага! Так я тебе и сказала. Чтобы источничек стал покойничком? Держи карман шире!

— Ну, моя прелесть, ты, как всегда, вольна поступать, как тебе заблагорассудится, — лениво ответил Командор и отвернулся. — А что касается твоего отца... то у меня есть подозрение, что он просто-напросто не желает присылать нам больше кораблей.

— Еще кораблей? Ну, нахал! Разве он не прислал тебе уже целых пять штук? Не отпирайся! Я знаю, что прислано пять, а шестой обещан.

— Уже год, как обещан.

— Но тебе же хватит одного — одного, ты слышишь? — для того чтобы разодрать в клочки эту Академию. Одного! Одного корабля хватит, чтобы обратить в пыль и прах никчемные, карликовые звездолетики!

— Но не могу я атаковать их планету, будь у меня даже дюжина кораблей!

— Не можешь — и не надо! Прекрати торговать с ними. Они долго не продержатся! Сдались тебе эти побрякушки!

— Эти побрякушки означают денежки... — вздохнул Командор. — Много, много денежек.

— Но если ты захватишь всю Академию целиком, разве ты не получить в свои руки все, что у них есть! Уже три года прошло, как тут побывал этот варвар и заморочил тебе голову — удушила бы его собственными руками! Может, хватит, а!

— Золотко мое, — устало сказал Командор, взглянув на нее через плечо. — Я уже старый. Устал я. Не могу так долго выдерживать твою трескотню. Ты сказала, что знаешь, что я решил. Да. Будет война между Кореллией и Академией.

— Отлично! — каркнула Командорша. Выпрямилась, сверкнула злыми глазами. — Наконец-то ты научился уму-разуму, хотя и поздновато, надо сказать! А теперь, когда ты станешь хозяином всей Периферии, ты станешь важной персоной и для Империи! Наконец мы сможем покинуть эту варварскую глушь и появиться при дворе вице-короля. Наконец-то!

Довольно улыбаясь, она вышла из комнаты. Дождавшись, пока за женой закрылась дверь, Командор процедил сквозь зубы:

— У-гу... Когда я стану хозяином Периферии, этой, как ты выразилась, варварской глуши, я прекрасенько обойдусь и без твоего вшивого папаша, и без ядовитого язычка его милой дочурки. Еще как обойдусь!

Старший лейтенант звездолета «Черная Туманность» в ужасе замер у иллюминатора кругового обзора.

— Господь Всемогуций! — хотел крикнуть он, но из горла вырвался лишь хриплый шепот: — Что это?!!!

Это был звездолет таких колоссальных размеров, что «Черная Туманность» по сравнению с ним выглядела как рыбка-лоцман рядом с китом. Борт его украшала эмблема — «Звездолет и Солнце» Империи...

На «Черной Туманности» истерически заливались все сигналы тревоги.

Приказ уже был отдан, и «Черная Туманность» была готова удирать так быстро, как только можно, или отражать атаку, если понадобится, а из зала ультраволновой связи было послано срочное сообщение в Академию.

За ним еще и еще одно... Не то крики о помощи, не то предупреждение о грозящей опасности...

Хобер Мэллоу поморщился и устало пошевелил затекшими ступнями. Он уже битых три часа занимался просмотром официальных отчетов. Характер его здорово смягчился за два года пребывания на посту мэра, однако он так и не проникся любовью к умопомрачительной официальнойштине государственных бумаг.

— Сколько кораблей они захватили? — поинтересовался Джаэль.

— Четыре на стоянках. Два — черт знает где. Не сообщается. Зато все остальное — в порядке, — буркнул Мэллоу. — Можно было бы и уменьшить потери, да ладно. Комариные укусы, не больше.

Джаэль молчал. Мэллоу поднял на него усталый взгляд.

— Вас что-то беспокоит?

— Хотел бы я, чтобы сейчас здесь был Сатт, — последовал совершенно неожиданный ответ.

— Чтобы мы с вами выслушали очередную проповедь о состоянии внутренних дел?

— Нет, не для этого, — откликнулся Джаэль. — Ну вы и упрямец, Мэллоу! Я не отрицаю: что касается внешней политики — тут вы все проработали просто превосходно, а вот что у нас творится дома, так вас вроде и не волнует совсем!

— А разве это не ваше дело? Для чего, собственно, я назначил вас Министром Образования и Пропаганды?

— Скорее всего для того, чтобы побыстрее свести меня в могилу за все хорошее, что я сделал для вас, — мрачно пошутил Джаэль. — За два года я вам все уши прожужжал о том, что Сатт и его религиозная партия становятся все более и более опасными. Куда вы денетесь с вашими грандиозными планами, если Сатт добьется досрочных выборов и вышвырнет вас к чертовой матери?

— Никуда не денусь, вполне с вами согласен.

— А вчера вы произнесли в Совете такую речь, что просто взяли и подарили Сатту возможность потребовать досрочных выборов! Зачем вы это сделали, можно узнать?

— А как я еще мог поступить?

— Не так! — выкрикнул Джаэль. — Только не так! Вы утверждаете, что все предусмотрели, но так и не объяснили, почему три года торговали с Кореллией в режиме наибольшего благоприятствования. Единственный

пункт вашей военной доктрины — отступление без боя. Вы просто не желаете торговать ни с кем, кроме Кореллии. Вы открыто объявили себя взяточником. Вы не гарантируете Терминусу никакой защиты, даже в будущем. Черт подери, Мэллоу, что же вы хотите от меня в такой неразберихе?

— Вы считаете, что не хватает помпезности?

— Я считаю, что не хватает одобрения народа.

— Это одно и то же.

— Мэллоу, очнитесь! Одно из двух: либо представьте народу активную внешнюю политику, либо пойдите на компромисс с Советом.

Мэллоу спокойно ответил:

— Все верно. Если я не преуспел в первом, попробуем второе. Тем более что Сатт уже прибыл.

Сатт и Мэллоу не встречались со дня окончания процесса, то есть уже два года. Оба не обнаружили никаких перемен друг в друге, не считая того, что за это время они поменялись ролями...

Сатт сел, не пожав руки Мэллоу.

Мэллоу предложил ему сигару и спросил:

— Вы не возражаете, если Джаэль останется? Он — честный человек и всей душой желает, чтобы мы достигли согласия. Кроме того, если разыграются страсти, он будет действовать как буфер.

Сатт пожал плечами.

— Компромисс — единственное, что вас сейчас устроит. Помните, Мэллоу, когда мы с вами последний раз встречались, я предложил изложить ваши условия. Видимо, теперь все будет наоборот.

— Верно.

— Мои условия таковы: вы должны немедленно прекратить осуществление своей политики экономического предательства, торговлю всякой дребеденью и вернуться к проверенной десятилетиями политике наших предков.

— Вы имеете в виду религию?

— Естественно.

— Вариантов нет?

— Нет.

— Хм-м-м...

Мэллоу спокойно, с чувством затянулся...

— Интересно все-таки получается... Во времена Гардина, когда религиозная конкиста была нова и радикальна, люди вашего толка

противились ей. Теперь же, когда эта тактика безнадежно устарела, обветшала и выдохлась, вас это почему-то продолжает устраивать! Но скажите мне ради всего святого, как вы собираетесь вытащить нас из нашей теперешней неразберихи?

— Из вашей теперешней неразберихи, если уж быть до конца точным, Мэллоу. Я тут ни при чем.

— Ну ладно, будем считать, я неправильно построил вопрос.

— Академии нужна мощная защита. Вы зашли в тупик и радуетесь, а в нем кроется смертельная опасность! Наше влияние на Периферии ослабло донельзя! А там кроме силы ничего не признается. Вы должны это понимать как никто другой. Вы же смирнянец!

Мэллоу сделал вид, что пропустил последнее замечание мимо ушей, и спросил:

— Ну хорошо, допустим, мы одолеем Кореллию. А что делать с Империей? Вот ведь где настоящий враг!

Уголки рта Сатта Дрогнули в усмешке.

— Да-да. Я читал ваш отчет о посещении Сивенны. Вице-король норманнского сектора жаждет захватить Периферию. Но это только часть дела, как я понимаю, и не самая главная. Не думаю, что он собирается ставить на карту все, что у него есть. У него наверняка хватает дел и поближе. Как и у самого Императора, кстати. Фактически я перефразировал слова из вашего собственного отчета.

— Да, Сатт, все именно так и может обстоять, если только он считает нас достаточно сильными и опасными. В этой мысли его легко убедить, применив против Кореллии грубую силу. Но мне кажется, что нам следует проявить гибкость.

— То есть? Например?

Мэллоу откинулся на спинку кресла.

— Сатт, я даю вам шанс. Вы мне, честно говоря, не нужны, но я честно и откровенно говорю вам, что не прочь вас использовать. Поэтому рассказываю вам о истинном положении дел, а вы решайте — присоединяетесь ко мне и получаете портфель в коалиционном правительстве или играете в «крестики-нолики» в тюремной камере.

— Однажды вы мне уже угрожали подобным образом.

— Да, пытался. Но так, слегка... А теперь слушайте.

Глаза Мэллоу сузились...

— Тогда, два года назад, побывав в Кореллии, я подкупил Командора, — начал он, — обычным набором безделушек, которым пользуется в таких случаях каждый торговец. Поначалу это нужно было

исключительно для того, чтобы проникнуть на сталеплавильный завод. Далеко идущих планов у меня не было, но уже тогда я разгадал, что хотел. Только после визита в Империю я понял, в какое оружие можно превратить эту торговлю.

Сатт, мы стоим перед угрозой очередного селдоновского кризиса, а селдоновские кризисы разрешаются не волевыми усилиями отдельных людей, а сочетанием исторических сил. Гэри Селдон, планируя нашу историю, рассчитывал не на блестящих героев, а на развитие экономических и социальных процессов. Поэтому разрешение кризисов должно происходить за счет тех сил, которые на данный момент времени имеются в распоряжении. В теперешней ситуации это — торговля!

Сатт скептически приподнял брови и воспользовался образовавшейся паузой.

— Вроде бы я не страдаю недостатком интеллекта, однако ваша туманная проповедь меня пока не просветила и ни в чем не убедила.

— Успеется, — кивнул Мэллоу. — Я абсолютно уверен в том, что до сих пор роль торговли недооценивалась. Все время считалось, что нам необходимо внедрять религию и держать ее под неусыпным контролем для того, чтобы торговля стала мощным оружием. Это не так! Именно это и есть мой личный вклад в общегалактическую ситуацию. Торговля без религии — сама по себе! Она и так достаточно сильна. Давайте посмотрим на вещи проще и точнее. Кореллия объявила нам войну. Соответственно, наша торговля с ней прекратилась. Но... — учтите, что я до предела упрощаю проблему, учтите, что за последние три года Кореллия поставила всю свою экономику на атомный путь, основываясь на технологиях, которые мы ей поставляли. Как вы думаете, что произойдет теперь, когда все это начнет постепенно выходить из строя — реакторы, генераторы, машины?

Первыми заглухнут бытовые приборы. Через полгода у каждой домохозяйки перестанет работать такой удобный и любимый атомный нож. Перестанет жарить мясо ее драгоценная атомная духовка. Выйдет из строя очаровательный душ, стиральная машина. Кондиционер заглухнет в самый жаркий день. Что из этого следует?

Он замолчал, ожидая ответа. Ответ последовал:

— Да ничего не следует. Людям многое приходится переносить, когда идет война.

— Правильно. Приходится. Многое приходится переносить, посылая сыновей на жуткую смерть в разбитых звездолетах, погибая под бомбами врага. Все это можно перенести, даже если придется перебиваться на сухом

хлебе и сырой воде в пещерах! Но безумно трудно пережить даже самые маленькие лишения, когда патриотического подъема нет! Вот это будет тупик! Ведь не будет ни битв, ни бомбардировок, ни осады.

А будет вот что: нережущий нож, холодная духовка, дом, замерзающий посреди суровой зимы. Это будет раздражать обывателей, и в конце концов народ заропщет!

Сатт медленно, удивленно проговорил:

— И вы всерьез ставите на это? Чего вы ждете? Бунта домохозяек? Новой Жакерии? Восстания мясников и зеленщиков, потрясающих тупыми топорами и капустными сечками и скандирующих: «Верните нам наши автоматические-самые-лучшие-атомные-стиральные машины!»?

— Нет, сэр, — прервал его Мэллоу. — Я рассчитываю не на это. Я рассчитываю на общее недовольство, на фоне которого может разыгаться недовольство гораздо более крупных фигур.

— Каких крупных фигур?

— Производителей, Сатт. Фабрикантов, промышленников Кореллии. У них тоже будет масса поводов для недовольства. Они-то чем лучше домохозяек и мясников? Начнут выходить из строя станки, от первого до последнего сконструированные по весьма специфическим проектам. Задохнется тяжелая индустрия.

— Да, но работали же там фабрики и заводы до вашего визита, Мэллоу?

— Работали, Сатт. В одну двадцатую от теперешней мощности. А во что обойдется обратная конверсия, вы посчитали? Сколько продержится Командор, если против него восстанут промышленники, финансисты и все население Кореллии?

— Сколько угодно, если сумеет получить новую атомную технику из Империи.

Мэллоу весело рассмеялся:

— А вот и проиграли, Сатт! Проиграли вместе с Командором. И ни черта не поняли. Ничегошеньки они от Империи не получают. Империя всегда страдала гигантоманией. Они там мыслят не иначе как в планетарном, межзвездном масштабе. Их генераторы — громадины, колоссы! Так и были задуманы.

А мы — мы, крошечная Академия, маленький мир, не имеющий источников добычи металлов, всегда были страшно экономны. Мы просто вынуждены были производить генераторы размером с мизинец — большей роскоши мы не могли себе позволить. Нам пришлось разрабатывать новые методики, новые технологии, о которых в Империи никто и не помышляет.

Регресс науки там настолько очевиден, что ни о каком движении научной мысли вперед не может быть и речи.

Они могут закрыть защитными полями целые города, планеты, планетарные системы, но так и не додумались до создания индивидуального защитного поля. Для освещения и обогрева городов у них стоят генераторы в шесть этажей высотой — я их видел собственными глазами, а наши могут спокойно уместиться вот в такой комнате. А когда я показал одному из их специалистов по атомной энергетике свинцовый контейнер с орех величиной, в котором находился атомный генератор, он чуть на тот свет не отправился от удивления! Да и в собственных гигантах они уже ничего не смыслят. Машины работают автоматически, профессия технолога передается по наследству, и я знаю, что эти горе-специалисты будут совершенно беспомощны, если одна-единственная D-трубка выйдет из строя!

Таким образом, война произойдет между двумя системами — между Империей и Академией, между большим и малым. Для того чтобы обрести власть над Галактикой, они отправятся в путь на громадных звездолетах, которые годятся для войны, но не имеют никакого отношения к экономике. Мы же, со своей стороны, оперируем маленькими вещицами, совершенно никчемными с военной точки зрения, но абсолютно бесценными в плане процветания и благополучия.

Вице-король и Командор выберут первое — эти здоровенные корабли и начнут воевать. Мало ли было в Истории случаев, когда деспотичные монархи жертвовали благополучием своих народов, ставя перед собой наполеоновские цели? Но в жизни, повседневной жизни, гораздо большее значение имеют малости. И Аспер Арго не устоит против экономического кризиса, который через два-три года раскрутится в Кореллии.

Сатт стоял у окна, повернувшись спиной к Мэллоу и Джаэлю. Наступал вечер. В небе загорелись первые звезды. Где-то далеко-далеко отсюда находились останки Галактической Империи, объявившей войну Академии.

Сатт процедил сквозь зубы:

— Нет. Вы — не человек.

— Вы мне не верите?

— Я вам не доверяю. У вас язык без костей. Вы меня обвели вокруг пальца еще тогда, когда я думал, что вы полностью в моей власти, когда впервые отправились в Кореллию. И тогда, когда я думал, что уж точно загнал вас в угол на суде, вы развели демагогию и уселись в кресло мэра. В вас нет ни капли честности, прямоты, ни одного мотива для действия, за

которым не прятался бы другой, вы не говорите ни слова, которое не имело бы меньше трех смыслов.

А вдруг вы предатель? А вдруг вам обещали помощь и поддержку во время вашего визита в Империю? Вы бы действовали именно так, как сейчас. Вы как раз и начали бы войну после того, как до зубов вооружили врага. А потом нашли бы для этого подходящее объяснение.

— Надо понимать, компромисса не будет?

— Я хочу сказать, что вам следует сойти со сцены, добровольно или нет — неважно!

— Сатт, я предупреждал вас о том, какой у вас выбор.

Лицо Сатта побагровело, и он рявкнул:

— А я предупреждаю вас, Хобер Мэллоу из Смирны, что в том случае, если вы меня арестуете, события не заставят себя ждать, Мои люди ни перед чем не остановятся и будут везде говорить правду о вас, и простой народ в Академии объединится против своего чужеземного правителя! У нашего народа есть представление о собственной судьбе, которого никогда не понять смирнианцу! Это и погубит вас!

Хобер Мэллоу спокойно приказал двум вошедшим гвардейцам:

— Арестовать его. Увести.

— Это ваш последний шанс! — прохрипел Сатт.

Мэллоу, не глядя на него, погасил сигару...

После пятиминутного молчания Джаэль спросил:

— Ну и что теперь?

Мэллоу отставил в сторону пепельницу и взглянул на него.

— Да, это не тот Сатт, которого я знал когда-то. Ослепший от злобы маньяк. Черт подери, как же он меня ненавидит!

— Тем более он опасен.

— Опасен? Ерунда! Он совершенно утратил здравый смысл.

Джаэль угрюмо проговорил:

— Вы слишком беспечны, Мэллоу. Вы игнорируете возможность народного восстания.

Мэллоу так же угрюмо возразил:

— Джаэль, раз и навсегда запомните: народное восстание невозможно!

— Вы слишком самоуверенны!

— Я уверен только в том, что существуют селдоновские кризисы и что их разрешение имеет явную историческую ценность — как во внешней политике, так и во внутренней. Есть кое-что, о чем я не сказал Сатту. Он ведь пытался и в Академии насадить ту же религию, что и в соседних мирах. Но это ему не удалось. И это верный признак того, что по схеме

Селдона религия больше не нужна.

А система экономического патронажа сработала иначе. Если перефразировать знаменитый афоризм Гардина, который вы так любите, она как раз и стала тем несчастным, столько раз упомянутым бластером, который не стреляет в какую угодно сторону. То есть не стреляет вообще. При условии, что Кореллии обеспечено благополучие благодаря нашей торговле, процветаем и мы. Но оно прекратится с наступлением коммерческой изоляции внешних миров, и если кореллианские заводы встанут без наших торговцев, то встанут и наши заводы.

Если Сатт предпримет революционную пропаганду, то не окажется ни одной фабрики, ни одного торгового Центра, ни одной звездолетной линии, которых я бы не держал в своих руках, которых я бы не мог раздавить в лепешку. Там, где его пропаганда приносит успех или даже теоретически может его иметь, я обязательно строю все так, что экономика развалится. А там, где не сработает, процветание продолжится, потому что штат моих заводов укомплектован полностью.

Основываясь на тех же выводах, которые придают мне уверенность, что кореллианцы решат в пользу благополучия, я считаю: мы не станем восставать против. Игра будет сыграна до конца.

— Затем, — вставил Джаэль — вы установите плутократию. Вы превратите нас в страну торговцев и коммерческих королей. А что потом?

Мэллоу поднял мрачное лицо и свирепо сказал:

— Какое мне дело? Не сомневаюсь, что Селдон предвидел и подготовил будущее. Начнутся новые кризисы, когда власть денег окажется такой же мертвой силой, какой сейчас является религия. Пусть мои последователи решат новые проблемы, как я решил сегодняшнюю.

Кореллия — ...После трех лет войны, которая, безусловно, явилась самой мирной из известных войн, Республика Кореллия безоговорочно капитулировала, и Ховер Мэллоу занял место рядом с Гэри Селдоном и Сальвором Гардином в сердцах народа Академии.

Галактическая энциклопедия

Примечания

Даже даты приводятся в основном в современном летосчислении. Первым годом новой, Академической, Эры считается 79-й.

Все Цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го Издания, опубликованного в 1020 году Издательством Галактической Энциклопедии на Терминусе, с разрешения Издательства.